Б12 4/17

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ
СМЕРТНОЙ КАЗНИ
ВЪ РОССІИ.

Рѣчь, читанная 5 ноября 1891 года, въ торжественномъ годичномъ собраніи Императорскаго Казанскаго университета,

ординарнымъ профессоромъ
Н. П. ЗАГОСКИНЫМЪ.

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета.
1892.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ

СМЕРТНОЙ КАЗНИ

ВЪ РОССІИ.

Рѣчь, читанная 5 ноября 1891 года, въ торжественномъ годичномъ собраніи Императорскаго Казанскаго университета,

ординарнымъ профессоромъ

Н. П. ЗАГОСКИНЫМЪ.

КАЗАНЬ.

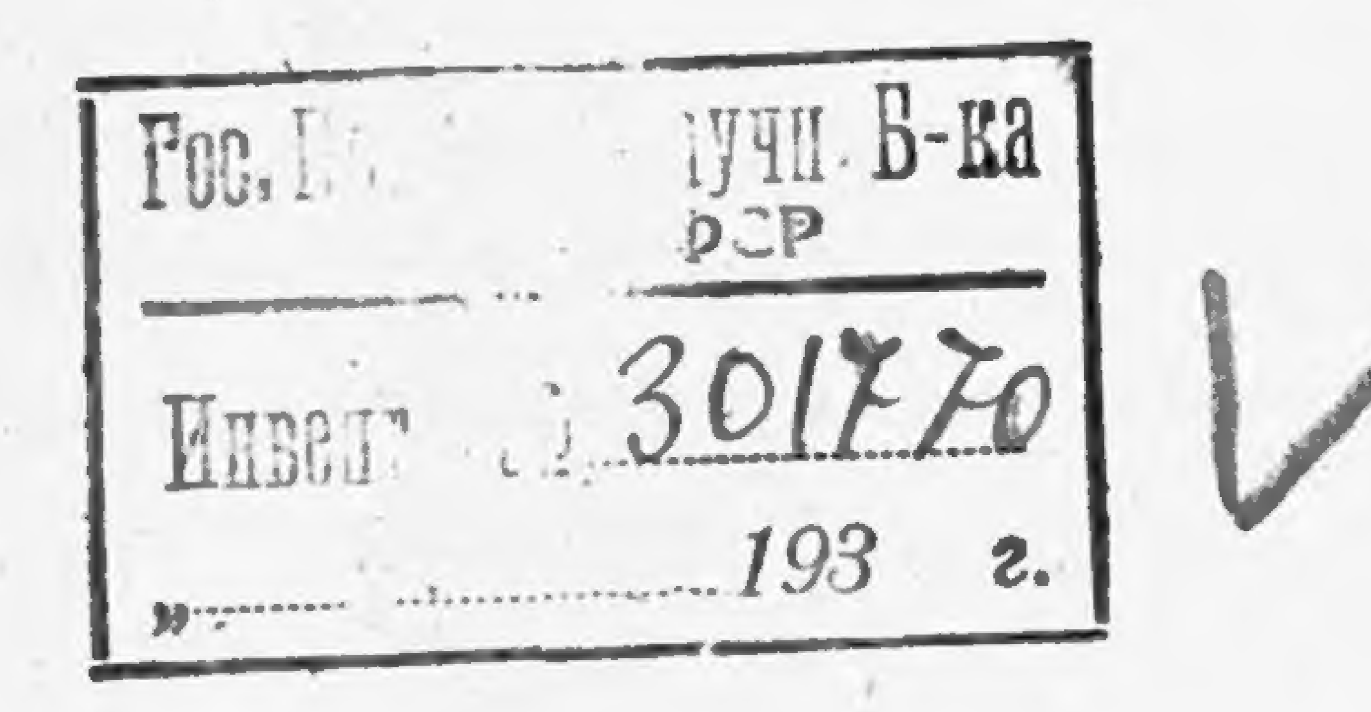
Типографія Императорскаго Университета.

1892.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Казанскаго Университета.

Мм. Гг.!

Выполняя лестное для меня порученіе ученой коллегіи Императорскаго Казанскаго университета занять вниманіе Ваше на настоящемъ нашемъ годичномъ празднествѣ—я избралъ предметомъ моей бесѣды съ дорогими гостями *исторію смертной казни въ Россіи.*

Да не посѣтуютъ на меня дорогіе гости за этотъ выборъ темы. Не съ цѣлью возбужденія нервовъ ихъ картинами суровыхъ казней и пытокъ рѣшаюсь я развернуть передъ ними нѣсколько мрачныхъ страницъ изъ историческаго прошлаго русскаго народа. Далекъ я и отъ мысли бросить какой бы то ни было упрекъ этому прошлому, тѣмъ болѣе, что, пройдя черезъ мрачную эпоху господства смертныхъ казней и другихъ устрашительныхъ каръ, нашъ народъ отдалъ въ своемъ прошломъ лишь необходимую историческую дань общему теченію, которому, въ извѣстную пору своей жизни, слѣдовали всѣ безъ исключенія народы культурнаго міра. Можно добавить, къ чести нашего историческаго прошлаго, что эта мрачная эпоха господства устрашительныхъ каръ далеко не была у насъ такою продолжительною, какою являлась она въ государствахъ западной Европы, и никогда не достигала той ужасающей интенсивности, которая въ свое время заливала кровью и застилала дымомъ костровъ всѣ государства германо-романскаго міра.

Великимъ народамъ не подобаетъ закрывать глаза передъ своимъ прошлымъ. Они не должны стыдиться этого прошлаго,

что бы тѣмъ самымъ имѣть право гордиться своимъ настоящимъ,—а въ вопросѣ о смертной казни русское уголовное законодательство, какъ будемъ мы имѣть случай убѣдиться въ этомъ, всегда шло во главѣ законодательствъ великихъ культурныхъ государствъ Западной Европы.

Раскроемъ же смѣлою рукою это прошлое, послѣднія переживанія котораго готовы,—какъ во всемъ культурномъ мірѣ, такъ и у насъ на Руси,—уступить мѣсто гуманитарнымъ идеаламъ, подъ знаменемъ которыхъ готовимся мы встрѣтить быстро приближающееся къ намъ двадцатое столѣтіе жизни человѣчества,—жизни, обновленной божественнымъ завѣтомъ безконечной и всепрощающей любви!.....

Прежде, нежели я приступлю къ непосредственному предмету моей бесѣды, да позволено мнѣ будетъ представить нѣсколько соображеній обще-историческаго характера.

Древнѣйшая пора жизни каждаго народа характеризуется господствомъ частныхъ началъ, съ которыми чувствуетъ себя еще безсильною бороться слабая и облеченная въ шаткія и мало-опредѣленныя формы государственная власть. Эти частныя начала проникаютъ собою самыя разнообразныя сферы жизни; они съ полною силою сказываются и въ области воззрѣній на преступленіе и наказаніе. Преступленіе, до тѣхъ поръ, пока оно не имѣетъ непосредственнымъ объектомъ своимъ само государство, еще не признается злымъ проявленіемъ воли, направленнымъ противъ основъ жизни всего общества. Въ немъ видятъ еще не зло абсолютное, не угрожающее интересамъ и безопасности государства и общества уклоненіе свободной воли лица съ пути нормальнаго и допускаемаго правомъ проявленія ея, но главнымъ моментомъ его ставятъ нарушеніе интересовъ частныхъ, нарушеніе правъ индивидуальныхъ, видятъ въ немъ „обиду“, причиненную лицу или лицамъ, непосредственно потерпѣвшимъ отъ правонарушенія. Въ

силу такого воззрѣнія, государственная власть и не считаетъ себя призванною брать на себя инициіативу преслѣдованія преступнаго дѣянія до тѣхъ поръ, пока нѣтъ на лицо претензіи со стороны потерпѣвшаго, пока этотъ потерпѣвшій не выступитъ въ роли частнаго обвинителя, не укажетъ и не уличитъ преступника. Нѣтъ частнаго обвинителя—нѣтъ и преслѣдованія преступника; этимъ основнымъ положеніемъ характеризуется древнѣйшая форма процесса, обусловливая собою такъ называемое *обвинительное начало* его, безразлично прилагаемое къ преслѣдованію какъ правонарушеній уголовныхъ, такъ и простой, гражданской, неправды. Очень естественно, что, при такомъ воззрѣніи на преступленіе и на судъ, и самое воззрѣніе на наказаніе также проникнуто частнымъ началомъ: наказаніе имѣетъ ближайшею своею задачею лишь удовлетвореніе чувству мести со стороны потерпѣвшихъ и возстановленіе матеріальнаго зла, причиненнаго преступнымъ дѣяніемъ, не преслѣдуя, или почти не преслѣдуя, государственныхъ цѣлей. Отсюда архаическій институтъ *кровавой мести* и система имущественныхъ пеней, характеризующіе собою эту первичную пору развитія уголовнаго правосознанія всякаго народа, которая можетъ быть названа *эпохою господства частнаго воззрѣнія* на преступленіе и наказаніе.

Въ дальнѣйшемъ развитіи жизни государства въ область отношеній общественнаго характера проникаетъ мало по малу государственное сознаніе, начинающее захватывать собою и самую идею государства, и его задачи, и всѣ его функціи. Государство, облекающееся теперь въ болѣе опредѣленныя и устойчивыя формы, окрѣпшее и усилившееся, стремится подчинить идеѣ своего единства и цѣлесообразности все частное и индивидуальное, закрѣпивъ въ служеніи интересамъ своимъ всѣ общественные элементы. Не безъ борьбы, конечно, достигается постепенное торжество идеи государственности надъ началомъ индивидуальности,—и эта борьба, въ большинствѣ случаевъ, глубоко бороздитъ собою историческую жизнь народа. Она не остается безъ отраженія и въ области воззрѣній

на преступленіе и наказаніе. И здѣсь прежнее частное воззрѣніе постепенно вытѣсняется воззрѣніемъ государственнымъ, въ силу котораго основнымъ моментомъ уголовнаго правонарушенія выступаетъ, въ противоположность гражданской неправдѣ, уже не понятіе индивидуальной „обиды", не нарушеніе частнаго интереса, но нарушеніе интересовъ всего государственнаго общежитія, правомѣрное развитіе котораго возможно лишь при разумномъ и согласномъ съ правомъ пользованіи каждымъ членомъ общества предоставленною ему сферою свободы. Паралельно съ этимъ измѣняется и взглядъ на наказаніе: не ограничиваясь удовлетвореніемъ интересовъ потерпѣвшаго отъ правонарушенія, оно стремится оградить интересы и безопасность всего общежитія, всего государства, воздѣйствуя на противорѣчащую правовымъ устоямъ его злую волю преступника. Кровавая месть уничтожается, какъ средство частнаго возмездія, несовмѣстное съ достоинствомъ и авторитетомъ государства; она становится теперь самосудомъ, самоуправствомъ, и одна только государственная власть объявляетъ себя компетентною карать преступника. Все болѣе и болѣе ограничивается и кругъ имущественныхъ наказаній, взамѣнъ которыхъ расширяется кругъ личныхъ наказаній, падающихъ уже на самую личность преступника и имѣющихъ своею задачею, такъ или иначе, воздѣйствовать на злую волю преступника, лишивъ ее или физической или моральной возможности снова впасть въ правонарушеніе. Устрашеніе,—въ смыслѣ примѣненія къ преступнику такихъ суровыхъ, мучительныхъ каръ, которыя были бы въ состояніи навести на неблагонамѣренныхъ людей страхъ, ужасъ, и тѣмъ самымъ удержать ихъ отъ преступленій,—считается лучшимъ средствомъ такого воздѣйствія. Самые разнообразные виды смертной казни, членовредительныя и тѣлесныя наказанія—теперь переполняютъ собою уголовные кодексы, давая имъ крайне суровую окраску. Этотъ періодъ—является періодомъ борьбы окрѣпшаго и сознавшаго свои силы государства съ элементами, признаваемыми имъ несовмѣстимыми съ его авторитетомъ и съ тре-

бованіями государственной цѣлесообразности; эта борьба принимаетъ въ высшей степени мрачный, кровавый характеръ, какъ принимаетъ его и всякая борьба, производящаяся на почвѣ грубой силы. „Искорененіе“, „изведеніе“ преступниковъ, „лихихъ людей“—основная идея этой борьбы; плаха, застѣнокъ, пытка—ея излюбленныя орудія. Наряду съ старымъ обвинительнымъ началомъ и постепенно его вытѣсняя, для преслѣдованія уголовныхъ правонарушеній выработывается и новая форма процесса—это *сыскъ* или *розыскъ* (слѣдственный процессъ), при которомъ государство, объявивъ „изведеніе“ преступниковъ своимъ личнымъ дѣломъ, преслѣдуетъ преступленія уже помимо соображеній относительно наличности или отсутствія потерпѣвшаго, частнаго обвинителя; государство считаетъ себя, въ лицѣ своего правоваго порядка, объектомъ всякаго злаго проявленія воли со стороны сочлена своего и прибѣгаетъ къ самозащитѣ, вступая въ борьбу съ этою злою волею. Прежній обвинительный процессъ выражаетъ теперь тенденцію сдѣлаться преобладающимъ средствомъ возстановленія гражданской неправды; сыскъ или розыскъ (инквизиціонный процессъ)—исключительнымъ средствомъ борьбы съ уголовною неправдою, хотя оба вида процесса и не достигаютъ въ этомъ отношеніи полнаго разграниченія. Такимъ образомъ, *государственное воззрѣніе на преступленіе и наказаніе*, господство *устрашительной карательной системы* и *сыскная форма процесса*—вотъ черты, характерныя для втораго періода развитія уголовнаго права, который можетъ быть названъ *эпохою господства устрашительныхъ наказаній.*

Къ счастью для культурнаго человѣчества, времена суроваго господства въ области уголовнаго законодательства и суда чистой системы устрашенія — уже сдѣлались во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ достояніемъ исторіи. Въ лицѣ смертной казни, это человѣчество готовится стряхнуть съ себя послѣдніе остатки пережитой имъ эпохи борьбы государственной идеи за свое существованіе. Широкое развитіе идеи правоваго государства, сильнаго своимъ нравственнымъ

авторитетомъ и уже не нуждающагося въ борьбѣ съ собственными гражданами своими; возрожденіе въ половинѣ XVIII-го столѣтія гуманитарныхъ ученій и попытки построенія на почвѣ этихъ ученій системъ нравственности и права; успѣхи физіологіи, психологіи и психіатріи, заставившіе глубже разобраться въ сложномъ вопросѣ о свободной волѣ человѣка, а слѣдовательно и въ вопросѣ о творящихъ преступленія аномаліяхъ этой свободной воли, наконецъ мрачный опытъ минувшихъ вѣковъ, рождающій убѣжденность въ безрезультатности и даже въ отрицательныхъ послѣдствіяхъ устрашительной карательной системы,—все это, вмѣстѣ взятое, дало новое направленіе и доктринѣ уголовнаго права, и законодательствамъ, и уголовной практикѣ. Лучшіе представители человѣческаго ума и знанія стали пытаться глубже разобраться въ господствующей уголовной системѣ, подвергнуть анализу самыя понятія преступленія и наказанія, какъ въ ихъ отвлеченной идеѣ, такъ и въ приложеніи къ дѣйствительной жизни—и въ результатѣ явилось высоко-гуманное сознаніе того, что не устрашеніе, не искорененіе и не истязаніе преступниковъ должно лежать въ основѣ современной карательной системы, но *исправленіе* преступника, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и его *врачеваніе*. Поэтому,—утверждаетъ современная доктрина уголовнаго права,—не должны и не могутъ имѣть мѣста въ кодексахъ и въ уголовной практикѣ такого рода кары, которыя расчитаны на грубый эффектъ устрашенія, путемъ уничтоженія дарованной человѣку Божествомъ жизни и причиненія ему безцѣльныхъ страданій. Это новое направленіе, не замедлившее отразиться и на законодательствахъ цивилизованныхъ народовъ, открываетъ для культурнаго міра новый періодъ въ развитіи уголовнаго права и уголовной практики, который характеризуется наименованіемъ *эпохи господства исправительныхъ наказаній*. Человѣчество только вступаетъ въ эту эпоху. Все ея будущее—впереди.

Новое и стоящее на уровнѣ современной культуры цивилизованныхъ народовъ воззрѣніе на преступленіе и наказаніе

и, въ частности, на смертную казнь—тѣсно связано съ памятью славнаго человѣка, имя котораго навсегда останется золотыми буквами начертаннымъ на скрижаляхъ исторіи человѣческой культуры.

Тяжелыя времена переживали европейскіе народы въ первой половинѣ XVIII-го вѣка. Казалось, что человѣчество, забывъ Божественный завѣтъ: „Не убій" и заповѣдь безконечной любви къ ближнему, напрягало всю свою изобрѣтательность къ тому, что бы придумывать злѣйшіе способы уничтожать, подъ высокою и чистою эгидою правосудія, себѣ подобныхъ. Эшафоты, висѣлицы, колеса и костры омрачали своимъ присутствіемъ городскія площади, содрагая нервы гражданъ видомъ нечеловѣческихъ мученій; инквизиція и тайныя судилища теряли счетъ ежедневнымъ жертвамъ своимъ; застѣнки переполнялись мнимыми или дѣйствительными преступниками, у которыхъ вырывали здѣсь сознаніе посредствомъ злѣйшихъ адскихъ пытокъ, какія могло только придумать изступленное изувѣрство.

И въ эту то мрачную пору разнесся отъ края до края цивилизованнаго міра смѣлый, исполненный могучей силы убѣжденія, голосъ, рѣзко и авторитетно возставшій противъ суровости уголовныхъ кодексовъ и уголовной практики того времени. Этотъ голосъ высказалъ безпощадное осужденіе современной ему карательной системѣ и, въ частности, смертной казни.

Голосъ этотъ принадлежалъ молодому итальянскому публицисту *Цезарю Беккаріа*, выступившему въ 1764-мъ году съ своимъ безсмертнымъ трактатомъ: „Dei delitti e delle penne", т. е. „О преступленіи и наказаніяхъ". Смертная казнь и жестокія устрашительныя наказанія должны быть безусловно исключены изъ уголовныхъ кодексовъ, — возвѣстилъ здѣсь Беккаріа. Эти кары безсильны не только уничтожить, но безсильны хотя бы только уменьшить преступность въ народѣ. Напротивъ: такія кары, какъ смертная казнь, лишь ожесточаютъ права деморализуютъ общество,—и, слѣдовательно, дѣ-

лаютъ людей болѣе воспріимчивыми въ смыслѣ преступности. Не уничтожать преступниковъ и не устрашать общество безнравственнымъ видомъ казней призвано государство: оно должно стараться предупреждать самую возможность преступленій, а для этого обязано распространять въ народныхъ массахъ образованіе и предоставлять каждому члену общества пользованіе тѣми правами и условіями, которыя необходимы ему для удовлетворенія цѣлей физическаго и духовнаго существованія. Если же членъ общества впалъ въ преступленіе, въ такомъ случаѣ не мстить, не воздавать ему „око за око, зубъ за зубъ“ должно государство, но должно направить свои усилія къ исправленію его злой воли, къ его нравственному совершенствованію. Смертная казнь должна быть отмѣнена,— заключаетъ Беккаріа,—какъ не отвѣчающая ни религіознымъ, ни теоретическимъ, ни практическимъ цѣлямъ наказанія....

Впечатлѣніе, произведенное мыслями Беккаріа на умы современниковъ, можетъ быть названо колоссальнымъ, потрясающимъ, неслыханнымъ. Трактатъ его переводился почти на всѣ европейскіе языки, комментировался, выдерживалъ цѣлые ряды изданій. Онъ не преминулъ оказать и практическіе результаты. Нѣкоторые государи подъ впечатлѣніемъ его пріостановили дѣйствіе смертной казни въ своихъ владѣніяхъ. Вопросъ объ отмѣнѣ смертной казни дѣлается предметомъ открытаго обсужденія въ обществѣ, съ кафедръ, въ залахъ законодательныхъ собраній. Уголовные трибуналы ссылаются на мысли Беккаріа и кладутъ ихъ въ основу своихъ приговоровъ. Русская императрица Екатерина II строитъ на ученіи итальянскаго криминалиста уголовную часть своего знаменитаго „Наказа коммиссіи для сочиненія проекта новаго Уложенія“ и дѣлаетъ попытку вызвать Беккаріа въ Россію....

Трактатъ Беккаріа подорвалъ самымъ безповоротнымъ образомъ вѣру въ правомѣрность, устрашительную силу и практическую цѣлесообразность смертной казни. Его ученіе произвело коренной переворотъ въ этомъ направленіи и въ наукѣ, и въ законодательствѣ, и въ общественномъ мнѣніи.

Цивилизованный міръ нѣсколько вздохнулъ отъ ужасовъ казней и застѣнковъ, такъ какъ со второй половины XVIII-го вѣка законодательства всѣхъ образованныхъ народовъ пошли быстрыми шагами къ постепенному ограниченію у себя смертной казни. Послѣдніе сто лѣтъ дали культурному міру уже 99 процентовъ отмѣны смертной казни за различныя преступленія, въ которыхъ они были раньше излюбленною карательною санкціею. Даже въ Англіи, — этой, какъ мѣтко выразился проф. А. Ѳ. Кистяковскій, „классической странѣ смертной казни",—гдѣ еще въ концѣ XVIII-го столѣтія смертная казнь назначалась въ 160-ти случаяхъ, и тамъ она въ настоящее время назначается лишь за наиболѣе тяжкія государственныя преступленія и за убійство съ умысломъ. Тоже самое наблюдается и во всѣхъ другихъ цивилизованныхъ государствахъ: вездѣ смертная казнь выражаетъ стремленіе быть пониженною до минимума, а въ нѣкоторыхъ государствахъ (напримѣръ въ Голландіи, Португаліи, Румыніи, Мексикѣ и нѣкоторыхъ штатахъ и кантонахъ Сѣверно-Американской и Швейцарской республикъ) отъ этого вида наказанія уже и теперь совершенно отказались.

Оставаясь вполнѣ чуждыми патріотическаго фрондерства, неумѣстнаго ни въ чемъ, а тѣмъ болѣе въ области науки, мы, русскіе, можемъ съ національною гордостью указать на то, что въ вопросѣ объ ограниченіи смертной казни мы за послѣдніе полтораста лѣтъ не только не отставали отъ цивилизованныхъ народовъ западной Европы, но даже шли въ этомъ направленіи впереди ихъ. Мы въ своемъ мѣстѣ увидимъ, что серьезная попытка фактической пріостановки дѣйствія смертной казни наблюдается въ нашемъ отечествѣ еще за нѣсколько лѣтъ до появленія въ свѣтъ знаменитаго трактата Беккаріа; что примѣненіе смертной казни было ограничено у насъ если не юридически, то фактически, въ теченіи всей второй половины XVIII-го столѣтія; что и юридически смертная казнь явилась у насъ ограниченною на много лѣтъ раньше, сравнительно съ законодательствами великихъ за-

падно-европейскихъ державъ, идущихъ во главѣ развитія современной цивилизаціи.

Смертная казнь чужда правовому міровоззрѣнію русскаго народа, какъ чуждо ему и суровое отношеніе къ преступнику вообще. „Повинную голову мечъ не сѣчетъ"—говоритъ русская пословица. Русскій народъ изъ глубины вѣковъ унаслѣдовалъ себѣ воззрѣніе на преступленіе, какъ на „грѣхъ", „прегрѣшеніе", „несчастіе". „Несчастные", „несчастненькіе"—такъ до сихъ поръ называетъ нашъ народъ присужденныхъ къ наказанію преступниковъ, готовый подѣлиться съ такимъ „несчастненькимъ" послѣднимъ трудовымъ грошемъ своимъ.... Смертная казнь долго не признавалась памятниками древняго русскаго свѣтскаго права: она остается чужда имъ до самаго конца XIV-го вѣка. Смертная казнь явилась на Руси наказаніемъ заноснымъ, привитымъ извнѣ, и вынуждена была вести долгую борьбу съ основами русскаго правоваго міросозерцанія.

Тѣмъ не менѣе и русскому народу довелось пройти въ своей исторической жизни черезъ мрачную эпоху господства устрашительныхъ наказаній, съ смертной казнью во главѣ. Эта суровая эпоха съ полною силою отливается въ Уложеніи царя Алексѣя Михаиловича и достигаетъ своего апогея въ Воинскомъ Уставѣ императора Петра I-го. Только со второй четверти XVIII-го столѣтія начинается въ нашемъ отечествѣ реакція противъ смертной казни и русское уголовное законодательство вступаетъ въ вопросѣ о смертной казни на путь развитія, который сводится къ постепенному ея отрицанію, въ смыслѣ возвращенія къ основамъ исконнаго рускаго правовоззрѣнія на этотъ видъ кары.

Я смѣю надѣяться, что только что высказанныя мною положенія въ достаточной степени оправдаются нижеслѣдующимъ очеркомъ исторіи смертной казни въ Росссіи.

I.

Періодъ первый.

Эпоха господства частнаго воззрѣнія на преступленіе и наказаніе и постепеннаго перехода къ воззрѣнію государственному.

Исторія застаетъ восточно-славянскія племена, вошедшія впослѣдствіе въ составъ русской народности, живущими въ условіяхъ быта, характеризующихся племенною обособленностью и господствомъ частныхъ, индивидуальныхъ, началъ. Этотъ индивидуализмъ проникаетъ собою взаимныя отношенія отдѣльныхъ племенъ между собою, обусловливая ихъ партикуляризмъ; онъ съ полною силою сказывается и во взаимныхъ отношеніяхъ отдѣльныхъ общественныхъ союзовъ, въ предѣлахъ одного и того же племени. Этотъ партикуляризмъ жизни, эта рознь—уже очень рано обратили на себя вниманіе народовъ, приходившихъ въ соприкосновеніе съ древнѣйшими предками нашими; этотъ партикуляризмъ былъ подмѣченъ и древнѣйшимъ русскимъ историческимъ памятникомъ—Начальною лѣтописью. „Живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ“; „не бѣ въ нихъ правды, и вста родъ на родъ, быша въ нихъ усобицы и воевати почаша сами на ся“—такъ характеризуетъ лѣтопись условія быта нашихъ далекихъ предковъ, выходъ изъ которыхъ былъ найденъ въ учрежденіи общей княжеской власти. Этотъ послѣдній фактъ кладетъ основаніе русской государственности и имъ открывается начало дальнѣйшаго и многовѣковаго историческаго процесса, сводящагося къ постепенному вытѣсненію изъ жизни началъ частныхъ, съ замѣною ихъ началами государственными.

Начальная лѣтопись оставила намъ указанія и на тѣ нормы права, которыми регулировали предки наши жизнь

свою въ эпоху образованія русской государственности. Это— обычаи, законы предковъ, преданія: „имяху бо обычаи свои, и законъ отецъ своихъ и преданья, кождо свой нравъ“, свидѣтельствуетъ лѣтописецъ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ же обычнымъ правомъ, съ тѣми же „законами вѣкожизненныхъ боговъ“ и преданіями отцовъ и дѣдовъ, которые лежали въ основѣ правового быта и другихъ славянскихъ народностей и корни которыхъ уходятъ въ глубину тѣхъ отдаленныхъ временъ, когда славяне жили еще на своей первоначальной родинѣ, когда еще не „разидеся словѣнскій языкъ“. Весьма естественно, что отдѣльныя славянскія племена, образовавшія съ теченіемъ времени русскую народность, не могли сохранить въ полной неприкосновенности древнѣйшее обычное право свое. Оставаясь неприкосновеннымъ въ основахъ своихъ, коренящихся въ общемъ для всего славянства правосознаніи, вынесеннымъ еще изъ первоначальной родины, это обычное право должно было модифицироваться, принимать черты партикуляризма на новыхъ мѣстахъ поселенія, сообразно съ различіемъ условій жизни, въ которыя были поставлены здѣсь отдѣльныя племена.

Къ числу такихъ основъ правосознанія, общихъ всѣмъ восточно-славянскимъ племенамъ, которыя застаетъ исторія на территоріи будущаго русскаго государства, относится частное воззрѣніе на преступленіе и наказаніе и, какъ ближайшее слѣдствіе его, широко поставленный институтъ *кровавой мести.* Мы уже знаемъ, что этотъ институтъ присущъ всѣмъ народамъ, стоящимъ на извѣстной степени развитія своей культуры и своего правового быта. Кровавая месть—это право мстить за „обиду“, къ понятію которой сводится въ эту пору жизни уголовное правонарушеніе. Въ преступленіяхъ противъ жизни, за убійство, мстятъ ближайшіе родственники убитаго, воздавая убійцѣ кровью за кровь; за нанесеніе ранъ или увѣчья мститъ самъ потерпѣвшій, если въ состояніи лично развѣдаться съ обидчикомъ,—въ противномъ случаѣ долгъ мести переходитъ на его сыновей. Институтъ кровавой мести

былъ въ извѣстную пору жизни присущъ правовому быту всѣхъ народовъ славянскаго корня, являясь у нихъ актомъ не только правовымъ, но и религіознымъ. „Освятити душу убитаго“—говорили древніе сербы, желая выразить понятіе кровавой мести за убитаго. Характеръ религіознаго долга носила кровавая месть у чеховъ и моравовъ; по свидѣтельству византійскаго императора Маврикія, у славянъ считалось благочестивымъ дѣломъ мстить за обиду даже гостя-иноземца (¹); у черногорцевъ, дольше всѣхъ остальныхъ славянскихъ народовъ сохранившихъ древнія черты національности, воззрѣніе на правомѣрность мести еще и до сихъ поръ живетъ въ народномъ сознаніи.

Институтъ кровавой мести пережилъ у нашихъ предковъ образованіе государства и княжеская власть почти цѣлыхъ два вѣка не касается этого исконнаго правоваго начала. Насколько глубоко коренился этотъ институтъ въ правосознаніи древнихъ руссовъ и насколько дорожили они его неприкосновенностью—это видно уже изъ того, что наши древнѣйшіе предки не поступались правомъ кровавой мести даже въ своихъ международныхъ отношеніяхъ. Кровавая месть съ полною силою и съ характеромъ совершенной правомѣрности фигурируетъ въ договорахъ руссовъ съ греками, заключенныхъ при великихъ князьяхъ Олегѣ (912 г.) и Игорѣ (945 г.) „Если Русинъ убьетъ христіанина (т. е. грека) или христіанинъ убьетъ Русина,—читаемъ въ договорѣ Игоря съ греками,—пусть убійца будетъ задержанъ ближними убитаго и да убьютъ они его“. Сила русскаго правоваго сознанія оказывается въ данномъ случаѣ настолько глубокою, что руссы не поступаются ею даже передъ греками; если мы раскроемъ византійскіе уголовные законы, то найдемъ, что они грозятъ убійцѣ смертною казнью: ясно, что опредѣленія договоровъ относительно убійства зиждутся на почвѣ правоваго сознанія древнихъ предковъ нашихъ.

(¹) Иванишевъ: «О платѣ за убійство и пр.» (Сочиненія, стр. 27—29 43, 47).

Кровавая месть пользуется на Руси широкимъ примѣненіемъ и въ первой половинѣ XI-го вѣка, даже послѣ того, какъ русская земля просвѣтилась свѣтомъ христіанской религіи, духъ и ученіе которой коренным образомъ противорѣчили этому институту стараго языческаго права; она пользуется оффиціальнымъ признаніемъ въ такъ называемой Краткой Русской Правдѣ — памятникѣ права, несомнѣнно пріурочивающемся къ законодательной дѣятельности великаго князя Ярослава I Владиміровича: „Если убьетъ человѣкъ человѣка,— установляетъ Краткая Русская Правда, санкціонируя исконное положеніе славянскаго обычнаго права,—то пусть мститъ братъ за брата, сынъ за отца, отецъ за сына, племянникъ за дядю и тетку".

Въ древнѣйшую пору правоваго быта кровавая месть является неограниченною, будучи не простымъ только императивомъ правоваго сознанія, но и актомъ религіознымъ, необходимымъ для „освященія" души убитаго, для доставленія ей мира въ замогильной жизни. Врядъ ли былъ ограниченъ и самый кругъ мстителей: мстителемъ за убитаго выступаютъ его „ближніе", „близкіе", „свои",— будутъ ли это его дѣти, боковые родственники, друзья, даже сосѣди; императоръ Маврикій свидѣтельствуетъ, что у славянъ сосѣди мстили лицу, нарушившему долгъ гостепріимства по отношенію къ чужеземцу. Отъ права мести не устранялись, повидимому, даже женщины; на эту мысль наводятъ лѣтописныя сказанія о великой княгинѣ Ольгѣ, жестоко отомстившей убійцамъ мужа своего, и о Рогнѣдѣ, хотѣвшей мстить в. к. Владиміру за смерть отца и братьевъ.

Съ возникновеніемъ болѣе устойчивыхъ основъ общественности и съ появленіемъ власти, объединившей интересы отдѣльныхъ общественныхъ союзовъ, а, главнымъ образомъ— подъ воздѣйствіемъ началъ христіанскаго ученія, зарождается сознаніе въ невозможности жить подъ режимомъ кровавой мести, вносящей неопредѣленность въ общественныя отношенія и открывающей широкій путь къ злоупотребленію этимъ,

въ высшей степени серьезнымъ и опаснымъ, правомъ. Появляются ограниченія кровавой мести — на первое время чисто фактическаго характера: убійца считаетъ возможнымъ откупиться отъ мести, а мститель, съ своей стороны, соглашается принять этотъ выкупъ, даровавъ преступнику жизнь. Но и при этой мировой сдѣлкѣ во многихъ случаяхъ считается необходимымъ, что бы убійца подвергся обряду символической мести („покора" у западныхъ славянъ), при которомъ преступникъ, при торжественной обстановкѣ, на колѣняхъ вручаетъ мстителю орудіе убійства, послѣ чего тотъ, со словами: „Я тебя оживляю!" объявляетъ убійцѣ примиреніе и отпускаетъ его. Повторяясь все чаще и чаще, выкупы за убійство начинаютъ примиряться съ правовымъ сознаніемъ народа, требовавшимъ непремѣнной крови за кровь; случаи дѣйствительной мести становятся относительно рѣдкими — и правовая жизнь вступаетъ въ ту стадію своего развитія, которая называется *эпохою ограниченной мести.* На этой почвѣ подготовляется окончательная отмѣна кровавой мести и переходъ ея въ систему денежныхъ пеней (вира, плата за убійство), обязательное взиманіе которыхъ съ преступниковъ, соединенное съ особымъ видомъ процесса (вирный процессъ), уже принимаетъ на себя общественная власть.

Ограниченіе права кровавой мести, по крайней мѣрѣ по отношенію къ кругу лицъ, имѣющихъ право выступать въ качествѣ законныхъ мстителей, совершилось на Руси едва ли не на глазахъ исторіи. Договоры руссовъ съ греками еще не опредѣляютъ тѣснаго круга мстителей: „Да держимъ будетъ убійца ближними убитаго и да убьютъ они его",—опредѣляется въ договорѣ 945-го года. Но уже въ Краткой Русской Правдѣ, время дачи которой Ярославомъ новгородцамъ пріурочивается къ 1016—1019 г.г., этотъ неопредѣлительный кругъ мстителей ограничивается тѣсными рамками: онъ не можетъ простираться далѣе третьей степени родства, за предѣлами которой уже нѣтъ законнаго права мести, обращающейся теперь въ самосудъ, разбой, въ самостоятельное пре-

ступленіе. Мы вполнѣ присоединяемся къ мнѣнію тѣхъ комментаторовъ, которые видятъ въ этомъ опредѣленіи Правды в. к. Ярослава указаніе на законодательное ограниченіе права кровавой мести, подготовившее совершенную отмѣну ея при сыновьяхъ этого великаго князя. Но чѣмъ же искупляетъ убійца вину свою въ томъ случаѣ, если на лицѣ не окажется законнаго мстителя? Съ него взимается въ этомъ случаѣ денежная пеня въ размѣрѣ 40 гривенъ: „Если не будетъ мстителя, — узаконяетъ в. к. Ярославъ, — то взять съ преступника сорокъ гривенъ“. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ „вирою“, платою за убійство, выступающею въ качествѣ замѣны кровавой мести. Дальнѣйшее развитіе опредѣленій о вирахъ выступаетъ уже въ Правдѣ сыновей Ярослава.

Окончательная отмѣна кровавой мести совершена сыновьями в. к. Ярослава при обстоятельствахъ, въ достаточной степени общеизвѣстныхъ: эта отмѣна кровавой мести была рѣшена на междукняжескомъ съѣздѣ князей, при участіи старшихъ дружинниковъ ихъ. По смерти Ярослава, — свидѣтельствуетъ сама Правда, — съѣхались сыновья его Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и мужи ихъ, и, отмѣнивъ „убіеніе за голову“, постановили замѣнить его денежными выкупами, которые и установлены въ двухъ размѣрахъ, въ 80 и 40 гривенъ, смотря по общественному положенію убитаго. Такъ, законодательнымъ путемъ, совершилась на Руси, въ началѣ второй половины XI-го вѣка, окончательная отмѣна исконнаго права кровавой мести.

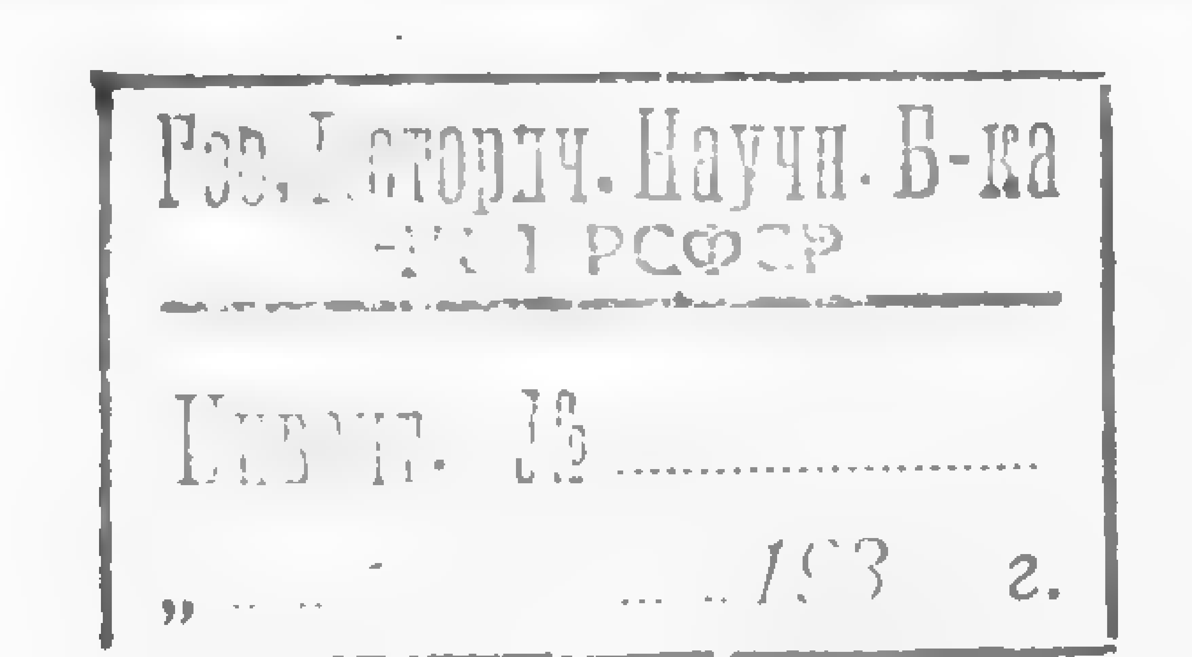
Если мы остановились съ нѣкоторою подробностью на вопросѣ о кровавой мести, то это было сдѣлано въ видахъ отграниченія понятія ея отъ понятія смертной казни, съ которымъ она легко можетъ быть смѣшана. Между тѣмъ, между обоими понятіями нѣтъ никакихъ точекъ соприкосновенія, кромѣ факта лишенія и въ томъ и въ другомъ случаѣ преступника жизни. Въ основѣ кровавой мести лежитъ начало частнаго возмездія; въ основѣ смертной казни лежитъ требованіе публичнаго возмездія, вызываемое предполагаемыми ин-

тересами государственной безопасности и стремленіемъ возстановить общественный миръ, нарушенный злою волею преступника. При кровавой мести преслѣдованіе преступленія— дѣло частное; при смертной казни оно является дѣломъ публичнымъ, государственнымъ. Кровавая месть допускаетъ, въ силу этого, возможность примиренія, мировой сдѣлки мстителя съ преступникомъ; въ смертной казни такого частнаго примиренія быть не можетъ, но можетъ совершиться лишь помилованіе преступника самою, преслѣдующею его, общественною властью.

Это отличіе кровавой мести отъ смертной казни вполнѣ сознавалось и древнимъ правовымъ бытомъ нашимъ. Санкціонируя кровавую месть, древніе памятники нашего свѣтскаго права не знаютъ смертной казни и отрицаютъ ее до самаго конца XIV-го вѣка. Поэтому Правда сыновей Ярослава, отмѣнивъ кровавую месть, переходитъ отъ нея не къ смертной казни, какъ этого можно было бы ожидать, но къ установленію „виръ“, т. е. денежныхъ пеней, которыя поступаютъ въ пользу князя,— слѣдовательно носятъ въ себѣ зачатокъ наказанія публичнаго, — и которыя весьма послѣдовательно отграничиваются отъ „головщины“, въ смыслѣ пени поступающей въ пользу ближнихъ убитаго и замѣняющей собою отнятое право мести. Поэтому то и первое духовенство наше, убѣждая в. к. Владиміра казнить смертью разбойниковъ, внушая ему, что онъ „отъ Бога поставленъ на казнь злымъ“ и стремясь привить къ русской правовой жизни свѣтскія узаконенія Византійской имперіи, исполненныя санкціями смертной казни и другихъ устрашительныхъ каръ — въ то же время протестуетъ противъ кровавой мести, какъ возмездія, несогласнаго съ идеалами христіанской жизни.

Мы выше сказали, что памятники русскаго свѣтскаго права чуждались смертной казни и не знали ее вплоть до конца XIV-го вѣка. Ни договоры руссовъ съ греками, ни церковные уставы первыхъ христіанскихъ князей, ни Русская

2

Правда, явившаяся отраженіемъ тѣхъ нормъ права, которыми регулировали предки наши свою правовую жизнь въ теченіи перваго періода русской исторической жизни — не санкціонируютъ этого, совершенно несвойственнаго основамъ русскаго правосознанія, вида уголовной кары. До насъ дошли любопытныя свидѣтельства о практическомъ примѣненіи вирной системы Русской Правды не только во внутренней жизни русскаго народа, но даже и въ международныхъ отношеніяхъ. Эти свидѣтельства почерпаются изъ договоровъ съ нѣмецкими ганзейскими городами, заключенными Новгородомъ — въ 1195-мъ и 1270-мъ годахъ, и Смоленскомъ—въ 1229-мъ году. Эти договоры, опредѣляющіе, между прочимъ, тѣ нормы суда, на основаніи которыхъ должны были караться уголовныя правонарушенія, совершаемыя нѣмцами и русскими при ихъ взаимныхъ торговыхъ соотношеніяхъ, совершенно отрицаютъ смертную казнь въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ она назначалась по законамъ нѣмецкимъ. Русскіе не поступаются, такимъ образомъ, своимъ національнымъ правомъ, своею „пошлиною", даже передъ нѣмецкимъ ганзейскимъ союзомъ и заставляютъ нѣмецкіе города подчиниться своему правосознанію, безусловно отвергающему смертную казнь. Обращаясь къ уголовнымъ опредѣленіямъ всѣхъ трехъ упомянутыхъ нами выше договоровъ, мы находимъ, что они назначаютъ за преступленіе убійства денежную пеню двоякаго размѣра—нормальную и двойную (10 гривенъ или 10 марокъ серебра и 20 гривенъ или 20 марокъ серебра (¹)), т. е. всецѣло держатся на почвѣ Русской Правды; если же мы обратимся къ такъ называемой Новгородской Скрѣ, — содержащей въ себѣ отечественные законы, по которымъ нѣмцы судились *между собою* въ Новгородѣ, — то найдемъ, что здѣсь за убійство опредѣляется смертная казнь черезъ отсѣченіе головы (²).

(¹) Путемъ нѣкоторыхъ соображеній, приводить которыя мы считаемъ здѣсь излишнимъ, выясняется, что эти пени *совершенно* соотвѣтствуютъ нормальной (въ 40 гривенъ) и двойной (въ 80 гривенъ) вирѣ Русской Правды.

(²) Другой примѣръ побѣды въ договорахъ русскаго права подъ пра-

Только въ самомъ концѣ XIV-го вѣка впервые санкціонируется смертная казнь русскимъ свѣтскимъ законодательствомъ,—именно въ Уставной грамотѣ, данной въ 1398-мъ году великимъ княземъ Василіемъ Димитріевичемъ вновь присоединенной къ Москвѣ Двинской землѣ. Такимъ образомъ оказывается, что первый случай санкціи смертной казни свѣтскимъ законодательствомъ приурочивается къ начальной порѣ Московскаго періода развитія русской исторической жизни. Въ Двинской уставной грамотѣ смертная казнь назначается лишь въ одномъ случаѣ—за кражу совершенную въ третій разъ; за первую кражу опредѣляется денежная пеня („продажа") въ размѣрѣ суммы поличнаго, за вторую кражу усиленная денежная пеня („продадутъ его не жалѣя"), за третью кражу—висѣлица, причемъ за всякую кражу воръ пятнается.

Но возвратимся къ удѣльно—вѣчевому періоду русской исторической жизни. Памятники русскаго свѣтскаго права этого періода не санкціонируютъ, какъ мы это видѣли, смертной казни. Было бы, однако, слишкомъ опрометчиво выводить отсюда заключеніе, будто смертная казнь вовсе не имѣла у насъ въ этомъ періодѣ примѣненія. Напротивъ, уже очень рано возникла почва, на которой совершается постепенное внѣдреніе чисто-уголовныхъ, личныхъ, наказаній, а въ числѣ ихъ и смертной казни, въ систему дѣйствовавшаго въ древней Руси права. Этою почвою явилось *византійское вліяніе*, начинающее воздѣйствовать на русскую жизнь и на русское право послѣ принятія предками нашими христіанства,—вліяніе, которое, быть можетъ, еще далеко не вполнѣ оцѣнено русскою наукою.

Введеніе на Руси христіанства глубоко отразилось на всѣхъ безъ исключенія сторонахъ жизни русскаго народа; оно не осталось безъ воздѣйствія и на правовую жизнь его.

вомъ нѣмецкимъ: согласно съ Русскою Правдою, нанесеніе увѣчья влечетъ за собою денежную пеню, между тѣмъ какъ Новгородская Скра опредѣляетъ за то же преступленіе отсѣченіе руки.

Это вполнѣ понятно. Христіанское духовенство сразу же столкнулось у насъ съ складомъ жизни, который оказался въ совершенномъ разладѣ не только съ высокими идеалами христіанства, но и съ тѣми традиціями византизма, на которыхъ было воспитано это духовенство. Поэтому, явившись къ намъ послѣ крещенія Руси, византійское духовенство, а затѣмъ и русское духовенство, воспитанное въ идеалахъ византизма, уже на первыхъ порахъ увидѣло необходимость введенія въ русскую жизнь новыхъ началъ и вытѣсненія изъ нея языческихъ началъ, не мирившихся съ духомъ новой вѣры и съ традиціями византизма. Это духовенство не могло не обратить своего вниманія на правовой строй жизни русскаго народа и на его правосознаніе, которое должно было казаться ему варварскимъ: въ сферѣ уголовнаго права, напримѣръ, оно встрѣтило господство частнаго воззрѣнія на преступленіе и наказаніе, начало кровавой мести, судебные поединки, широко поставленную систему денежныхъ пеней,—„продажъ",—за уголовныя правонарушенія; оно не увидѣло здѣсь и намека на ту твердо и сурово поставленную лѣствицу уголовныхъ каръ, которая существовала въ правѣ византійскомъ и на верхнихъ ступеняхъ которой безпрестанно фигурировала смертная казнь и рядъ членовредительныхъ и тѣлесныхъ наказаній. Ко всему этому слѣдуетъ добавить, что христіанство породило у насъ обширную систему отношеній гражданскаго характера и цѣлый рядъ уголовныхъ правонарушеній, которыя или вовсе не были извѣстны русской жизни въ языческую пору ея развитія, или же должны были обсуждаться отнынѣ съ совершенно новой точки зрѣнія. Сюда относятся, напримѣръ, отношенія правъ брачнаго и семейственнаго, со всѣми правонарушеніями изъ нихъ проистекающими; право наслѣдственное; далѣе обширный кругъ преступленій противъ вѣры, нравственности, чести и цѣломудрія женщинъ; нѣкоторыя преступленія даже общаго характера, — напримѣръ квалифицированныя преступленія противъ жизни, чести, права собственности и т. п.

Древнее духовенство наше съ самаго начала приняло на себя миссію проведенія въ русскую жизнь не только началъ христіанской религіи, но и началъ римско-византійскаго права. Эта задача оказалась тѣмъ болѣе облегченною, что христіанское духовенство сразу заняло у насъ выдающееся государственное положеніе и что весьма многія отношенія, которыя предстояло ему регулировать на Руси, вѣдались духовною властью и въ Византіи, откуда принесенъ былъ къ намъ свѣтъ новой вѣры. На этой то почвѣ и начинается въ высшей степени любопытное историческое явленіе, извѣстное подъ названіемъ вліянія византизма на древнюю русскую жизнь, вообще, и на древнее русское право въ частности. Это историческое явленіе не обошлось безъ борьбы,—борьбы упорной, борьбы многовѣковой. Народная жизнь консервативна и не легко поддается ломкѣ. Византизму довелось выдержать продолжительную борьбу съ древнѣйшими основами русской жизни,—и религіозными, и государственными, и общественными, и правовыми,—и въ этой продолжительной борьбѣ лишь медленно, шагъ за шагомъ, удается византизму одерживать верхъ надъ до-христіанскими началами жизни. Эта борьба оставляетъ глубокій слѣдъ въ исторіи русскаго народа; она порождаетъ собою дуализмъ, вполнѣ ясные признаки котораго встрѣчаемъ мы еще въ XVI и XVII вѣкахъ и отдаленные отблески котораго могутъ быть до извѣстной степени наблюдаемы даже и въ современной жизни нашихъ народныхъ массъ.

Изъ всего сказаннаго выше не трудно убѣдиться въ томъ, что уже съ первыхъ временъ появленія христіанства на Руси, въ рукахъ русской церкви должна была оказаться обширная компетенція и широкій кругъ юрисдикціи по дѣламъ не только церковнаго, но и свѣтскаго характера. Само собою разумѣется, что необходимыми являлись тѣ или другія нормы для регулированія всѣхъ этихъ дѣлъ и отношеній. Древнее духовенство наше нашло средство удовлетворенія этой необходимости въ византійскомъ сборникѣ церковно-гражданскихъ

законовъ, извѣстномъ въ Греціи подъ названіемъ *Номоканона*, а у насъ, на Руси, обращавшемся въ практикѣ, въ славянскомъ переводѣ, подъ наименованіемъ *Кормчей книги*, т. е. книги, которой суждено было играть роль кормчаго, путеводителя, въ жизни молодой русской церкви. Довольно сложный вопросъ о происхожденіи греческаго Номоканона и о судьбахъ русской Кормчей книги не можетъ войти въ рамки настоящей бесѣды нашей. Ограничимся поэтому, въ этомъ отношеніи, лишь нѣсколькими замѣчаніями самаго общаго характера, которыя мы считаемъ необходимыми для цѣлей дальнѣйшаго изложенія интересующаго насъ вопроса. Подъ именемъ Номоканона извѣстенъ былъ въ Греціи такого рода сборникъ, въ которомъ изложены были церковныя постановленія—съ одной стороны, и свѣтскія постановленія византійскихъ императоровъ—съ другой стороны. Потребность въ такого рода двойственномъ сборникѣ законовъ возникла въ Византіи вслѣдствіе того, что весьма нерѣдко одно и тоже отношеніе правоваго характера получало здѣсь двоякое опредѣленіе — и со стороны свѣтской законодательной власти, и со стороны законодательной власти церковной. Потребность эта была удовлетворена еще въ эпоху императора Юстиніана (VI вѣкъ по Р. Х.) патріархомъ Іоанномъ Схоластикомъ, составившимъ древнѣйшій греческій Номоканонъ, который и получилъ его имя; вслѣдъ затѣмъ появился второй Номоканонъ, извѣстный подъ названіемъ „Номоканона въ XIV-ти титулахъ неизвѣстнаго составителя“, и, наконецъ, въ IX-мъ вѣкѣ является третій Номоканонъ—патріарха Фотія, пользовавшійся въ Византіи особенною распространенностью и популярностью. Долго былъ въ русской наукѣ спорнымъ вопросъ о времени появленія на Руси славянскаго перевода Номоканона, но вопросъ этотъ былъ блистательно рѣшенъ профессоромъ А. С. Павловымъ въ его изслѣдованіи „Первоначальный славяно-русскій Номоканонъ“. Профессоръ Павловъ доказалъ цѣлымъ рядомъ неотразимыхъ доводовъ, что славянскій Номоканонъ появился на Руси уже вслѣдъ за кре-

щеніемъ ея, вмѣстѣ съ другими священными и богослужебными книгами славяно-болгарскаго перевода. Этимъ то Номоканономъ или Кормчею книгою,—какъ стали его называть у насъ, — и воспользовалось древнее русское духовенство для регулированія какъ церковныхъ отношеній, такъ и тѣхъ отношеній и вопросовъ свѣтскаго права, которые поступали отнынѣ въ вѣдѣніе церкви или же должны были обсуждаться съ новой точки зрѣнія. Номоканонъ или Кормчая книга явился тою именно почвою, на которой совершается процессъ постепеннаго вліянія, воздѣйствія, римско-византійскаго права на русскую правовую жизнь и на русское право.

Мы имѣемъ несомнѣнныя указанія на то, что свѣтскія постановленія уголовнаго характера, заключающіяся въ Кормчей книгѣ, примѣнялись на Руси не только церковнымъ судомъ, но и судами гражданскими. Припомнимъ извѣстное лѣтописное повѣствованіе о совѣтѣ епископовъ Владиміру Святому относительно казни разбойниковъ. „Умножились разбои, — говорили епископы великому князю; — почему ты не казнишь ихъ?“—„Боюсь грѣха!“—таковъ отвѣтъ, влагаемый лѣтописцемъ-аскетомъ въ уста великаго князя. Для насъ представляется несомнѣннымъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ рекомендаціею епископами исключительной мѣры въ виду усиленія разбоевъ, но съ попыткою привить къ русской жизни казнь разбойниковъ, опредѣленную Кормчею книгою, а казнь эта намъ извѣстна: „Разбиваяй и присѣданія творяй и убиваяй, на немъ же мѣстѣ ятъ будетъ, да воскнутъ его на древо (т. е. повѣсятъ на деревѣ)“, — опредѣляетъ Кормчая книга (часть II, глава 49, грань 24) (¹). „Ты поставленъ отъ Бога на казнь злыхъ,—убѣждаютъ епископы Владиміра.—Тебѣ достоитъ казнить разбойниковъ, но съ испытомъ“. Владиміръ отвергъ денежныя пени, которыми карались по русскому праву разбойники, и началъ ихъ казнить,—

(¹) Это наказаніе преслѣдуетъ чисто устрашительную цѣль: «да видѣнія ради убоятся начинающіе таковая» — читаемъ въ Градскомъ законѣ (Кормчая кн. II, глава 48, грань 39, ст. 15).

повѣствуетъ лѣтописецъ. Такимъ образомъ, византійскій законъ побѣдилъ русскій законъ и получилъ практическое примѣненіе. Но эта побѣда продолжалась недолго: смертная казнь на этотъ разъ не привилась къ русской жизни и уже вскорѣ в. к. Владиміръ отмѣнилъ ее, возвратившись къ прежней системѣ денежныхъ пеней: „И живяше Владимеръ по устроенью отню и дѣдню“. Здѣсь отсутствіе смертной казни прямо называется „устроеньемъ“, т. е. режимомъ, „отцовскимъ и дѣдовскимъ“, который устоялъ передъ попыткою византизма отмѣнить его. Еще любопытнѣе разсказъ о томъ же событіи Степенной книги. Здѣсь лѣтописецъ влагаетъ въ уста епископовъ совершенно ясный и категорическій совѣтъ в. к. Владиміру „творящихъ разбои по правиламъ Градскаго закона (¹) праведно судити.... яко же повелѣно есть въ божественныхъ правилѣхъ, по Градскому закону“. Это лѣтописное повѣствованіе даетъ намъ рельефный образецъ тѣхъ средствъ, которыми старается древнее духовенство наше привить начала византизма къ русскому правовому быту и той борьбы, которую приходилось выдерживать ему съ устойчивостью этого послѣдняго.

Богатая почва для примѣненія у насъ уголовныхъ законоположеній Кормчей книги подготовлена была, далѣе, духовенствомъ въ той совокупности опредѣленій церковнаго и свѣтскаго характера, которая дошла до насъ подъ наименованіемъ *Устава о церковныхъ судахъ великаго князя Ярослава Владиміровича* и которая представляетъ собою, подобно Русской Правдѣ, конгломератъ разновременныхъ наслоеній къ несомнѣнно существовавшему основному церковному уставу в. к. Ярослава. Здѣсь приводится цѣлый рядъ преступленій и проступковъ—противъ брачнаго союза, цѣломудрія, прав-

(¹) Подъ *Градскимъ Закономъ* извѣстна одна изъ составныхъ частей Кормчей книги, представляющая собою переводъ Прохейрона императора Василія Македонянина и его сыновей Константина и Леона, изданнаго въ 870—878 годахъ. Уголовныя опредѣленія Градскаго Закона имѣли въ древней Россіи широкое практическое примѣненіе, какъ самостоятельно, такъ и своимъ вліяніемъ на памятники собственно русскаго права.

ственности, чести женщин, против жизни и собственности, которыя или подсудны всецѣло церковному суду или к суду которых епископы, по тѣм или другим причинам, до извѣстной степени соприкасаются. В большей части этих преступлений и проступков назначается двоякое наказаніе: пеня в пользу епископа (церкви), а иногда и пеня в пользу потерпѣвших, а затѣм и наказаніе гражданское. Это послѣднее, однако, не опредѣляется, но в концѣ санкціи налагаемаго наказанія, послѣ указанія размѣра денежных пеней, добавляется: „а князь казнит", т. е. князь, сверх того, налагает еще казнь [1]), свѣтское наказаніе. Вот на почвѣ этой то санкціи духовенство и открыло свѣтской власти широкое поле для примѣненія норм византійскаго права. Дѣло в том, что огромное большинство приведенных в так называемом „Церковном уставѣ в. к. Ярослава" преступленій и проступков—заимствованы из второй части Кормчей книги [2]). Таким образом, князю или судьям его, при наложеніи свѣтскаго наказанія по санкціи: „а князь казнит"—стоило бы только развернуть Кормчую книгу и подъискать в ней опредѣленное здѣсь за ту или другую вину наказаніе. Они нашли бы здѣсь, это из преступленій и проступков, предусмотрѣнных церковным уставом в. к. Ярослава, Кормчая книга карает: убійство—усѣкновеніем головы, поджог—сожженіем, а в болѣе легких случаях усѣкновеніем; рецидивную кражу — отсѣченіем руки; похищеніе женщины, вооруженное—усѣкновеніем главы, невооруженное—отсѣче-

[1]) Здѣсь не слѣдует, конечно, подразумѣвать непремѣнно смертную казнь; «казнь» — это наказаніе, вообще Первый церковный устав, — в. к. Владиміра Святаго,—заключает в себѣ только голое перечисленіе преступленій и проступков, не опредѣляя наказаній за них, в чем его существенное отличіе от церковнаго устава, приписываемаго в. к. Ярославу.

[2]) Кормчая книга распадается, как извѣстно, на двѣ части: за весьма незначительными отклоненіями, о которых распространяться считаем лишним, первая часть заключает в себѣ законы церковные, вторая—свѣтскія узаконенія византійских императоров.

ніемъ руки, съ соотвѣтствующимъ наказаніемъ пособникамъ; кровосмѣшеніе—усѣкновеніемъ мечемъ или урѣзаніемъ носа, смотря по близости родства; блудъ разнаго вида и цѣлый рядъ преступленій противъ чести женщинъ — урѣзаніемъ носа и т. д. Свѣтскимъ судьямъ предоставлялась, слѣдовательно, альтернатива въ выборѣ наказанія: они могли наложить его или по византійскимъ законамъ,—„разверзше грецькый номоканонъ",—или по началамъ русскаго права, облагая преступниковъ денежными пенями. Несомнѣнно, что, при отвращеніи къ смертной казни, господствовавшемъ въ земскій періодъ русской исторической жизни, князья чаще всего склонялись къ послѣднему. А что лучшіе русскіе князья этого періода дѣйствительно отвращались отъ смертной казни—на это мы имѣемъ краснорѣчивыя историческія указанія. Владиміръ Святой, какъ мы это уже знаемъ, отвергъ навязанную ему было смертную казнь за разбой; Ярославъ I и ближайшіе преемники его не дали въ Русской Правдѣ ни одной санкціи смертной казни, опредѣливъ здѣсь только единственное чисто личное наказаніе—„потокъ и разграбленіе" (за убійство въ разбоѣ безъ побудительнаго повода), т. е. изгнаніе преступника изъ общины съ конфискаціею его имѣнія. Но особенно категорически высказался противъ смертной казни великій князь Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ въ знаменитомъ своемъ „Поученіи" къ дѣтямъ: „Не убивайте ни праваго, ни виноватаго, и не повелѣвайте убивать таковаго,—завѣщаетъ великій князь сыновьямъ своимъ.—Хотя бы кто и былъ повиненъ смерти, не губите христіанской души" [1])! Весьма естественно, что, при такомъ отношеніи къ смертной казни со стороны княжеской власти,—отношеніи, въ которомъ отражалось, конечно, правовое воззрѣніе на нее всей русской земщины,— почва для насажденія у насъ этого вида кары, равно какъ и

[1]) Въ подлинникѣ: «Ни права, ни крива не убивайте, ни повелѣвайте убити его; аще будетъ повиненъ смерти,—а душа не погубляете никакоя же хрестьяны (Лаврент. Лѣтоп., подъ 1096 годахъ).

другихъ наказаній устрашительнаго характера, не могла оказаться слишкомъ воспріимчивою.

Это не значитъ, впрочемъ, что бы въ разсматриваемомъ періодѣ не было случаевъ примѣненія смертной казни. Мы не будемъ говорить объ убійствахъ, являвшихся отраженіемъ смутъ и усобицъ, возникавшихъ на почвѣ междукняжескихъ отношеній, такъ какъ эти убійства были результатомъ борьбы грубой силы, жажды мести, разнузданности страстей (таковъ, напримѣръ, фактъ изсѣченія и ослѣпленія въ 1068 г. Мстиславомъ Изяславичемъ 70 человѣкъ кіевлянъ, изгнавшихъ Всеслава), но никоимъ образомъ не могутъ быть признаны актомъ уголовнаго правосудія. Мы не будемъ говорить и о разрѣшеніи убить „во пса мѣсто“ вора, застигнутаго на мѣстѣ преступленія, фигурирующемъ въ Русской Правдѣ, равно какъ и о дозволеніи, въ краткой редакціи того же памятника, убійства холопа, ударившаго свободнаго человѣка; здѣсь мы имѣемъ дѣло съ необходимою оборонoю, местью, но опять таки не съ уголовнымъ наказаніемъ. Но источники даютъ намъ и такого рода факты лишенія жизни, которые носятъ уже всѣ черты уголовныхъ наказаній, примѣняемыхъ на основаніи Кормчей книги. Къ преподобному Агапиту былъ присланъ въ Кіевскій Печерскій монастырь преступникъ, присужденный къ смертной казни [1]). Въ 1227 году были сожжены въ Новгородѣ четыре волхва, обвиненные въ волшебствѣ; по словамъ Никоновской лѣтописи, бояре князя Ярослава, когда волхвовъ привели для осужденія на архіепископскій дворъ, хотѣли было вступиться за нихъ, но не могли спасти ихъ отъ казни. Въ 1230 году въ Новгородѣ же, во время голода, бояре присуждали къ сожженію гражданъ, доведенныхъ крайностью до людоѣдства. Въ 1442 году въ Новгородѣ многіе сожжены были по подозрѣнію въ совершеніи поджоговъ. Въ 1444 году былъ сожженъ въ Можайскѣ, вмѣстѣ съ женою своею, по обвиненію въ чародѣйствѣ, бояринъ Андрей Дмит-

---

[1]) Печерскій Патерикъ (изд. 1770 г.), стр. 93 об. и слѣд.

ріевичъ. Въ 1493 году въ Москвѣ сожжены въ желѣзныхъ клѣткахъ князь Лукомскій и толмачь Матіасъ, по подозрѣнію въ намѣреніи отравить в. к. Іоанна III [1]). Позднѣйшіе примѣры смертной казни приурочиваются уже къ эпохѣ слѣдующей за изданіемъ Судебника великаго князя Іоанна III (1497 г.), въ которомъ смертной казни дано полное право гражданства.

Любопытныя свидѣтельства практическаго примѣненія у насъ въ сферѣ свѣтскаго суда уголовныхъ постановленій Кормчей книги, въ особенности Градскаго закона, дошли до насъ отъ XV, XVI и даже XVII столѣтій; тѣмъ менѣе вправѣ мы отрицать ихъ примѣненіе въ болѣе раннія поры жизни,—хотя и съ ограниченіями, о которыхъ сказано было выше. Въ концѣ XV вѣка митрополитъ Геронтій, въ посланіи своемъ къ новгородскому архіепископу Геннадію, предписывая ему побудить къ покаянію лицъ, приставшихъ къ ереси жидовствующихъ, пишетъ: „А не покаются, и ты ихъ пошли къ намѣстникамъ великаго князя, и они ихъ велятъ казнити *градскою казнью* по великаго князя наказу, *какъ писано въ царскихъ правилахъ* (т. е. въ постановленіяхъ византійскихъ императоровъ)“, а затѣмъ добавляется: „И которые дойдутъ духовныя казни, и ты ихъ духовнѣ казни; а которые дойдутъ *градскія казни*, ино тѣхъ намѣстники казнятъ“ [2]). Въ XVI вѣкѣ извлеченія изъ заключающихся въ Кормчей книгѣ постановленій византійскихъ императоровъ списывались вмѣстѣ съ Судебникомъ царя и великаго князя Іоанна IV, какъ непосредственно дополняющія въ практическомъ отношеніи этотъ законодательный памятникъ. По одному изъ такихъ именно списковъ изданъ былъ этотъ Судебникъ въ 1768 году С. Башиловымъ; въ этомъ спискѣ, вмѣстѣ съ Судебникомъ, дополнительными къ нему указами и таможеннымъ уставомъ 1571 года, вписаны: Земледѣльческіе законы (leges agrariae) императора Юстиніана, Законъ о

---

[1]) Карамзинъ: «Ист. госуд. Росс.», III, прим. 135 и 316; V, стр. 296 и 354 изд. 1852 г.); VI, стр. 244 (тоже).

[2]) Карамзинъ: «Ист. госуд. росс.», VI, примѣч. 324 (изд. 1852 г.).

казнѣхъ, О раздѣленіи браковъ и Главы о послухахъ, представляющія собою извлеченія изъ Кормчей книги. Разъ эти извлеченія списывались въ концѣ XVI вѣка, вмѣстѣ съ дѣйствующими источниками русскаго права—становится яснымъ, что они должны были представлять собою практическій интересъ. Въ своемъ мѣстѣ увидимъ мы, что капитальнѣйшій памятникъ русскаго до—Петровскаго права, Соборное Уложеніе 1649 года, стоящій на рубежѣ древняго и новаго развитія отечественнаго законодательства, самъ указываетъ на Кормчую книгу, какъ ни одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ своихъ. Существуетъ далѣе указаніе, что въ 1654 году, вслѣдъ за напечатаніемъ впервые Кормчей книги, царь Алексѣй Михаиловичъ велѣлъ сдѣлать выборку изъ уголовныхъ законовъ этого памятника и разослать по городамъ, воеводамъ, для руководства въ уголовномъ судѣ [1]). Наконецъ и такъ называемыя Новоуказныя статьи, издававшіяся въ промежутокъ времени съ 1649 по 1696 годъ, ссылаются на градскіе законы, т. е. на Кормчую книгу, какъ на дѣйствующій источникъ суда и расправы: „И тѣмъ приводнымъ людямъ,—читаемъ мы, напримѣръ, въ одной изъ этихъ статей,—указъ чинить по Уложенью, и *по городскимъ законамъ*, и по новымъ статьямъ, кто чего доведется“ [2]).

Такимъ образомъ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ византизма, подготовлялась у насъ, въ удѣльный періодъ жизни русскаго народа, почва для санкціи смертной казни, а слѣдомъ за нею и цѣлаго ряда другихъ устрашительныхъ наказаній. Мы уже знаемъ, что только въ 1398 году, въ *Двинской уставной грамотѣ*, впервые назначается смертная казнь русскимъ свѣтскимъ законодательствомъ, и то всего только въ одномъ случаѣ: за кражу, совершенную въ третій разъ, вору грозитъ смертная казнь черезъ повѣшеніе.

---

[1]) Баронъ Розенкампфъ: «Обозрѣніе Кормчей книги и пр.», стр. 106.

[2]) Полн. Соб. Зак. I, №№ 441, 442, (ст. 58, 34, 44, 67, 79 и др.), 527, II, №№ 626, 1011, 1266 и др.

Разъ санкція смертной казни оффиціально и открыто проникла въ карательную систему свѣтскаго права—усвоеніе русскимъ законодательствомъ этого вида наказанія быстро пошло впередъ. Минуло еще 69 лѣтъ – и въ *Псковской Судной Грамотѣ* 1467 года, грандіозномъ памятникѣ вѣчеваго законодательства, стоящемъ на рубежѣ удѣльнаго и Московскаго періодовъ развитія русской правовой жизни, смертная казнь уже играетъ видную роль въ лѣствицѣ наказаній, извѣстныхъ этому законодательному сборнику.

Не можетъ быть, конечно, и спора о томъ, что въ Псковской Судной Грамотѣ еще продолжаетъ отражаться тотъ первобытный, частный взглядъ на существо преступленія и наказанія, который мы старались охарактеризовать въ началѣ настоящей бесѣды нашей. Тѣмъ не менѣе, въ этомъ памятникѣ частный взглядъ въ области уголовнаго права уже въ значительной степени умѣряется государственнымъ воззрѣніемъ на преступленіе и наказаніе, которое лишь робко и изрѣдка прорывалось въ предшествовавшихъ памятникахъ права. Въ Псковской Судной Грамотѣ появляется понятіе о преступномъ дѣйствіи, какъ о зломъ проявленіи воли преступника, направленномъ противъ благосостоянія и интересовъ всего общества, почему это послѣднее и не можетъ, въ интересахъ собственной самозащиты, оставить его безъ репрессаліи. Въ связи съ появленіемъ такого взгляда на преступное дѣйствіе, разсматриваемый нами памятникъ выдвигаетъ впередъ кругъ наказаній чисто уголовныхъ, падающихъ уже не на имущество преступника, но на самую личность его, имѣющихъ своею конечною цѣлью не только удовлетвореніе интересовъ потерпѣвшихъ отъ правонарушенія, но и воздѣйствіе на самую преступную волю, съ тѣмъ, что бы лишить ее физической или моральной возможности совершать преступныя дѣянія. Въ этомъ смыслѣ уголовное право Псковской Судной Грамоты рѣзко оттѣнено характеромъ законодательства переходнаго, стоящаго на рубежѣ частнаго и государственнаго воззрѣнія на преступленіе и наказаніе, а сообразно съ этимъ и самыя

наказанія его носятъ характеръ двойственности: одни изъ нихъ падаютъ на личность преступника, другія, слѣдуя старому воззрѣнію, продолжаютъ еще падать на имущество преступника.

Въ числѣ преступныхъ дѣяній, обсуживаемыхъ Псковскою Судною Грамотою съ строго государственной точки зрѣнія и наказанія за которыя уже всецѣло падаютъ на личность преступника, выдвигаются въ этомъ памятникѣ слѣдующія пять преступленій, за которыя грозитъ *безусловная смертная казнь*: 1) *Храмская татьба*, т. е. святотатственная кража изъ церкви; 2) *Коневая татьба*, т. е. конокрадство,—преступное дѣяніе, весьма строго обсуждавшееся въ древней Руси, да и въ настоящемъ быту нашего крестьянства весьма нерѣдко ведущее, какъ извѣстно, къ кровавому самосуду; 3) *Перевѣтничество*, т. е. государственная измѣна, передача (перевѣтъ) непріятелю тайныхъ вѣстей; 4) *Зажигательство*, т. е. поджогъ, — преступное дѣяніе, къ которому русское правосознаніе всегда относилось и относится съ большою строгостью, и 5) *Кража, хотя бы и простая, но совершенная въ третій разъ*,—опредѣленіе, очевидно стоящее въ генетической связи съ уже извѣстнымъ намъ постановленіемъ Двинской уставной грамоты. Смертная казнь,—родъ которой, однако, не указывается,—является для преступника, уличеннаго въ одномъ изъ этихъ преступныхъ дѣяній, единственнымъ искупленіемъ проявленной имъ злой воли, которая признается на столько совратившеюся изъ предѣловъ предоставленной лицу свободы, что только уничтоженіе преступника способно обезопасить отъ него общество: „А храмскому татю и коневому, и перевѣтнику, и зажигальнику—тѣмъ живота не дати; что бы и на посадѣ покрадется, и въ третій рядъ изличивъ—живота не дати",—говоритъ разсматриваемый нами памятникъ.

Если перечисленные нами пять видовъ преступныхъ дѣяній обсуждаются и караются съ строго государственной точки зрѣнія, то, съ другой стороны, цѣлый циклъ весьма серьезныхъ преступленій еще подчиняются въ Псковской Судной Гра-

мотѣ частному воззрѣнію. Сюда относятся: душегубство, т. е. убійство, не выключая квалифицированнаго (именно отцеубійство и братоубійство), разбой, грабежъ и кража, какъ со взломомъ, такъ и простая, совершенная не въ третій разъ; послѣдняя карается, какъ мы уже знаемъ, смертью. Всѣ только что исчисленныя преступныя дѣянія продолжаютъ еще караться денежными пенями.

Въ такомъ видѣ представляется вопросъ о смертной казни въ удѣльный періодъ русской исторической жизни, совпадающій съ эпохою господства частнаго воззрѣнія на преступленіе и наказаніе и постепеннаго перехода его къ воззрѣнію государственному.

Обратимся теперь ко второму періоду историческаго развитія интересующаго насъ вопроса, — къ эпохѣ господства устрашительныхъ наказаній, совпадающей съ торжествомъ строго государственнаго взгляда на существо преступленія и наказанія. Эта эпоха обниметъ собою Московскій періодъ русской исторической жизни, царствованіе Петра I-го и правленіе его ближайшихъ преемниковъ, до воцаренія императрицы Елизаветы Петровны.

II.

Періодъ второй.

Эпоха господства строго-государственныхъ воззрѣній въ области уголовного права и системы устрашительныхъ наказаній.

Въ памятникахъ права Московскаго періода русской исторической жизни государственное воззрѣніе на преступленіе и наказаніе отвоевываетъ себѣ все бо́льшее и бо́льшее мѣсто, постепенно отодвигая на задній планъ прежнее частное воззрѣніе на эти два понятія. Понятіе „обиды", нарушенія частныхъ интересовъ, частныхъ правъ, входившее главнымъ моментомъ въ старое воззрѣніе на преступленіе, теперь

смѣняется понятіемъ „лихаго дѣла“, „лиха“, зла, направленнаго не только противъ частнаго лица, но и противъ всего государства. Вмѣстѣ съ тѣмъ и преслѣдованіе преступленій становится дѣломъ „царскимъ“, публичнымъ, государственнымъ, въ силу чего „самосудъ“, въ смыслѣ остатка древняго института мести и возможности частнаго примиренія съ преступникомъ—объявляется невозможнымъ, запрещаемымъ, возводимымъ въ самостоятельное преступленіе: „А за самосудъ—4 рубля; а самосудъ то: кто поймаетъ татя съ поличнымъ и его отпуститъ, взявъ съ него выкупъ (посулъ)“,—опредѣляютъ уставныя грамоты. Въ связи съ совершающимся измѣненіемъ въ воззрѣніи на преступленіе, постепенно измѣняется и воззрѣніе на наказаніе, которое стремится сдѣлаться личнымъ, падающимъ на самую личность преступника, и все болѣе и болѣе получаетъ устрашительную окраску, достигающую самыхъ мрачныхъ тоновъ въ эпоху Уложенія 1649-го года. Смертная казнь, все шире и шире раздвигающая сферу своего примѣненія, выражаетъ тенденцію занять первенствующее мѣсто въ устрашительной карательной системѣ русскаго уголовнаго законодательства.

Если мы постараемся разобраться въ движеніи русскаго уголовнаго законодательства въ эпоху завершенія двухвѣковаго процесса московской централизаціи и торжества идеи абсолютной государственности, т. е. въ эпоху уставныхъ грамотъ, Судебниковъ, первоначальнаго возникновенія губнаго права и сдѣлаемъ попытку выяснить,—какія именно преступленія преслѣдуются въ эту пору въ качествѣ преступленій публичныхъ, то придемъ къ убѣжденію, что такой характеръ принимаютъ уголовныя правонарушенія, носящія названіе *лихихъ дѣлъ*, т. е правонарушенія, заключающія въ себѣ понятіе *лиха*, абсолютнаго зла. Сюда, въ особенности, относятся лихія дѣла, совершаемыя *вѣдомыми лихими людьми*. „Вѣдомый“ лихой человѣкъ—это лице, которое уже не впервые проявляетъ свою преступную волю, которое пользуется репутаціею завзятаго, закоренѣлаго злоумышленника, испорченность свободной воли

котораго *вѣдома* обществу. Въ силу этого послѣдняго, признаніе лица, впавшаго въ лихое дѣло, *вѣдомымъ* или *невѣдомымъ* лихимъ человѣкомъ—составляетъ право той общины, къ которой принадлежитъ преступникъ; этотъ приговоръ общины по отношенію къ впавшему въ правонарушеніе сочлену своему является результатомъ особаго процессуальнаго акта, извѣстнаго подъ названіемъ *повальнаго обыска*, при которомъ члены общины допрашиваются относительно нравственныхъ качествъ заподозрѣннаго въ преступномъ дѣяніи сочлена своего; если община „одобритъ" его—запозрѣнный отдается на поруки и освобождается отъ дальнѣйшаго преслѣдованія, если же она „облихуетъ" его, объявитъ „лихимъ человѣкомъ"—въ такомъ случаѣ онъ подвергается пыткѣ и другимъ фазисамъ сыскнаго производства. Вѣдомый лихой, признанный виновнымъ, присуждается къ безусловной смертной казни.

Судебники и современные имъ памятники выдѣляютъ цѣлый кругъ преступныхъ дѣяній, которые влекутъ за собою смертную казнь или безусловно, сами по себѣ, по своимъ объективнымъ признакамъ, или въ томъ случаѣ, если они совершены вѣдомыми лихими людьми. Къ преступнымъ дѣяніямъ этого рода относятся: по Судебнику 1497 года, изданному великимъ княземъ Иваномъ III Васильевичемъ—1) Душегубство, 2) Разбой, 3) Татьба, 4) Ябедничество, т. е. умышленное вчинаніе завѣдомо ложныхъ тяжбъ, 5) Государское убойство, т. е. убійство холопомъ господина, 6) Крамола, т. е. государственная измѣна, 7) Церковная татьба, 8) Головная татьба, т. е. кража человѣка, 9) Подметъ, т. е. подкинутіе поличнаго и 10) Зажигательство (поджогъ); Судебникъ 1550 года, царя и великаго князя Ивана IV Васильевича, добавляетъ къ этимъ преступленіямъ: 11) Подписку, т. е. подлогъ актовъ, и 12) Градскую сдачу, т. е. измѣнническую сдачу непріятелю города ([1]). Судебники выдѣляютъ, такимъ образомъ,

([1]) Судебникъ 1497 года: статьи 8, 9; Судебникъ 1550 года: статьи 59, 61 (по изданію въ «Христоматіи по ист. русск. права» М. Ф. Владимірскаго-Буданова).

значительный кругъ преступныхъ дѣяній, въ которыхъ злая воля ихъ содѣятелей признается настолько испорченною, закоренѣлою, что только физическое уничтоженіе обладателя ея способно оградить государство и общество отъ дальнѣйшей опасности. Въ этихъ преступленіяхъ не только не допускается для потерпѣвшаго возможность примиренія съ преступникомъ, но не допускается даже отмѣна смертной казни въ цѣляхъ возмѣщенія матеріальнаго ущерба, понесеннаго имъ отъ правонарушенія. Дѣло въ томъ, что въ древнемъ правовомъ быту, если у преступника не было средствъ для возмѣщенія матеріальнаго ущерба, причиненнаго его преступнымъ дѣяніемъ, въ такомъ случаѣ онъ выдавался потерпѣвшему „до искупа", т. е. отдавался ему въ подневольное состояніе до тѣхъ поръ, пока не заработаетъ личнымъ трудомъ всю сумму ущерба, причиненнаго его дѣяніемъ. Теперь подобнаго рода способъ возмѣщенія матеріальныхъ интересовъ потерпѣвшаго не допускается по отношенію къ вѣдомымъ лихимъ людямъ; интересъ публичный, лежащій въ данномъ случаѣ въ основѣ преслѣдованія преступленія, уже отодвигаетъ на второй планъ интересы частные: „А доведутъ на кого татьбу, или разбой, или душегубство, или иное какое лихое дѣло,—опредѣляетъ Судебникъ 1497 года, —и будетъ вѣдомый лихой, и того велѣти казнити смертною казнью, а истцево велѣти доправити изъ его статка (т. е. изъ остающагося послѣ него имущества).... а не будетъ у котораго лихаго статка, чѣмъ истцево (т. е. частное удовлетвореніе потерпѣвшаго) заплатить, и лихаго истцу въ его гибели (т. е. въ матеріальномъ ущербѣ) не выдати, а велѣти *казнити смертною казнью*" (1). Вѣдомымъ лихимъ человѣкомъ, т. е. заслуживающимъ смертную казнь, признается и воръ, пойманный во второй кражѣ въ томъ случаѣ, если онъ дастъ подъ пыткою собственное признаніе: онъ подлежитъ въ этомъ случаѣ безусловной смертной казни; если же воръ—рецидивистъ не принесетъ собствен-

(1) Судебники: 1497 г., ст. 8; 1550 г., ст. 59.

наго признанія, въ такомъ случаѣ онъ подвергается повальному обыску и, если будетъ облихованъ, присуждается къ пожизненному тюремному заключенію, въ противномъ же случаѣ отдается на крѣпкую поруку (1). Мы видимъ, такимъ образомъ, что XV-й вѣкъ вырабатываетъ себѣ болѣе строгій взглядъ на рецидивную кражу: Двинская уставная грамота 1398 года грозитъ смертною казнью (повѣшеніемъ) только за третью кражу; Судебникъ 1497 года угрожаетъ ею уже за вторую.

Вникая глубже въ смыслъ уголовныхъ опредѣленій обоихъ Судебниковъ, мы приходимъ къ возможности раздѣлить всѣ преступныя дѣянія, обсуждаемыя этими памятниками въ качествѣ *лихихъ*, т. е. преслѣдуемыхъ публичною властью, на двѣ группы: а) Лихія дѣла *высшаго рода* и б) Лихія дѣла *низшаго рода*. *Первыя* влекутъ за собою безусловную смертную казнь. Сюда относятся: 1) Лихія дѣла, совершаемыя *вѣдомыми* лихими людьми, облихованными на повальномъ обыскѣ; 2) Лихія дѣла, объектомъ которыхъ является непосредственно само государство, — преступленія политическія, которыя неизбѣжно влекли за собою смертную казнь даже и въ томъ случаѣ, если совершались и не вѣдомыми лихими людьми; 3) Квалифицированный видъ убійства—государское убойство; 4) Квалифицированные виды преступленій противъ собственности—зажигательство и кражи церковная и головная, хотя бы онѣ были совершены въ первый разъ и не вѣдомымъ лихимъ человѣкомъ; 5) Рецидивная простая кража, при собственномъ признаніи преступника съ пытки, и 6) Подметъ, какъ преступное дѣяніе, весьма опасное при томъ важномъ значеніи, какое придавалось въ то время поличному (2). Лихія дѣла

(1) Судебники: 1497 г., ст. 10 и 11; 1550 г. ст. 55 и 56.

(2) Мы вполнѣ присоединяемся къ толкованію проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова, что статьи Судебниковъ 9-ая (1497 г.) и 61-ая (1550 г.) едва ли выражаютъ точную мысль законодателя, такъ какъ прибавка въ этихъ статьяхъ словъ: «вѣдомому лихому человѣку»—не даетъ объясненія мотиву появленія этихъ статей въ виду статей 8-й (1497 г.) и 59-й (1550 г.), обобщающихъ наказуемость вѣдомыхъ людей, вообще. На эту мысль наводитъ и.

низшаго рода могутъ и не влечь за собою смертной казни, но подлежать другимъ, или личнымъ или денежнымъ, наказаніямъ, если они не содержатъ въ себѣ ни субъективныхъ (облихованіе, вѣдомость преступника, какъ лихаго) ни объективныхъ (квалификація дѣянія) признаковъ, усиливающихъ наказуемость. Сюда относятся: душегубство, разбой, татьба, ябедничество и другія преступныя дѣянія, совершаемыя не вѣдомыми лихими людьми и не квалифицированныя законодательствомъ.

Сводя къ одному все сказанное выше, мы получаемъ возможность представить слѣдующую таблицу преступныхъ дѣяній, обсуживаемыхъ Судебниками въ качествѣ лихихъ дѣлъ высшаго рода, а потому и караемыхъ смертною казнью:

	I.
Безусловная смертная казнь.	Крамола. Городская сдача. Зажигательство. Государское убойство. Церковная татьба. Головная татьба. Подметъ. Рецидивная простая татьба.

статья 7-ая Псковской Судной Грамоты, легшая въ основу статей 9-й и 61-й Судебниковъ. Весьма вѣроятно, что слова «вѣдомому лихому человѣку» являются здѣсь не опредѣлительными по отношенію къ предыдущему перечисленію преступниковъ, но сами входятъ въ это перечисленіе, являясь повтореніемъ въ трехъ словахъ статей 8-й и 59-й. При этомъ придется допустить весьма послѣдовательное, уже само по себѣ, объясненіе, что всѣ виды преступленій, перечисленные въ статьяхъ 9-й (1497 г.) и 61-й (1550 г.), караются смертною казнью будучи совершенными и не вѣдомыми лихими людьми, какъ преступленія квалифицированныя (см. «Христоматію по ист. рус. права» проф. Владимірскаго-Буданова, примѣчаніе къ ст. 9-й Судебника 1497 г.).

Безусловная смертная казнь только въ случаѣ совершенія *вѣдомыми* лихими людьми; въ противномъ случаѣ являются лихими дѣлами низшаго рода и караются другими, личными и даже имущественными, наказаніями.	**II.** Душегубство. Разбой. Татьба. Ябедничество. Подписка и другія лихія дѣла („или иное какое лихое дѣло“).

Мы видимъ, такимъ образомъ, что смертная казнь сдѣлала въ теченіи послѣдней четверти XV вѣка, т. е. со времени Псковской Судной Грамоты 1467 года, не говоря уже о Двинской уставной грамотѣ 1398 года, весьма значительные успѣхи съ точки зрѣнія расширенія сферы ея примѣненія: смертной казни могло теперь подлежать всякое лихое дѣло, коль скоро оно совершалось *вѣдомымъ* лихимъ человѣкомъ, коль скоро сама земщина, спрошенная о томъ органами правосудія, облиховывала своего сочлена, признавала его злую волю закоренѣлою, неисправимою. Здѣсь въ руки земщины дается громадная компетенція, громадное участіе въ области уголовнаго суда,—быть можетъ еще болѣе широко поставленное, въ сравненіи съ современнымъ намъ институтомъ суда присяжныхъ (1).

Въ эпоху Судебниковъ вырабатывается и новая форма процесса для тѣхъ преступныхъ дѣяній, иниціативу преслѣдованія которыхъ принимаетъ теперь на себя само государство. Это—*сыскъ*, или, выражаясь современною юридическою терминологіею, процессъ слѣдственный, инквизиціонный, противополагаемый отнынѣ *суду*, въ смыслѣ процесса обвинительнаго, требующаго наличности частнаго обвинителя. Въ сыскѣ

(1) Подробности вопроса объ участіи старой русской земщины въ судѣ изложено въ моей статьѣ: «Русскій судъ и его земскія начала», помѣщенной въ №№ 212, 214, 216, 218 и 221 «Казанскаго Биржеваго Листка» за текущій годъ.

наличность частнаго обвинителя уже не является существенною; здѣсь сама государственная власть выступаетъ въ роли обвинителя, пользуясь для разслѣдованія уголовныхъ правонарушеній двумя могучими орудіями: повальнымъ обыскомъ и пыткою. Во второй четверти XVI вѣка возникаетъ въ Московскомъ государствѣ *губное право*, т. е. предоставлявшееся отдѣльнымъ земщинамъ право собственнаго, земскаго, розыска, суда и каранія нѣкоторыхъ преступныхъ дѣяній; право это предоставлялось путемъ дачи земщинамъ особыхъ губныхъ грамотъ, опредѣлявшихъ организацію и дѣятельность выборныхъ губныхъ учрежденій. Въ своемъ первоначальномъ возникновеніи, губное право распространялось лишь на преступленіе разбоя, но въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи оно, мало по малу, захватываетъ въ кругъ своей компетентности и другіе высшіе виды уголовныхъ правонарушеній,—въ особенности же душегубство, разбой и татьбу съ поличнымъ,—такъ что въ эпоху Новоуказныхъ статей (вторая половина XVII столѣтія) вѣдапію губныхъ учрежденій подлежали уже всѣ, сколько нибудь выдающіяся, преступныя дѣянія. Въ Москвѣ создается и особое центральное правительственное учрежденіе, Разбойный или Сыскной приказъ, въ которомъ сосредоточивается высшее вѣданіе губнаго дѣла и всѣхъ мѣстныхъ губныхъ учрежденій. Сыскъ, въ смыслѣ вновь появившейся формы слѣдственнаго процесса, и дѣлается органомъ губнаго института. На почвѣ этого то губнаго института и сыскнаго процесса совершается дальнѣйшее расширеніе круга дѣлъ, преслѣдуемыхъ государствамъ уже съ государственной точки зрѣнія, и дальнѣйнѣйшее развитіе уголовныхъ началъ, выраженныхъ въ Судебникахъ 1497 и 1550 годовъ, вплоть до изданія въ 1649 году Соборнаго Уложенія царя и великаго князя Алексѣя Михайловича.

Въ губныхъ грамотахъ, дополнительныхъ къ Судебнику указахъ и, въ особенности, въ выработавшейся изъ нихъ Уставной книгѣ Разбойнаго приказа—повторяются тѣ же санкціи смертной казни, которыя были извѣстны и Судебникамъ;

но явились и нѣкоторыя измѣненія, которыя мы сейчасъ укажемъ. При царѣ Борисѣ Θеодоровичѣ Годуновѣ сдѣлано было измѣненіе въ наказуемости разбоя. Въ это царствованіе состоялся боярскій приговоръ, въ силу котораго разбой, не соединенный съ убійствомъ и поджогомъ, наказывался смертью только въ третій разъ, а за первые два раза карался тюремнымъ заключеніемъ до указа; разбой же, соединенный съ убійствомъ и поджогомъ, влекъ за собою смертную казнь и за первый разъ. Въ преступленіи разбоя наказуемость для пособниковъ, попустителей и пристаподержателей назначается такая же, какъ и для главныхъ виновниковъ. Затѣмъ, вопреки Судебникамъ, возстановляется старинное опредѣленіе Двинской уставной грамоты, въ силу котораго смертная казнь налагается не за вторую простую тяжбу, какъ узаконяютъ это Судебники, но только за третью; первая тяжба наказуется кнутомъ, съ отдачею на поруки, вторая—кнутомъ и отсѣченіемъ руки (¹).

Мы имѣемъ, наконецъ, указанія и на совершенно *новыя санкціи смертной казни*, проникшія въ практику въ промежутокъ времени между Судебниками и Уложеніемъ 1649 г. и заимствованныя, какъ это вполнѣ выяснено, изъ Литовскаго Статута; онѣ были открыты покойнымъ Н. В. Калачовымъ въ такъ называемомъ „Эрмитажномъ" спискѣ Царскаго Судебника и дополнительныхъ къ нему указовъ. Здѣсь новыя санкціи смертной казни даны въ слѣдующихъ преступныхъ дѣяніяхъ:

1) Убійство отца, матери и, вообще, сродича. За это преступленіе угрожается страшною казнью: преступника возятъ по торгу, причемъ рвутъ тѣло его клещами; затѣмъ его утопляютъ, связавъ вмѣстѣ съ собакою, пѣтухомъ, ужомъ и котомъ. Лица, находившіеся въ заговорѣ съ убійцею, казнятся смертью.

2) Убійство братомъ брата, сестрою брата, братомъ

(¹) Уставная книга Разбойнаго приказа, статьи 10, 30—35, 37—39 (въ «Христом. по ист. рус. права» проф. Владимірскаго-Буданова, вып. III).

сестры, шуриномъ зятя, зятемъ шурина „или ближняго своего пріятеля“; родъ смертной казни при этомъ не опредѣляется.

3) Убійство или раненіе слугою господина. Здѣсь мы имѣемъ, очевидно, дѣло съ преступнымъ дѣяніемъ, аналогичнымъ „государскому убойству“ Судебниковъ. Виновный подвергается за это преступленіе „смерти злой“, безъ указанія рода ея.

4) Насильственное растлѣніе дѣвицы. Родъ смертной казни опять таки не опредѣляется; согласіе изнасилованной выйти за мужъ за виновнаго освобождаетъ его отъ наказанія.

Въ цитируемыхъ нами статьяхъ интересно опредѣленіе, въ силу котораго не вмѣняется убійство, совершенное въ состояніи необходимой обороны: „кто на кого засѣлъ на подсадѣ (въ засаду), и тотъ остережется и его самаго убьетъ“. Но при этомъ ставятся слѣдующія необходимыя условія: а) отсутствіе предварительной ссоры съ убитымъ, б) необходимость самозащиты („бороняся отъ него убилъ“) и в) немедленное заявленіе мѣстному воеводѣ, подъ присягою, объ обстоятельствахъ дѣла (1).

Наконецъ, губныя грамоты опредѣляютъ смертную казнь за злоупотребленія лицъ, допрашиваемыхъ на повальномъ обыскѣ: ею караются обыскные люди, которые укрываютъ при этомъ процессуальномъ актѣ лихихъ людей или даютъ ложныя показанія, одабривая виновныхъ или облиховывая невинныхъ (2).

Мы видимъ, такимъ образомъ, что на почвѣ Судебниковъ и памятниковъ права ихъ развивающихъ и дополняющихъ—уже кладутся твердыя основы той суровой уголовной системы, которая съ полною силою раскроется передъ нами въ Уложеніи и Новоуказныхъ статьяхъ.

---

(1) «Архивъ историческихъ и юридическихъ свѣдѣній» Н. В. Калачова, кн. II, полов. 1-я; «Христоматія» М. Ф. Владимірскаго-Буданова, III, стр. 82—89 (изд. 1875 г.), статьи 15—20.

(2) Ерлыковъ: «Сличенный текстъ губныхъ грамотъ», статья XII.

Столѣтній промежутокъ времени, истекшій отъ изданія Судебника 1550-года до появленія Соборнаго Уложенія 1649-го года—можетъ быть названъ эпохою неустанной борьбы Московскаго царства съ воображаемыми или дѣйствительными антигосударственными элементами, несовмѣстными съ получившею передъ тѣмъ торжество идеею строгой, абсолютной, государственности. Съ этой точки зрѣнія представляются окрашенными одинаковымъ колоритомъ и борьбы Москвы съ послѣдними остатками упраздненнаго удѣльнаго уклада, и борьба Грознаго царя съ боярствомъ, и борьба московскаго государства съ „лихими“ людьми. Въ эту пору борьбы за свое существованіе идеи строгой, абсолютной государственности, преступникъ, „лихой человѣкъ“, дѣйствительно „представлялъ собою крупную и весьма опасную для государства силу, съ которою государственная власть должна открыто бороться, притомъ бороться почти на равныхъ правахъ“,—какъ мѣтко замѣчаетъ профессоръ Н. Д. Сергѣевскій. И Московское государство борется съ „лихимъ человѣкомъ“, борется съ нимъ безъ устали, безъ пощады. „Неизбѣжнымъ результатомъ такого положенія вещей является общее повышеніе всего масштаба карательной системы—наказанія являются тягчайшія; смертная казнь выдвигается на первый планъ и нерѣдко становится poena ordinaria въ буквальномъ смыслѣ этого слова“,—продолжаетъ г. Сергѣевскій свою характеристику этой эпохи развитія уголовнаго права [1]).

Не довольствуясь личною борьбою съ „лихими людьми“, государство привлекаетъ къ этой борьбѣ и земщину, предоставивъ ей губное право и давъ въ ея руки могучее оружіе борьбы въ лицѣ повальнаго обыска, на которомъ само общество, какъ мы это видѣли, рѣшаетъ вопросъ о „лихости“ своего сочлена, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вопросъ о томъ, можетъ ли этотъ сочленъ продолжать оставаться въ его средѣ, или же онъ долженъ быть „изведенъ“, „искорененъ“, стертъ съ лица земли?

[1]) Н. Д. Сергѣевскій: «Русское уголовное право», стр. 106.

Эта неусыпная борьба съ „лихими людьми", цѣлое столѣтіе продолжающаяся на почвѣ губнаго института и суровой практики Разбойнаго приказа, достигаетъ своего апогея въ Соборномъ Уложеніи царя и великаго князя Алексѣя Михаиловича. Устрашительный элементъ кары проникаетъ собою все уголовное право этого законодательнаго памятника. Уложеніе 1649-го года какъ бы видитъ въ каждомъ членѣ общества дѣйствительнаго или предполагаемаго „лихаго человѣка" и спѣшитъ застращать его угрозою жестокой кары, съ тѣмъ, чтобы удержать отъ правонарушенія. „Чтобъ на то смотря инымъ не повадно было таковаго творити"; „да и другіе страхъ пріимутъ"—таковы сентенціи, которыми то и дѣло сопровождаются жестокія карательныя санкціи Уложенія. Къ началу устрашенія предвходитъ здѣсь и начало таліона, т. е. возданія преступнику зломъ тожественнымъ или аналогичнымъ съ тѣмъ зломъ, которое учинено имъ самимъ, по принципу: „кровь за кровь, око за око, зубъ за зубъ". Совершено убійство — и Уложеніе предписываетъ покарать убійцу „смертію *же*"; за поджогъ—преступника самаго сожигаютъ; поддѣлывателю монеты заливаютъ горло расплавленнымъ металломъ; преступникъ, изувѣчившій кому либо глазъ, ногъ, уши—подвергается такому же увѣчью....

Количество преступныхъ дѣяній, за которыя Уложеніе грозитъ смертною казнью, оставляетъ далеко за собою Судебники, а равно современные и послѣдующіе за ними памятники права; по исчисленію проф. Кистяковскаго, Уложеніе даетъ санкцію смертной казни въ 54-хъ, а по исчисленію проф. Сергѣевскаго—въ 60-ти случаяхъ. Если прибавимъ къ этому многочисленныя назначенія „жестокаго" или „нещаднаго" наказанія кнутомъ,—страшнымъ орудіемъ кары, отъ котораго, по свидѣтельству современниковъ, весьма нерѣдко слѣдовала смерть,—и цѣлый рядъ жестокихъ членовредительныхъ наказаній, нерѣдко также оканчивавшихся, конечно, смертнымъ исходомъ, въ такомъ случаѣ границы фактическаго примѣне-

нія смертной казни по Уложенію должны быть раздвинуты еще шире.

Суровый характеръ уголовныхъ постановленій Уложенія 1649-го года уже давно обратилъ на себя вниманіе изслѣдователей. Еще въ 30-хъ годахъ В. Строевъ въ своей монографіи: „Историко-юридическое изслѣдованіе Уложенія“ характеризуетъ этотъ законодательный памятникъ въ качествѣ „чудовищнаго, кровожаднаго и до невѣроятности свирѣпаго“; „филантропъ изумляется,—восклицаетъ Строевъ,—читая Уложеніе и едва вѣритъ, что когда то сіи казни существовали дѣйствительно“.

Откуда же заимствовало Уложеніе этотъ „кровожадный и свирѣпый“ характеръ свой? Уже довольно рано, вслѣдъ за выясненіемъ вопроса объ источникахъ, изъ которыхъ черпало Уложеніе свое содержаніе, было высказано положеніе, что суровый характеръ этого памятника объясняется воздѣйствіемъ Кормчей книги, послужившей однимъ изъ его источниковъ. Дѣйствительно, этотъ источникъ указывается въ самъ царскомъ указѣ объ учрежденіи редакціонной коммиссіи для разработки проекта новаго кодекса: „Которыя статьи написаны въ правилѣхъ святыхъ Апостолъ и святыхъ Отецъ, и въ градскихъ законѣхъ греческихъ царей, а пристойны тѣ статьи къ государственнымъ и къ земскимъ дѣламъ, и тѣ бы статьи выписать“,—предписывается этой редакціонной коммиссіи. До насъ дошелъ, далѣе, подлинный „Уложенный столбецъ“, на которомъ, на поляхъ, указаны противъ нѣкоторыхъ статей тѣ источники, изъ которыхъ онѣ заимствованы,—и здѣсь мы имѣемъ непосредственныя ссылки на „градскіе законы“, которыя, однако, несравненно малочисленнѣе дѣйствительныхъ заимствованій изъ Кормчей книги. Римско-византійскому уголовному праву, нормы котораго проникли въ Уложеніе черезъ посредство Кормчей книги, памятникъ этотъ въ весьма значительной степени обязанъ суровостью своихъ карательныхъ санкцій. Въ Уложеніи 1649-го года византизмъ оказываетъ рѣшительную побѣду надъ русскимъ свѣтскимъ

уголовнымъ законодательствомъ, которое въ теченіи цѣлыхъ шести столѣтій упорно ему противоборствовало — начиная со времепъ Владиміра Святаго, отказывавшагося отъ совѣта греческихъ епископовъ казнить разбойниковъ, и Владиміра Мономаха, оставившаго своимъ сыновьямъ завѣтъ не казнить смертью „на праваго, ни виновнаго". Вліяніе Кормчей книги на уголовное право Уложенія 1649-го было весьма значительнымъ; укажу, только для примѣра, на назначенія смертной казни въ преступленіяхъ противъ вѣры (глава I, статья 1), за поджогъ (II, 4), государственную измѣну (VII, 20), отцеубійство и матереубійство (XXII, 1—2) подговоръ къ „затѣйному" дѣлу (XXII, 13), мужеубійство (XXII, 14), насиліе женщинъ (XXII, 16),—которыя всецѣло заимствованы изъ Кормчей книги.

Но мы были бы несправедливы, всецѣло приписавъ Кормчей книгѣ исключительное вліяніе на суровость уголовныхъ постановленій Уложенія. Весьма значительное вліяніе оказалъ въ этомъ отношеніи и *Литовскій Статутъ*,—памятникъ литовско-русскаго законодательства, воздѣйствіе котораго на историческое развитіе древняго русскаго права далеко не въ надлежащей степени оцѣнено еще наукою. Мы уже видѣли, что Литовскій Статутъ активно вліяетъ на русское уголовное право эпохи дополнительныхъ къ Судебнику указовъ, вводя въ него новыя санкціи смертной казни. Царскій указъ объ организаціи редакціонныхъ работъ по составленію проекта Уложенія не указалъ на Литовскій Статутъ, въ качествѣ источника этихъ работъ,—тѣмъ не менѣе предсѣдатель редакціонной коммиссіи князь Н. И. Одоевскій и товарищи его широкою рукою черпали изъ него содержаніе будущаго законодательнаго кодекса: это видно изъ подлиннаго „уложеннаго столбца", на поляхъ котораго выпесено 56 указаній на заимствованіе отдѣльныхъ статей изъ Литовскаго Статута. Справляясь по этимъ указаніямъ съ текстомъ Уложенія, мы найдемъ, что опредѣленія смертной казни за преступленія противъ Величества (глава II, статья 1), убійство и насиліе

женщинъ (VII, 30), братоубійство (XXII, 7), убійство господина (XXII, 9), дѣтоубійство (XXII, 26)—обязаны своимъ появленіемъ въ Уложеніи именно Литовскому Статуту. Отсюда ясно, что бывшее въ прежнее время господствующимъ въ наукѣ безусловое обвиненіе Кормчей книги въ жестокомъ характерѣ Уложенія 1649-го года—требуетъ серьезной провѣрки; значительная доля этого обвиненія должна пасть и на Литовскій Статутъ.

Давая санкцію смертной казни за тѣ или другія преступныя дѣянія, Уложеніе царя Алексѣя Михаиловича весьма неохотно опредѣляетъ самый родъ казни: „казнить смертью“, „казнить смертью безо всякой пощады“—вотъ излюбленная этимъ памятникомъ формула санкцій. Изъ почти 60-ти назначеній смертной казни—только въ семи случаяхъ указываетъ Уложеніе родъ ея, предоставляя въ этомъ отношеніи широкій просторъ усмотрѣнію самаго суда или имѣя въ виду нормальный видъ казни—отсѣченіе головы на плахѣ. Точно также и обрядовая форма смертной казни, самый порядокъ совершенія ея—мало интересуютъ законодателя. Со всѣмъ этимъ знакомятъ насъ дополняющія и развивающія Уложенія новоуказныя статьи, изъ которыхъ, равно какъ и изъ нѣкоторыхъ другихъ источниковъ, мы узнаемъ, что этотъ памятникъ даже и не исчерпываетъ всѣхъ видовъ казни, въ дѣйствительности практиковавшихся въ его время ([1]). Такъ, Уложеніе указываетъ намъ всего только пять видовъ смертной казни: сожженіе, повѣшеніе, залитіе горла расплавленнымъ металломъ, окопаніе заживо въ землю и отсѣченіе головы; между тѣмъ, мы имѣемъ свидѣтельства, что въ эпоху Уложенія практиковались и другіе виды смертной казни, какъ то: четвертованіе, утопленіе и посаженіе на колъ.

Обращаясь къ внутреннему содержанію Уложенія 1649 года, мы найдемъ что санкція смертной казни назначается этимъ памятникомъ за слѣдующія преступныя дѣянія:

([1]) Н. Д. Сергѣевскій: «Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII вѣка», стр. 90.

I. Преступленія *противъ вѣры.* Смертная казнь назначается здѣсь: за богохуленіе, хулу на Спасителя, Пресвятую Богородицу, святой крестъ и святыхъ угодниковъ Божіихъ, и за совращеніе изъ православія; уличенные въ одномъ изъ этихъ преступныхъ дѣяніяхъ сожигаются за-живо. Нормальная, неквалифицированная, смертная казнь, безъ указанія рода ея, грозитъ за святотатственную кражу („храмовая татьба" эпохи Судебниковъ), убійство въ церкви и нарушеніе благочинія во время литургіи, послѣдствіемъ котораго явилась невозможность совершенія послѣдней. (Улож. I, 1, 2, 4; XXII, 24).

II. Преступленія *государственныя.* Сюда относятся: злоумышленіе противъ особы государя, а равно составленіе заговора или скопа противъ него; убійство или нанесеніе раны въ присутствіи государя или на государевомъ дворѣ; бунтъ противъ существующаго правительства и государственная измѣна. Родъ казни въ преступленіяхъ этой категоріи не опредѣляется (II, 1—3, 6; III, 3).

III. Преступленія *противъ установленныхъ властей.* Здѣсь фигурируютъ: открытое возстаніе противъ властей; причиненіе смерти приставу, явившемуся изъ Москвы для вызова къ суду; нанесеніе на судѣ смертельной раны судьѣ; подложное составленіе или порча акта, исходящаго подъ авторитетомъ государственной власти („подписка" эпохи Судебниковъ), и недозволенный выѣздъ за-границу съ цѣлью измѣны (II, 21—22; X, 106, 139—142; IV, 1—3; VI, 4)

IV. Преступленія *противъ имущества и доходовъ казны и противъ государственныхъ регалій.* Сюда относятся: приготовленіе фальшивой монеты и порча настоящей, за что назначается залитіе горла расплавленнымъ металломъ, и корчемная продажа табака, угрожаемая простою смертною казнью (V, 1, 11).

V. Преступленія *противъ общественнаго благоустройства и благочинія.* Здѣсь предусматривается произведеніе въ средѣ населенія смутъ и злоумышленій на „затѣйныя дѣла" (XXII, 13).

VI. Преступленія *противъ жизни и чести* частныхъ

лицъ. Здѣсь на первомъ мѣстѣ стоятъ квалифицированные виды убійства, облагаемые смертною казнью „безъ пощады“: убійство родителей дѣтьми, убійство матерью незаконнорожденнаго ребенка ([1]) и мужеубійство, за которое виновной грозитъ окопаніе за-живо въ землю ([2]). Смертная казнь опредѣляется и за оскорбленіе чести женщенъ, сопряженное съ насильственнымъ дѣйствіемъ (XXII, 1—2, 26, 14; VII, 30; XXII, 16).

VII. Преступленія *противъ собственности*. Здѣсь смертная казнь опредѣляется: за поджогъ, угрожаемый сожженіемъ преступника, вторичный разбой и третью простую, неквалифицированную, татьбу; въ послѣднихъ двухъ случаяхъ предполагается обыкновенная казнь (II, 4; X, 228, XXI, 17, 12).

Законодательная дѣятельность Московскаго государства не ослабѣваетъ послѣ изданія Соборнаго Уложенія царя Алексѣя Михаиловича. Она принимаетъ, напротивъ, особенно оживленный характеръ,—и это вполнѣ естественно, такъ какъ наступаетъ передъ-реформаціонная эпоха, когда болѣе ясно сознается необходимость внести въ жизнь новыя начала, измѣнить или развить многое существующее, когда, словомъ, уже подготовляется почва для будущихъ преобразованій Петра I. Вся совокупность отдѣльныхъ законодательныхъ актовъ, состоявшихся съ момента обнародованія Уложенія и до единодержавія Петра I (1649—1696 гг.), извѣстна въ исторіи русскаго права подъ названіемъ *Новоуказныхъ статей*.

Новоуказныя статьи заключаютъ въ себѣ весьма большое количество постановленій, относящихся къ области интересующаго насъ вопроса. Здѣсь мы найдемъ цѣлый рядъ узаконе-

---

([1]) Интересно, что здѣсь суровость кары мотивируется, исключительно, цѣлью нравственности и устрашенія: «что бы, на то смотря, иныя такова беззаконнаго и скверннаго дѣла не дѣлали и отъ блуда унялися» (Улож. XXII, 26). Убійство родителями законныхъ дѣтей наказуется лишь годичнымъ тюремнымъ заключеніемъ и церковнымъ покаяніемъ, т. е. легче кражи, совершенной въ первый разъ (Улож. XXII, 3; XXI, 9).

([2]) Назначая квалифицированную смертную казнь за мужеубійство, Уложеніе обсуживаетъ убійство мужемъ жены наровнѣ съ обыкновеннымъ убійствомъ.

ній, дополняющихъ, видоизмѣняющихъ и развивающихъ опредѣленія, относительно смертной казни, Уложенія 1649 года. Нельзя сказать, что бы эти узаконенія отличались особенною послѣдовательностью: мы встрѣчаемъ въ нихъ множество противорѣчій, какъ по отношенію къ Уложенію, такъ и между собою; мы находимъ здѣсь то введеніе новыхъ санкцій смертной казни, то отмѣну уже существующихъ, которыя вскорѣ вновь возстановляются и затѣмъ снова отмѣняются и т. д. Эта неопредѣленность послужила причиною различія во взглядахъ на отношеніе новоуказныхъ статей къ смертной казни, высказывавшихся въ литературѣ. Покойный И. Д. Бѣляевъ утверждалъ, напримѣръ, что общій характеръ уголовнаго права новоуказныхъ статей выражается „въ смягченіи прежней строгости и даже жестокости, допущенной Уложеніемъ" (¹). Нельзя не замѣтить, что такой взглядъ, дѣйствительно, имѣетъ въ свою пользу довольно вѣскіе доводы; въ первое десятилѣтіе по изданіи Уложенія законодательство какъ бы само устрашилось суровости, высказавшейся въ этомъ кодексѣ, и спѣшитъ дать его уголовному праву коррективъ въ смыслѣ смягченія его опредѣленій относительно смертной казни. По крайней мѣрѣ, въ 1653—1655 годахъ предпринимается серьезная попытка къ ограниченію смертной казни по отношенію къ нѣкоторымъ видамъ преступленій. 20-го октября 1653 г. состоялся имянной царскій указъ, которымъ повелѣвается освободить отъ смертной казни всѣхъ разбойниковъ и татей, приговоренныхъ къ ней по узаконеніямъ, издававшимся со временъ царя Ивана Васильевича (т. е. по Судебнику 1550 г. и дополнительнымъ къ нему указамъ) и по Уложенію 1649 года; всѣмъ ожидающимъ экзекуцій тюремнымъ сидѣльцамъ велѣно „живота дать", замѣнивъ смертную казнь наказаніемъ кнутомъ, отсѣченіемъ пальца у лѣвой руки и ссылкою въ Сибирь или въ понизовые и украйные города. Смертная казнь оставляется въ данномъ случаѣ въ силѣ только для рецидивистовъ. Указомъ отъ

(¹) «Лекціи по ист. рус. законодательства», стр. 687 (изд. 1879 г.).

16 августа 1655 года предписывается „давать животъ“, т. е. освобожденіе отъ смертной казни, тѣмъ разбойникамъ, татямъ и воровскимъ людямъ, которые добровольно покаятся и отдадутся въ руки приказнымъ людямъ; такимъ образомъ, московское законодательство какъ бы само сознается въ безсиліи устрашительныхъ каръ въ дѣлѣ его борьбы съ „лихими людьми“ и дѣлаетъ попытку войти съ ними въ компромиссъ, предлагая имъ „дарованіе живота“ за покаяніе и добровольную покорность государству. Смягчаются и отдѣльные виды санкцій смертной казни. Указомъ отъ 25 мая 1654 года предписывается смягченіе казни для поджигателей, замѣнивъ мучительное сожженіе живьемъ—простымъ повѣшеніемъ. Состоялась въ эти годы, повидимому, и отмѣна страшнаго окапанія въ землю женъ за убійство мужей своихъ. Мы заключаемъ это изъ того, что указомъ отъ 11 мая 1663 года подтверждается эта жестокая казнь; слѣдовательно, мы вправѣ думать, что она была передъ тѣмъ отмѣнена въ одной изъ недошедшихъ до насъ новоуказныхъ статей. Но не долго продержалось такое направленіе московскаго уголовнаго законодательства: оно вскорѣ снова возвращается къ прежней суровости своей. Возстановляется, какъ мы только что видѣли, окапываніе женъ въ землю, опять отмѣненное въ 1689 г. (19 февраля), съ замѣною его отсѣченіемъ головы, но затѣмъ вскорѣ снова появляющееся въ ряду уголовныхъ каръ. Не долго прдсуществовала и предписанная указомъ 20 октября 1653 года отмѣна смертной казни для разбойниковъ и татей. Уже въ 1659 году (указъ отъ 8 августа), по ходатайству вотчинниковъ и помѣщиковъ, предписано было, въ уваженіе ихъ „службъ, крови и ранъ“, возстановить повѣшеніе для разбойниковъ, захватываемыхъ въ понизовыхъ городахъ 11 мая 1663 года повелѣвается разбойникамъ и ворамъ, „которые доведутся смертной казни“, вмѣсто того отсѣкать обѣ ноги и лѣвыя руки, прибивая отрубленные члены къ придорожнымъ деревьямъ; очевидно, что эта чисто-устрашительная кара въ сущности возстановляетъ смертную казнь, но еще болѣе мучительную въ

сравненіи съ простымъ повѣшеніемъ. Болѣе мягкимъ можетъ быть съ этой точки зрѣнія признанъ законъ 24 января 1666 года, которымъ предписывается вновь казнить смертью воровъ, разбойниковъ и убійцъ; преступникомъ первыхъ двухъ категорій опредѣляется повѣшеніе, преступникомъ послѣдней категоріи — отсѣченіе головъ. Нельзя назвать особеннымъ смягченіемъ наказанія и новую кару, назначенную указомъ 8 марта 1672 года фальшивымъ монетчикамъ: залитіе горла расплавленнымъ металломъ замѣняется для нихъ отсѣченіемъ обѣихъ ногъ и лѣвыхъ рукъ. Этотъ родъ членовредительнаго наказанія, вводимый во второй половинѣ XVII вѣка въ качествѣ замѣны смертной казни и который былъ, въ сущности, жестокимъ, хотя и маскированнымъ, видомъ послѣдней, отмѣняется указомъ 10 сентября 1679 года: этимъ закономъ отсѣченіе ногъ и лѣвыхъ рукъ замѣнено пожизненною ссылкою преступника, вмѣстѣ съ женою и дѣтьми, въ Сибирь—„на пашню". Въ 1683 году уничтожается смертная казнь за произнесеніе возмутительныхъ рѣчей въ народѣ, клонящихся въ соблазну или смутѣ: здѣсь смертная казнь замѣнена ссылкою, съ предшествующимъ ей наказаніемъ кнутомъ [1]).

Если мы и наблюдаемъ въ новоуказныхъ статьяхъ робкіе и нерѣшительные шаги на поприщѣ смягченія ужасовъ современной устрашительной системы, съ смертною казнью во главѣ, то за то отдѣльные указы второй половины XVII вѣка, какъ это вѣрно подмѣчено проф. Сергѣевскимъ, весьма значительно распространяютъ угрозу смертной казни, даже сравнительно съ Уложеніемъ. Указная дѣятельность идетъ въ этомъ отношеніи впереди нормальной законодательной дѣятельности Думы Боярской. Угроза смертною казнью щедро расточается въ этихъ указахъ за массу преступныхъ дѣяній противъ интересовъ и доходовъ казны, общественной безопасности и даже за проступки чисто полицейскіе и дисциплинарные; здѣсь уже за-

---

[1]) **Полное Собраніе Законовъ: №№ 105, 126, 163, 255, 334, 335, 383, 441 (п. 100), 510, 772, 846, 1002, 1335.**

рождается дисциплинарное воззрѣніе на преступленія и проступки, въ силу котораго основнымъ моментомъ ихъ является неповиновеніе государственной власти, ослушаніе царскаго указа. Предписываетъ, напримѣръ, царскій указъ приказнымъ людямъ воздерживаться отъ неправосудія и мздоимства—и тутъ же грозитъ, что ослушникамъ этого указа „быть въ смертной казни". Смертною казнью угрожается таможеннымъ и кабацкимъ головамъ за нерадѣніе въ ввѣренныхъ имъ сборахъ, соляным прикащикомъ за невѣрное показаніе количества соли; воеводамъ за непринятіе мѣръ противъ хлѣбной спекуляціи; страхомъ смертной казни стараются царскіе указы воздержать частныхъ лицъ отъ запрещенной торговли ревенемъ и недозволеннаго вывоза заграницу хмѣля, отъ порчи засѣчныхъ лѣсовъ, отъ незаконнаго способа ловли сельдей; смертная казнь грозитъ лекарю за ошибку въ отпускѣ лекарства, служилому человѣку за вчинаніе мѣстническаго спора; даже простое „небреженіе", неосторожность въ обращеніи съ огнемъ угрожается „лишеніемъ живота" [1].....

Мы видимъ, такимъ образомъ, что угроза смертною казнью—становится во второй половинѣ XVII вѣка излюбленнымъ средствомъ побужденія гражданъ къ послушанію, къ повиновенію царскимъ указамъ. Слова: „и быть имъ въ смертной казни", „и таковыхъ казнить смертью"—становятся въ эту эпоху ходячею запретительною формулою. Само собою разумѣется, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ эта шаблонная угроза не приводилась въ исполненіе,—но самая возможность безпрестаннаго фигурированія ея въ указахъ наглядно свидѣтельствуетъ намъ о томъ, на сколько, по мѣрѣ приближенія къ эпохѣ Петровскихъ реформъ, все больше и больше прививается у насъ и въ области законодательства, и въ области исполнительной дѣятельности, воззрѣніе на *устрашеніе*, какъ на лучшее средство заставить гражданъ подчиняться закону и повиноваться царскимъ указамъ.

---

[1]) Н. Д. Сергѣевскій: «Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII вѣка», стр. 83—89.

Мы замѣтили выше, что Уложеніе царя Алексѣя Михайловича далеко не исчерпываетъ всѣхъ видовъ смертной казни, которые фактически имѣли примѣненіе у насъ въ половинѣ и во второй половинѣ XVII вѣка. Постараемся же возстановить тѣ виды ея, которые практиковались въ ту пору въ уголовной практикѣ Московскаго государства и мрачная картина которыхъ возстановляется какъ изъ памятниковъ законодательства этой эпохи, такъ и изъ другихъ современныхъ имъ источниковъ:

I. *Отсѣченіе головы.* Это былъ нормальный видъ казни, который мы должны предполагать во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда въ памятникахъ родъ казни не опредѣляется и при назначеніи казни не прибавлены слова „безо всякія пощады".

II. *Повѣшеніе.* Это очень древній видъ смертной казни, цѣликомъ перенесенный къ намъ изъ Византіи. Первая, появившаяся въ русскомъ свѣтскомъ законодательствѣ, санкція смертной казни, именно въ Двинской уставной грамотѣ 1398 г., назначаетъ повѣшеніе за третью кражу; Губной наказъ селамъ Кириллова монастыря, данный въ 1549 г., опредѣляетъ туже казнь для воровъ и разбойниковъ, предписывая вѣшать преступниковъ на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ они будутъ захвачены. Уложеніе 1649 г. назначаетъ повѣшеніе за измѣну ратныхъ людей. Новоуказныя статьи опредѣляютъ его за разбой и татьбу. Со второй половины XVII вѣка упоминается квалифицированный видъ ея: повѣшеніе на желѣзномъ крюкѣ за ребро, которое являлось одною изъ самыхъ жестокихъ казней; въ „Инструкціи для искорененія разбойниковъ", изданной въ 1719 г., повѣшеніе за ребро опредѣляется въ качествѣ общаго показанія для „вящихъ воровъ и разбойниковъ".

III. *Утопленіе.* Этотъ видъ казни примѣнялся, главнымъ образомъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда экзекуція производилась массами. Такъ, въ 1607 г. было утоплено, по повелѣнію царя Василія Шуйскаго, до 4 тысячъ мятежниковъ: „плѣнныхъ мятежниковъ,—свидѣтельствуетъ Масса,—каждую ночь выводили

сотнями, ставили ихъ въ рядъ и убивали какъ быковъ, ударяя дубиною по головѣ, а тѣла спускали подъ ледъ, въ Яузу". Равнымъ образомъ и при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ казнь эта была примѣнена къ лицамъ, обвиненнымъ за участіе въ бунтѣ 1662 года: „Пущимъ (т. е. главнымъ) ворамъ въ ночи учиненъ указъ,—пишетъ Котошихинъ:—завязавъ руки назадъ, посадя въ большія суды, потопили въ Москвѣ рѣкѣ". Мы знаемъ, наконецъ, что въ эпоху дополнительныхъ къ Судебнику указовъ, утопленіе,—вмѣстѣ съ собакою, пѣтухомъ, ужомъ и котомъ,—назначается за отцеубійство и матереубійство; быть можетъ, это именно та „смертная казнь безо всякія пощады", которая назначается за то же преступное дѣяніе въ Уложеніи 1649 года.

III. *Четвертованіе.* Казнь эта заключалась въ томъ, что преступнику отрубали всѣ четыре конечности, а въ заключеніе голову: „Живого четвертуютъ, а потомъ голову отсѣкутъ",—говоритъ Котошихинъ, описывая этотъ видъ казни. Четвертованіе преимущественно назначалось за государственныя преступленія, въ особенности же за самозванство. Указаніе на примѣненіе этой казни дошло до насъ еще отъ XV-го вѣка: въ 1497 году были четвертованы въ Москвѣ, по повелѣнію в. к. Іоанна III, сторонники сына его Василія. Четвертованіемъ былъ казненъ въ первой половинѣ XVII вѣка самозванецъ Анкудиновъ (лже-Шуйскій); этой же казни былъ подвергнутъ Стенька Разинъ—„въ Москвѣ живой разсѣченъ". Четвертованіе считалось одною изъ самыхъ позорныхъ казней; извѣстный А. А. Матвѣевъ, разсказывая о совершеніи ея надъ полковникомъ Яновымъ, говоритъ, что его „выведши на Красную площадь, четвертовали воровскою казнью ругательски".

IV. *Залитіе горла расплавленнымъ металломъ.* Указанія на примѣненіе этой казни, совершавшейся исключительно надъ фальшивыми монетчиками, дошли до насъ еще отъ XVI вѣка, а въ окружной грамотѣ 1637 года прямо говорится: „въ прежнихъ лѣтѣхъ, при прежнихъ великихъ государѣхъ, такимъ ворамъ заливали тѣми ихъ воровскими деньгами горло". Мы

уже знаемъ, что въ 1672 году эта казнь была замѣнена отсѣченіемъ у преступниковъ обѣихъ ногъ и лѣвыхъ рукъ.

V. *Окопаніе заживо въ землю.* Эта ужасная казнь назначалась за преступленіе специфическаго характера—мужеубійство. Внѣшняя форма совершенія этой казни Уложеніемъ 1649 г. не опредѣляется, но она извѣстна намъ изъ свидѣтельствъ Котошихина, Корнилія Бруина и другихъ современниковъ. Осужденная за мужеубійство зарывалась живою въ землю, по плечи, съ завязанными за спиною руками. Въ подобномъ положеніи несчастную оставляли до тѣхъ поръ, пока она не умирала отъ голода и жажды, причемъ приставлялась къ ней стража, которая обязана была наблюдать, что бы никто не давалъ осужденной пищи или питья; прохожимъ дозволялось только бросать деньги, которыя и употреблялись на покупку ей гроба и свѣчей. Пока окопанная оставалась жива, къ ней приходилъ духовникъ, который преподавалъ ей напутствіе и молился за нее при зажженныхъ восковыхъ свѣчахъ. По словамъ Котошихина, смерть при казни черезъ окопаніе наступала на второй или третій день, но имѣются достовѣрные случаи, въ которыхъ страданія осужденной прекращались лишь на 7-й, 8-й и даже 12-й день, а во одномъ случаѣ окопанная умерла лишь на 31-й день казни. Въ теченіи второй половины XVII вѣка смертная казнь черезъ окопаніе то отмѣнялась, съ замѣною ея другими видами смертной казни, то вновь возстановлялась. Во всякомъ случаѣ, окопаніе въ землю пережило эпоху новоуказныхъ статей: имѣются случаи примѣненія этой казни въ 1702, 1730 и даже въ 1740 годахъ.

VI. *Посаженіе на колъ.* Эта казнь, подобно четвертованію, примѣнялась, главнымъ образомъ, къ бунтовщикамъ и „воровскимъ измѣнникамъ“; имѣется случай совершенія ея надъ атаманомъ воровскихъ казаковъ еще въ 1598 году. Въ 1606 году казнь эта совершена подъ мятежникомъ Аничкинымъ, а въ 1614 году надъ Заруцкимъ, извѣстнымъ сообщникомъ Марины Мнишекъ. Казнь эта была въ высшей степени мучительна: отъ собственной тяжести тѣла казнимаго, колъ

медленно проникалъ во внутренности его и выходилъ наружу въ грудь или между лопатками. Иногда, съ цѣлью усугубить мученія, на колу дѣлалась, невдалекѣ отъ его остраго конца, особая перекладина, которая задерживала спусканіе по колу тѣла и тѣмъ самымъ на день или даже на два дня замедляла смерть, оставляя казненнаго въ адскихъ страданіяхъ; иногда во время сидѣнія преступника на колу производился ему послѣдній допросъ, а священникъ давалъ напутствіе.

VII. *Колесованіе.* Казнь эта заключалась въ томъ, что осужденнаго распластывали на землѣ, лицемъ кверху, и затѣмъ раздробляли члены его колесомъ, съ боку котораго придѣлывался желѣзный стержень. Послѣ казни колесо устанавливалось въ горизонтальномъ положеніи, на шестѣ, и раздробленное, иногда еще съ признаками жизни, тѣло казненнаго клали на него, что считалось увеличивающимъ позорность этой казни. Разсказывая въ своихъ запискахъ про казни мятежныхъ стрѣльцовъ, Желябужскій говоритъ, что „у нихъ, за ихъ воровство, ломаны руки и ноги колесами; и тѣ колеса воткнуты были на Красной площади на колья, и тѣ стрѣльцы положены были на тѣ колеса и живы были немного не сутки, и на тѣхъ колесахъ стонали и охали“. Казнь эта, вошедшая у насъ въ употребленіе не ранѣе конца XVII вѣка, особенно часто примѣнялась въ царствованіе Петра I.

VIII. *Сожженіе за-живо.* Это—специфическій родъ смертной казни за преступленія противъ вѣры и за поджогъ. Преступниковъ сожигали или на обыкновенномъ кострѣ или въ деревянномъ срубѣ, иногда предварительно заключивъ въ желѣзную клѣтку. Сожженіе является видомъ смертной казни, уже довольно рано практиковавшимся у насъ въ преступленіяхъ противъ вѣры; случаи примѣненія его въ XIII—XV вѣкахъ были выше указаны нами (см. стр. 27—28). Рядъ свидѣтельствъ о примѣненіи этой казни имѣется, далѣе, отъ XVI, XVII и первой половины XVIII вѣковъ. Въ 1684-мъ году состоялся указъ, въ силу котораго предписывается хватать тѣхъ, кто не ходитъ въ церкви, не бываетъ у св. причащенія и не пу-

скаетъ къ себѣ въ домъ священниковъ—и подвергать такихъ людей пыткѣ; кто окажется при этомъ нераскаяннымъ грѣшникомъ—сожигается. Во второй половинѣ XVII-го вѣка сожженіе особенно часто примѣнялось въ видѣ наказанія за упорство въ „старой вѣрѣ"; по свидѣтельству извѣстнаго протопопа Аввакума, сожженіе раскольниковъ,—казнь, постигшая и самого Аввакума, — широко практиковалась въ его время: около 1677-го года въ одной Казани было сожжено до 30-ти человѣкъ ихъ. Иногда разсматриваемый нами видъ смертной казни квалифицировался сожженіемъ по медленномъ огнѣ, въ отдѣльныхъ случаяхъ граничившимъ съ буквальнымъ копченіемъ преступника. Въ 1701-мъ году такимъ именно образомъ казнены были, за распространеніе возмутительныхъ „тетрадей" о Петрѣ I, Гришка Талицкій и его сообщникъ Савинъ; въ синодскомъ указѣ по этому поводу открыто сказано, что Талицкій во время „казни, копченіемъ творимой, не стерпя того, покаялся". Обоихъ осужденныхъ, по свидѣтельству Штраленберга, въ теченіи 8-ми часовъ окуривали ѣдкимъ составомъ, отъ котораго у нихъ вылѣзли всѣ волосы на головѣ и бородѣ и все тѣло медленно таяло, какъ воскъ; въ концѣ концовъ ихъ истаявшія тѣла были сожжены вмѣстѣ съ эшафотомъ.

Такова мрачная и тяжелая картина смертныхъ казней конца XVII-го и начала XVIII-го вѣковъ,—эпохи, въ которую идея устрашенія достигла своего апогея въ карательной системѣ уголовнаго законодательства, а еще болѣе—въ уголовной практикѣ. Не довольствуясь ужасами этихъ разнообразныхъ видовъ смертной казни, практика еще усугубляла ихъ квалификаціею, стремясь придать имъ какъ можно болѣе устрашительный характеръ. Самую экзекуцію обставляли возможно большею гласностью и публичностью, устраивая торжественныя процессіи къ мѣсту казни, а трупы или части тѣла казненныхъ выставлялись на мѣстѣ казни, съ тѣмъ что бы видъ казненныхъ производилъ на прохожихъ устрашительное впечатлѣніе. Иногда казненные по-долгу оставлялись на висѣлицахъ, на колу, или на колесѣ; при четвертованіи отрубленные

члены выставлялись въ разныхъ концахъ города или прибивались къ деревьямъ, по дорогамъ, а голова казненнаго водружалась въ публичномъ мѣстѣ, воткнутою на колъ; имѣется примѣръ, въ которомъ двѣ женщины, казненныя окопаніемъ въ землю, были послѣ смерти еще повѣшены верхъ ногами на висѣлицѣ. Конецъ XVII вѣка даетъ намъ даже случай совершенія казни надъ трупомъ. Въ 1696 году, по приказанію Петра I, совершена была казнь надъ умершимъ за 13 лѣтъ передъ тѣмъ бояриномъ И. М. Милославскимъ; тѣло умершаго было извлечено изъ могилы и отвезено на телѣжкѣ, запряженной шестью свиньями, въ Преображенскій приказъ, гдѣ оно было облито кровью казненныхъ преступниковъ, а затѣмъ разсѣчено на части. Нерѣдко тѣла казненныхъ отдавались на съѣденіе собакамъ. Такъ, трупъ казненнаго Стеньки Разина былъ, по свидѣтельству современника, „псамъ на съѣденіе отданъ“; равнымъ образомъ и Никита Пустосвятъ былъ „главосѣченъ и въ блато вверженъ псомъ на снѣдь“. Иногда „заплечные мастера“, т. е. палачи, еще и отъ себя усугубляли отвратительный характеръ казней. Такъ, когда веревка, на которой при царѣ Василіѣ Шуйскомъ повѣсили самозванца лже-Петра, оказалась слишкомъ толстою и петля не могла затянуться, тогда палачь, взявъ дубину у стоявшаго по близости мужика, разможжилъ ею повѣшенному голову. Черезъ нѣсколько лѣтъ совершали такую же казнь надъ четырехлѣтнимъ „паньи Маринки проклятымъ сынкомъ“; ребенокъ былъ легокъ, мочальная петля не затянулась и несчастный, полуживымъ, оставленъ, въ мятель и стужу, мученически умирать на висѣлицѣ.... ([1]).

([1]) Источники приведеннаго нами очерка казней: *Сергѣевскій*: «Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII вѣка»; *его же*: «Смертная казнь въ Россіи въ XVII и первой половинѣ XVIII вѣка»; *Берхинъ*: «Сожженіе людей въ Россіи въ XIII—XVIII в.в.» (Русск. Стар. 1885, т. 45); *Филипповъ*: «О наказаніи по законодательству Петра В., въ связи съ реформою»; *Котошихинъ*: «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михаиловича».

Уложеніе 1649 года и Новоуказныя статьи знакомятъ насъ и съ нѣкоторыми обрядностями, которыми сопровождалось „вершеніе", т. е. экзекуція, исполненіе смертнаго приговора надъ осужденнымъ. Уложеніе предписываетъ сажать приговореннаго къ смерти преступника на шесть недѣль въ такъ называемую „покаянную избу", гдѣ онъ долженъ былъ принести покаяніе и приготовиться къ смерти; только по истеченіи этого покаяннаго срока могла быть совершена надъ нимъ экзекуція. По новоуказнымъ статьямъ 1669 года (¹), покаянный срокъ уменьшенъ до 10 дней, изъ которыхъ семь дней назначались для поста, два дня на исповѣдь и принятіе св. таинъ, а на десятый день наступало исполненіе приговора, если только этотъ десятый день не выпадалъ на воскресенье или на день царскаго поминанія: въ эти дни совершеніе смертныхъ казней не допускалось. Казнь беременныхъ женщинъ отлагалась до разрѣшенія ихъ отъ бремени. Экзекуцію (вершеніе) предписывается совершать, по возможности, на самомъ мѣстѣ совершенія преступленія, но, во всякомъ случаѣ, въ городѣ или селеніи, а не въ пустомъ, нежиломъ, мѣстѣ. Это требованіе вполнѣ сотвѣтствуетъ устрашенію, какъ главной цѣли, которую преслѣдуетъ собою наказаніе конца XVII вѣка.

— —

Въ такомъ положеніи переданъ былъ Московскимъ государствомъ вопросъ о смертной казни XVIII-му вѣку, первая четверть котораго ознаменовалась Петровскими реформами.

Переходя къ эпохѣ Петра I, скажемъ предварительно нѣсколько словъ объ общемъ характерѣ уголовныхъ законовъ его. Основная цѣль, преслѣдуемая уголовными законами Петра I—это стремленіе заставить подданныхъ безусловно повиноваться царской волѣ, царскому приказанію, иначе говоря—цѣль дисциплинарная, цѣль, которая до извѣстной степени,

(¹) Полное Собраніе Законовъ, № 441 (ст. 86).

какъ мы это видѣли, даетъ себя замѣтить уже въ указахъ второй половины XVII вѣка. На первомъ мѣстѣ стоитъ здѣсь не субъективная сторона преступнаго дѣянія, т. е. не интенсивность злой воли, высказавшейся въ правонарушеніи, и не объективная сторона его, въ смыслѣ количества зла, причиненнаго преступнымъ дѣяніемъ,—но на первомъ планѣ стоитъ въ петровскомъ уголовномъ законѣ *ослушаніе* указа, царскаго повелѣнія, которое и наказуется. Отсюда неумолимая строгость петровскаго уголовнаго законодательства. Уголовные законы Петра I облечены суровою, желѣзною силою, вполнѣ соотвѣтствующею и желѣзной волѣ Преобразователя Россіи.

Въ только что указанномъ характерѣ уголовнаго законодательства Петра I должны мы искать объясненія тому, невольно бросающемуся въ глаза, явленію, что уголовные законы его нерѣдко караютъ, въ качествѣ преступленій, проступки чисто дисциплинарнаго характера. Каторга и конфискація всего имущества грозятъ, напримѣръ, мастеру, выдѣлывающему обувь изъ плохой кожи; смертною казнью „безъ всякой пощады" угрожается за утайку душъ при народной переписи; „лишеніе живота" грозитъ дворянину за неявку его въ Петербургъ или Москву на смотръ; смертною казнью угрожается за срубку дуба въ заповѣдномъ лѣсу, за медленность въ слѣдованіи почтъ, за нерадѣніе въ отправленіи дѣлъ должностнымъ лицемъ и т. д. (1). „Быть оному лишенному живота, яко ослушнику царскаго указа" — вотъ довольно обыкновенная формула карательной санкціи петровскаго уголовнаго закона.

Въ связи съ только что указаннымъ воззрѣніемъ петровскаго законодательства на преступленіе и наказаніе, стоитъ и чрезвычайная жестокость его. Чѣмъ суровѣе наказаніе — тѣмъ считается оно скорѣе и вѣрнѣе достигающимъ цѣли; часто наказаніе значительно превышаетъ собою то зло, кото-

(1) А. Филипповъ: «О наказаніи по законодательству Петра Великаго, въ связи съ реформою» (М. 1891), стр. 283—301.

рое причинено преступнымъ дѣяніемъ. Отсюда уже a priori можетъ быть выведено заключеніе, что отъ уголовнаго законодательства Петра I мы не только не вправѣ ожидать смягченія той суровой, той устрашительной системы наказаній, которая была оставлена ему въ наслѣдіе отъ эпохи Уложенія и Новоуказныхъ статей, но что мы должны ожидать отъ петровской эпохи еще бо́льшаго развитія идеи устрашенія. Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ: передаппая по инерціи первой четверти XVIII-го столѣтія, идея устрашенія встрѣтила здѣсь почву, на которой и развивается до крайнихъ предѣловъ, далеко оставившихъ за собою уголовную практику второй половины XVII-го вѣка.

Устрашительный характеръ петровскаго уголовнаго законодательства коренится, такимъ образомъ, въ самыхъ задачахъ указной дѣятельности его: не въ меньшей степени коренится онъ и въ главномъ источникѣ этого законодательства, въ такъ называемомъ „Воинскомъ Уставѣ“ и „Воинскихъ Артикулахъ“ Петра I.

Извѣстно, что Петра I настойчиво занимала мысль объ изданіи новаго уложенія, которое должно было бы замѣнить собою Уложеніе царя Алексѣя Михаиловича, уже подавленное массою новыхъ узаконеній, появившихся послѣ его обнародованія, и во многихъ отношеніяхъ не удовлетворявшее тѣмъ требованіямъ, которыя предъявлялъ къ жизни царь-преобразователь. Извѣстно также, что цѣль эта Петромъ I достигнута не была, какъ не была она достигнута и его преемниками, не смотря на длинный рядъ попытокъ въ этомъ направленіи, предпринимавшихся вплоть до изданія Свода Законовъ Россійской Имперіи въ царствованіе императора Николая Павловича. Тѣмъ не менѣе, при Петрѣ I появились своды уголовныхъ узаконеній, заимствованные изъ западно-европейскихъ законодательствъ; это — Воинскій Уставъ, съ Воинскими Артикулами и Краткимъ изображеніемъ процесса (1716 г.), и Морской Уставъ (1720 г.). Какъ показываютъ уже самыя наименованія этихъ сводовъ — они предназна-

чались для судовъ спеціальныхъ, военныхъ и морскаго, но, за отсутствіемъ обще-уголовнаго кодекса, повелѣно было и гражданскимъ судамъ руководствоваться содержащимися здѣсь нормами, и, такимъ образомъ, эти уставы, въ особенности первый изъ нихъ, т. е. Воинскій Уставъ съ Воинскими Артикулами, становится источникомъ обще-русскаго уголовнаго права и ложится въ основу дальнѣйшаго развитія уголовной практики.

Здѣсь не мѣсто затрогивать вопросъ о происхожденіи и источникахъ Воинскаго Устава и Воинскихъ Артикуловъ; эта задача прекрасно выполнена въ рядѣ спеціальныхъ монографій по этому предмету П. О. Бобровскаго. Замѣтимъ лишь, что суровый и устрашительный характеръ русскаго уголовнаго права XVIII-го столѣтія въ значительной степени обусловливается самыми источниками, изъ которыхъ почерпнули свое содержаніе эти памятники петровскаго уголовнаго законодательства. Воинскій Уставъ и Воинскіе Артикулы предназначались для военныхъ судовъ, а въ сферѣ военнаго режима устрашеніе почиталось, въ то время, лучшимъ средствомъ водворенія въ войскахъ дисциплины. Такимъ образомъ, въ этихъ памятникахъ проникаетъ къ намъ третье иноземное вліяніе на русское уголовное право; это — вліяніе западно-европейскихъ, въ ту пору крайне суровыхъ, военныхъ законовъ; первыми двумя вліяніями явились, какъ мы это уже знаемъ, Кормчая книга (византизмъ) и Литовскій Статутъ. Для иллюстраціи суроваго характера петровскаго законодательства, навѣяннаго западно-европейскимъ военнымъ правомъ, укажемъ хотя бы на узаконенія о поединкахъ, въ силу которыхъ даже тѣла лицъ, убитыхъ на дуэли, наказываются повѣшеніемъ ихъ за ноги, или на цѣлый циклъ уголовныхъ санкцій, построенныхъ на почвѣ суевѣрія и инквизиціоннаго режима той эпохи; Воинскіе Артикулы предусматриваютъ, напримѣръ, возможность непосредственныхъ сношеній съ сатаною, наказуемыхъ сожженіемъ, если виновный не дастъ торжественнаго обѣта прервать союзъ съ адомъ, — категорическая форма преступле-

ній противъ вѣры, неизвѣстная даже Уложенію царя Алексѣя Михаиловича. Насколько сильно было сознаніе необходимости устрашительныхъ наказаній въ началѣ XVIII-го вѣка, можно видѣть изъ двухъ воинскихъ уставовъ, составленныхъ у насъ еще до появленія Воинскаго Устава 1716-го года. Это—„Уложеніе или право воинскаго поведенія генераловъ, среднихъ и меньшихъ чиновъ и рядовыхъ солдатъ" (1701—1705 г.г.), составленное для арміи фельдмаршала Шереметева, и „Артикулъ краткій о богобоязни и о наказаніи различныхъ злодѣевъ" (1706 г.), составленный для арміи князя Меньшикова. Оба эти памятника, представляющіе собою компиляцію и переработку изъ западно-европейскихъ юридическихъ сборниковъ, отличаются необычайно суровымъ характеромъ. Достаточно будетъ сказать, что „Уложеніе" Шереметева изъ 81-го преступленія, въ немъ предусмотрѣннаго, караетъ смертью 52; „Артикулъ" кн. Меньшикова назначаетъ 41 разъ смертную казнь изъ 65-ти карательныхъ санкцій, въ немъ фигурирующихъ ([1]).

Послѣ всего сказаннаго мы не должны удивляться тому, что въ уголовномъ законодательствѣ Петра I смертная казнь продолжаетъ сохранять преобладающее значеніе и что область примѣненія ея еще болѣе расширяется здѣсь, сравнительно со второю половиною XVII вѣка. Такъ, по Воинскому Уставу 1716-го года, смертная казнь назначается въ 122-хъ случаяхъ, т е. вдвое чаще Уложенія 1649 года, назначающей ее приблизительно въ 60-ти случаяхъ. Справедливо замѣчаетъ поэтому г. Филипповъ, что если мы примемъ во вниманіе это количество санкцій смертной казни, приходящееся на 200 артикуловъ Воинскаго Устава— въ такомъ случаѣ этотъ законодательный памятникъ предстанетъ передъ нами во всей своей кровавой жестокости, далеко оставляющей за собою суровое Уложеніе царя Алексѣя Михаиловича ([2]). Въ эпоху Петра I

([1]) А. Филипповъ: «О наказаніи по законодат. Петра В. и пр.», стр. 381 и слѣд.

([2]) Ibid., стр. 409, 445.

продолжаютъ свое примѣненіе всѣ тѣ виды смертной казни, которые уже извѣстны намъ изъ уголовной практики эпохи новоуказныхъ статей, но Воинскій Уставъ 1716-го года присоединяетъ къ нимъ еще новый видъ — разстрѣляніе или „аркебузированіе", назначаемое въ преступленіяхъ воинскихъ, и санкціонируетъ два другіе вида смертной казни—колесованіе и четвертованіе, примѣнявшіеся на практикѣ еще раньше, но теперь впервые получающіе законодательное признаніе.

Обращаясь къ болѣе детальному разсмотрѣнію уголовнаго законодательства Петра I, мы найдемъ, что оно санкціонируетъ смертную казнь въ слѣдующихъ разрядахъ преступныхъ дѣйствій:

I. Въ преступленіяхъ *противъ вѣры*. Извѣстно, что широкій кругъ преступленій этого рода впервые выдвигается въ свѣтскомъ законодательствѣ Уложеніемъ царя Алексѣя Михаиловича. Къ преступнымъ дѣяніямъ, предусмотрѣннымъ этимъ законодательнымъ памятникомъ, Воинскій Уставъ присоединяетъ еще вѣру въ возможность союза съ діаволомъ; онъ вѣритъ, напримѣръ, въ возможность заговорить ружье, въ возможность непосредственныхъ сношеній съ адомъ, съ цѣлью причиненія вреда другимъ людямъ, грозя за эти преступныя дѣянія сожженіемъ. Богохуленіе влечетъ за собою смертную казнь, съ предварительнымъ прожженіемъ языка раскаленнымъ желѣзомъ. Къ преступнымъ дѣяніямъ этой категоріи можетъ быть отнесена и лжеприсяга. При значительности послѣдствій отъ него, это преступленіе карается смертью; при незначительности послѣдствій оно наказывается отсѣченіемъ двухъ пальцевъ и каторгою.

II. Въ преступленіяхъ *политическихъ*. Уложеніе 1649-го года уже знакомо съ обширною системою преступныхъ дѣяній этого рода, причемъ въ этомъ кодексѣ впервые возникаетъ понятіе преступленій противъ Величества, караемыхъ смертною казнью. Воинскій Уставъ 1716-го года идетъ въ этомъ отношеніи еще дальше Уложенія: „Кто противъ Его Величества особы, — говоритъ 20-й артикулъ этого памятни-

ка,—хулительными словами погрѣшитъ, его дѣйствія и намѣренія презирать и непристойнымъ образомъ о томъ разсуждать будетъ, имѣетъ живота лишенъ быть и отсѣченіемъ главы казненъ". Нововведенія Петра I вызывали въ народѣ не мало толковъ, не всегда для нихъ благопріятныхъ,—и вотъ этотъ артикулъ открываетъ широкую возможность подведенія подъ понятіе оскорбленія Величества всякаго мнѣнія, несогласнаго съ предначертаніями Преобразователя; появляется масса злоупотребленій на этой почвѣ, въ особенности благодаря знаменитому „слову и дѣлу", дававшему возможность оговорить кого угодно въ государственномъ преступленіи. Лице, противъ котораго выкрикивалось „слово и дѣло", немедленно задерживалось и препровождалось, въ Петербургѣ— въ Тайную Канцелярію, въ Москвѣ—въ Преображенскій Приказъ, гдѣ арестованный, подъ вліяніемъ жестокихъ пытокъ, нерѣдко винился въ такихъ дѣяніяхъ, которымъ никогда даже и не былъ причастенъ. Скоро доносы развились до такой степени, что Петру I пришлось принять мѣры къ ихъ ограниченію: такъ, было узаконено, что доносы на личное имя государя, черезъ дежурнаго у дворца офицера, могутъ быть дѣлаемы только противъ такъ называемыхъ „первыхъ двухъ пунктовъ", т. е. въ случаѣ злоумышленій на государево здоровье, бунтъ и измѣну. Къ политическимъ преступленіямъ можетъ быть отнесено и предусматриваемое Воинскимъ Уставомъ непочтительное обращеніе съ царскимъ указомъ или повелѣніемъ—„кто явно прибитые указы или повелѣнія нарочно и нагло раздеретъ, отброситъ или вычеркнетъ"; виновный въ такомъ дѣяніи подлежитъ смертной казни, если будетъ доказана его злонамѣренность.

III. Въ преступленіяхъ *противъ государственнаго фиска*. Здѣсь мы поставимъ на первомъ мѣстѣ изготовленіе фальшивой монеты, влекущее за собою смертную казнь, въ болѣе важныхъ случаяхъ преступленій этого рода квалифицируемую въ сожженіе; мы имѣемъ указанія, что и при Петрѣ I фальсификаторы денегъ казнились, какъ и въ эпоху Уложенія

1649 г., залитіемъ горла расплавленнымъ металломъ, о чемъ свидѣтельствуетъ указъ 5 февраля 1723 г., предписывающій отсѣкать „для скорой смерти“ головы тѣмъ изъ подвергающихся этой казни преступникамъ, которые не сразу умрутъ послѣ экзекуціи надъ ними. Затѣмъ къ этой же группѣ преступныхъ дѣяній относится растрата или утайка казенныхъ денегъ, караемыя повѣшеніемъ; къ той же казни присуждаются и недоносители въ дѣлахъ этого рода.

IV. Въ преступленіяхъ *противъ жизни.* Уголовное законодательство Петра I, оставаясь на почвѣ Уложенія 1649 г., караетъ всякое умышленное убійство—смертною казнью, но за убійство неумышленное понижаетъ наказуемость даже до простаго денежнаго штрафа; смягчается также неумышленное убійство жены и дѣтей, совершенное при ихъ наказаніи. Мы имѣли случай видѣть, при обозрѣніи видовъ смертной казни въ періодъ новоуказныхъ статей, что въ эпоху Петра I-го практиковалось и окопаніе въ землю за мужеубійство; отдѣльные случаи этой жестокой казни простираются даже до 1740-го года. Къ рубрикѣ преступленій противъ жизни должны быть отнесены и впервые появляющіяся теперь въ русскомъ законодательствѣ опредѣленія Воинскаго Устава о поединкахъ, дуэляхъ, къ которымъ этотъ памятникъ относится въ высшей степени строго, что явилось отраженіемъ строгости къ дуэлямъ тѣхъ западно-европейскихъ источниковъ, изъ которыхъ Воинскій Уставъ черпалъ свое содержаніе: состоявшаяся дуэль, хотя бы въ результатѣ ея не было ни смертнаго исхода, ни нанесенія раны, влечетъ за собою позорную казнь черезъ повѣшеніе какъ для обоихъ противниковъ, такъ и для ихъ секундантовъ; даже убитый на дуэли не избѣгаетъ казни —его мертваго вѣшаютъ за ноги. Впервые появляется при Петрѣ I въ русскомъ свѣтскомъ законодательствѣ и опредѣленіе посмертныхъ наказаній за самоубійство. Воинскій Уставъ различаетъ самоубійство, совершенное въ здравомъ умѣ, отъ самоубійства, совершеннаго въ болѣзненномъ психическомъ состояніи; въ первомъ случаѣ трупъ самоубійцы волочится

палачемъ по улицамъ, послѣ чего его бросаютъ „въ безчестномъ мѣстѣ“, во второмъ случаѣ онъ лишается христіанскаго обряда погребенія. Воинскій Уставъ предусматриваетъ и покушеніе на самоубійство. Если солдатъ покусится на самоубійство „отъ мученія, досады или въ безпамятствѣ“ — онъ съ безчестіемъ изгоняется изъ полка; если онъ покусится на него безъ этихъ смягчающихъ вину обстоятельствъ, его ждетъ смертная казнь.

V. Въ преступленіяхъ *противъ чести*. Уголовные законы Петра I не налагаютъ непосредственной санкціи смертной казни за преступленія этого рода, но въ Воинскомъ Уставѣ содержится опредѣленіе, въ силу котораго лице, обвиняющее кого либо въ дѣяніи, несовмѣстномъ съ понятіемъ чести, подлежитъ тому самому наказанію, которому подлежалъ бы оговоренный въ томъ случаѣ, если бы обвиненіе оказалось справедливымъ. Очевидно, что и на этой почвѣ могли являться случаи, хотя, быть можетъ, и рѣдкіе, присужденія смертной казни.

VI. Въ преступленіяхъ *плотскихъ*. Воинскій Уставъ относится крайне строго къ преступленіямъ этого рода. Прелюбодѣяніе, блудъ, кровосмѣшеніе, многобрачіе, похищеніе и изнасилованіе женщинъ, мужеложество и скотоложество—всѣ эти преступныя дѣянія влекутъ за собою смертную казнь, въ менѣе тяжкихъ случаяхъ замѣняемую или каторгою, или тѣлеснымъ наказаніемъ. Впрочемъ, суровое наказаніе за обыкновенное прелюбодѣяніе смягчается, если уличенная въ немъ сторона докажетъ, что она „въ супружествѣ способу не можетъ получить тѣлесную охоту утолить“.

VII. Въ преступленіяхъ *противъ собственности*. Здѣсь главное мѣсто занимаетъ поджогъ, за который, какъ и въ Уложеніи 1649 г., назначается смертная казнь черезъ сожженіе, если будетъ доказана умышленность дѣянія. Далѣе слѣдуетъ разбой и грабежъ—„кто людей на пути и улицахъ вооруженною рукою нападетъ и оныхъ силою ограбитъ или побьетъ, поранитъ и умертвитъ, или ночью съ оружіемъ въ

домъ ворвется и проч."; за этого рода преступленія присуждается колесованіе, съ послѣдующимъ положеніемъ на колесо тѣла казненнаго. При опредѣленіи наказанія за простую кражу (татьбу) Воинскій Уставъ различаетъ: кражу крупную, на сумму свыше 20 рублей, и кражу мелкую, на меньшую сумму. Крупная кража, т. е. кража на сумму свыше 20 рублей, а равно кража хотя и мелкая, но совершенная въ четвертый разъ; затѣмъ всякая кража во время наводненія или пожара, кража изъ казеннаго цейхгауза, у своего господина, у товарища или на караулѣ, если цѣна покраденнаго даже и незначительна—угрожается смертною казнью черезъ повѣшеніе. Такимъ образомъ, установляется здѣсь цѣлый рядъ кражъ квалифицированныхъ. Мелкая и неквалифицированная кража карается: въ первый разъ—прогнаніемъ шесть разъ сквозь полковой строй шпицрутенами (кара, впервые вводимая Петромъ I), во второй разъ—тѣмъ же наказаніемъ, но въ двойной мѣрѣ, въ третій разъ—урѣзаніемъ носа и ушей и ссылкою въ каторгу; за четвертую кражу назначается, какъ сказано выше, смертная казнь. Воинскій Уставъ предусматриваетъ и другіе квалифицированные виды кражи: святотатственная кража изъ церкви („храмская татьба" XV—XVI вѣковъ) наказывается колесованіемъ, равно какъ и кража у казенныхъ поставщиковъ; кража человѣка, съ цѣлью перепродажи его („головная татьба" XV—XVI вѣковъ) влечетъ за собою смертную казнь черезъ усѣкновеніе головы. Въ качествѣ воровъ обсуждаются и одинаковую съ ними кару несутъ лица, утаившія находку и не объявившія о ней по начальству.

Такова была суровая устрашительная система казней, установленная законодательствомъ Петра I. Въ только что сдѣланномъ нами очеркѣ санкцій смертной казни мы далеко не исчерпали всѣхъ случаевъ ея, фигурирующихъ въ Воинскомъ Уставѣ и въ указной дѣятельности той эпохи. Если мы примемъ еще во вниманіе „прогнаніе шпицрутенами сквозь строй",—наказаніе весьма обыкновенное въ Воинскомъ Уставѣ

и нерѣдко имѣвшее смертельный исходъ,—въ такомъ случаѣ намъ приведется еще болѣе расширить кругъ смертныхъ казней, примѣнявшихся въ царствованіе Петра I.

Любопытно, что, на-ряду съ этою мрачною устрашительною системою, на-ряду съ этимъ кровавымъ господствомъ смертныхъ казней, въ царствованіе Петра I видимъ мы и попытку ограниченія ужасовъ уголовной практики той эпохи. 5 февраля 1705 года состоялся изъ Преображенскаго приказа имянной указъ, которымъ предписывается колодниковъ, находящихся въ вѣдомствѣ этого приказа и которые впредь попадутъ въ его вѣдомство—за татьбу, разбой и „во всякихъ воровствахъ, кромѣ смертнаго убійства и бунтовщиковъ“, смертью не казнить, но, наказавъ жестоко кнутомъ и запятнавъ, ссылать въ вѣчную каторгу ([1]). Попытки ограниченія въ первые годы XVIII столѣтія примѣненія смертной казни усматриваются и изъ нѣкоторыхъ другихъ указовъ 1703 и 1704 годовъ ([2]). Вообще, нельзя не принять предположенія г. Филиппова, что фактическое примѣненіе смертной казни было поставлено въ несравненно болѣе тѣсныя рамки сравнительно съ тѣмъ, почти безграничнымъ, просторомъ, который предоставляется этому виду кары Воинскимъ Уставомъ и указною дѣятельностью первой четверти XVIII вѣка; что „за исключеніемъ такихъ событій, какъ стрѣлецкій или булавинскій бунтъ, такихъ дѣяній, какъ государственныя преступленія, особенныя злоупотребленія по службѣ, разбойничество и убійство—смертная казнь, обычно, замѣнялась каторжною работою“ ([3]). Но, само собою разумѣется, что и въ предѣлахъ этихъ фактическихъ ограниченій, оставалось еще очень и очень много простора для кровавой практики „профосовъ“ (палачей) и мастеровъ заплечнаго дѣла.

([1]) Полное Собр. Зак., № 2026.
([2]) Филипповъ: «О наказаніи по законодат. Петра В.», стр. 303—305.
([3]) Ibid., стр. 301—307.

Въ такомъ мрачномъ положеніи стоялъ въ Россіи вопросъ о смертной казни къ концу второй четверти XVIII столѣтія, когда возникаетъ въ нашихъ правящихъ сферахъ начало реакціи противъ злоупотребленія этимъ ужаснымъ видомъ уголовной казни.

Но прежде, нежели перейдемъ къ разсмотрѣнію этого свѣтлаго луча въ исторіи русскаго уголовнаго законодательства, отмѣчающаго собою поворотъ этого послѣдняго отъ системы устрашительной къ системѣ исправленія—скажемъ нѣсколько словъ объ отношеніи къ казнямъ, въ пору господства устрашенія, какъ общества, такъ и самихъ осужденныхъ.

Публичныя казни были явленіемъ настолько обыкновеннымъ въ Московскомъ государствѣ и въ начальную пору Петербургскаго періода; общество того времени настолько пригляделось и привыкло къ почти ежедневнымъ зрѣлищамъ „вершеній" и „нещадныхъ" наказаній кнутомъ, батогами и шпицрутенами, что нервы его перестали воспринимать потрясающее впечатлѣніе этихъ „позорищъ", а слѣдовательно и видъ смертныхъ и тѣлесныхъ экзекуцій пересталъ достигать той главной цѣли, которая преслѣдовалась ими—то есть цѣли устрашенія. Казни сдѣлались явленіемъ совершенно обыденнымъ, представлялись, по выраженію проф. Сергѣевскаго— „необходимою частью ежедневной государственной администраціи". Не мало способствовала этому и простота нравовъ лобнаго мѣста, которою невольно поражались иностранцы. Казнить преступника, поглазѣть отъ бездѣлья на экзекуцію, быть даже самому казненнымъ—все это не представляло собою ничего выдающагося на сѣромъ фонѣ нормальнаго теченія будничной жизни. Казни никого не трогали, никого не поражали,—до такой степени было общество деморализовано устрашительною системою уголовныхъ каръ, уже неспособныхъ отвѣчать даже той основной задачѣ, во имя ложныхъ интересовъ которой были онѣ усвоены законодательствомъ и практикою! ([1]).

([1]) Сергѣевскій: «Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII в.», стр. 72—74.

Поражались иностранцы, посѣщавшие старинное отечество наше, и тою легкостью сердца, съ какою относились къ казнямъ сами осужденные. Они шли подъ топоръ, подъ колесо, въ петлю, въ срубъ или на костеръ съ тою же безмолвною покорностью, съ какою пошли бы на вражескій строй или на всякую иную службу государству. „Русскіе ни во что не ставятъ смерть и не боятся ея,—пишетъ англичанинъ Перри въ своихъ запискахъ о Россіи при Петрѣ I.—Когда имъ приходится идти на казнь, они дѣлаютъ это совершенно беззаботно"... „Стрѣльцы сотнями шли на казнь, не связанные и не скованные, — говоритъ другой современникъ, Гордонъ, разсказывая про знаменитыя стрѣлецкія казни, —шли спокойно, сами всходили на лѣстницу къ висѣлицамъ, прощались съ народомъ, сами спускали на себя саваны, надѣвали на шеи петли и—бросались съ подмостковъ". Третій современникъ, Коллинсъ, также утверждаетъ, что приговоренные къ повѣшенію всегда сами надѣваютъ на себя петли и сами сбрасываются внизъ. Корбъ разсказываетъ поразительный фактъ самообладанія осужденнаго на казнь. Присутствуя на массовой казни мятежныхъ стрѣльцовъ, царь Петръ сталъ слишкомъ близко къ одной изъ плахъ: „Отойди, государь, мнѣ здѣсь лечь надо!"—замѣтилъ царю осужденный, которому нужно было класть голову на эту именно плаху. Берхгольцъ былъ свидѣтелемъ того, какъ одинъ парень, подвергавшійся колесованію, вынулъ съ большимъ трудомъ изъ колеса раздробленную руку, утеръ себѣ ею носъ и спокойно снова вложилъ ее на прежнее мѣсто; затѣмъ, увидавъ, что колесо запачкано имъ кровью, онъ снова вытащилъ раздробленную руку и отеръ рукавомъ запачканное мѣсто (¹).

Таковы были результаты, къ которымъ привело безпощадное господство устрашительныхъ наказаній. Смертная казнь получила характеръ заурядной, никого уже неустрашающей кары, и борьба государства съ „лихими" и „воров-

---

(¹) Ibid. стр. 75—77.

скими“ людьми, съ „ослушниками“ и „непочитателями“ царскихъ указовъ—принимала все болѣе и болѣе острый характеръ, вызывая новыя строгости, новыя мѣры устрашенія, только деморализовавшія общество, но уже безсильныя повліять на уменьшеніе въ народѣ преступности.

Но пора намъ отдохнуть отъ тяжелой, кровавой картины казней, которая развернулась передъ нами на почвѣ уголовнаго законодательства и уголовной практики эпохи господства устрашительной системы наказаній.

Отмѣтимъ, въ заключеніе, что, не взирая на всю суровость этой системы, не смотря на всю безпощадную жестокость и „чудовищную кровожадность и свирѣпость“,—какъ выразился Строевъ,—памятниковъ законодательства той эпохи, всѣ историки русскаго уголовнаго права единодушно сходятся въ томъ положеніи, что всѣ эти ужасы блѣднѣютъ передъ тѣми неистовствами уголовнаго правосудія, которыя, по выраженію проф. Дитятина, въ государствахъ Западной Европы, заливали потоками крови весь XVII вѣкъ.

Профессоръ А. Ѳ. Кистяковскій приводитъ въ своемъ изслѣдованіи „О смертной казни“ рядъ данныхъ о количествѣ жертвъ, казненныхъ въ Германіи и Франціи въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, передъ которыми совершенно стушевываются извѣстныя намъ цифры казненныхъ за то же время въ Россіи. Профессоръ Н. С. Таганцевъ замѣчаетъ, что, не смотря на частую санкцію смертной казни, „Уложеніе 1649 года, сравнительно съ одновременными ему западными кодексами, представляется мягкосердечнымъ“. На сколько суровымъ является западно-европейское уголовное право, это видно изъ всецѣло построеннаго на немъ нашего Воинскаго Устава 1716 года, который, по выраженію г. Таганцева, своею жестокостью „далеко оставляетъ за собою Уложеніе царя Алексѣя Михайловича“. Профессоръ Н. Д. Сергѣевскій говоритъ, что хотя „грубы и жестоки были формы смертной казни въ древней Россіи, но до такого разнообразія и утонченности способовъ

лишенія жизни преступниковъ, до такихъ сложныхъ приспособленій къ увеличенію страданій преступника, какія мы находимъ въ Западной Европѣ, наше отечество все таки никогда не доходило". „Нельзя не сказать, по скольку дѣло идетъ о постановленіяхъ нашего законодательства (Соборнаго Уложенія и указовъ), что послѣднее, по сравненію съ западно-европейскимъ, отличалось бо́льшею простотою и гуманностью",—говоритъ проф. А. Филипповъ, новѣйшій изслѣдователь въ области исторіи русскаго уголовнаго права (1).

Являясь вполнѣ солидарнымъ съ взглядами указанныхъ выше авторовъ на характеръ стараго русскаго уголовнаго права, въ сравненіи съ современными ему уголовными кодексами западно-европейскими, профессоръ М. Ф. Владимірскій—Будановъ весьма основательно отмѣчаетъ тотъ фактъ, что въ весьма многихъ случаяхъ смертные приговоры не приводились на Руси въ исполненіе „въ силу древняго права *печалованія*, одного изъ драгоцѣннѣйшихъ правъ православнаго духовенства, которымъ оно и пользовалось постоянно; освобожденный отъ смерти по такому ходатайству обыкновенно пожизненно заключаемъ былъ въ монастырь" (2).

Если мы прибавимъ къ этому право *помилованія*,—которое особенно часто практиковалось въ виду какихъ либо торжественныхъ событій въ царской семьѣ или въ общей государственной жизни, а также и въ виду принесеннаго преступникомъ чистосердечнаго покаянія,—въ такомъ случаѣ мы будемъ имѣть передъ собою всѣ, правда немногія, условія, которыми смягчались на Руси ужасы устрашительной карательной системы XVII и первой четверти XVIII вѣковъ.

---

(1) Филипповъ: «О наказаніи по законодат. Петра I и пр.», стр. 310, 278, 281, 456.

(2) «Обзоръ исторіи русскаго права» (изд. 1888 г.), стр. 304. На страницахъ 110—111 своего изслѣдованія: «Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII в.» проф. Сергѣевскій даетъ указанія на два факта подобнаго рода.

[redacted].

Періодъ третій.

Эпоха реакціи противъ смертной казни и ея постепеннаго ограниченія.

Время царствованія ближайшихъ преемниковъ императора Петра I, до воцаренія императрицы Елизаветы Петровны, еще отмѣчено полнымъ господствомъ въ уголовной практикѣ идеи устрашенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и большей части уже извѣстныхъ намъ видовъ смертной казни.

Такъ, уже вскорѣ послѣ кончины Петра I, указомъ отъ 24 марта 1727 года, опредѣляется наказаніе, которое смѣло можетъ стать въ паралель съ самыми устрашительными карами предшествовавшихъ десятилѣтій: этимъ указомъ велѣно рекрутовъ, прибѣгающихъ къ членовредженію съ цѣлью избавиться отъ военной службы, вѣшать, по жребію, въ количествѣ одного изъ десяти, остальнымъ же рвать ноздри, бить кнутомъ и ссылать въ вѣчную каторгу ([1]).

Императрица Анна Ивановна въ самомъ началѣ своего царствованія (1731 г.) считаетъ необходимымъ напомнить особымъ указомъ о томъ, что, по дѣйствующимъ законамъ, за волшебство налагается сожженіе ([2]). Сожженіе продолжаетъ практиковаться и въ другихъ преступленіяхъ противъ вѣры. Въ 1738 году сожигаются на кострѣ, флота капитанъ-лейтенантъ Возницынъ—за отпаденіе отъ христіанства, и еврей Борухъ Лейбовъ—за совращеніе его въ іудейство; въ томъ же году и той же казни подвергается нѣкій Тайгульда, за переходъ изъ христіанства въ исламъ ([3]). Эпоха императрицы Анны Ивановны,

([1]) Полное Собраніе Законовъ, № 5050.

([2]) Ibid., № 5761.

([3]) «Сожженіе людей въ Россіи», I. Берхина (Русск. Стар. 1885, № 1).

ознаменованная мрачнымъ явленіемъ „бироновщины“, была особенно благопріятна для примѣненія смертной казни; не избѣгъ слишкомъ поспѣшнаго присужденія ея даже такой выдающійся дѣятель того времени, какимъ былъ А. П. Волынскій.

Практиковалось при ближайшихъ преемникахъ Петра I и окопаніе въ землю за мужеубійство; указанія на примѣненіе этой казни имѣемъ мы отъ 1730 и даже отъ 1740 года. Тоже можно сказать и относительно варварской квилификаціи повѣшенія—подвѣшенія на крюкѣ за ребро. Въ 1731 году подтверждено примѣненіе этого вида казни къ „вящимъ“ ворамъ и разбойникамъ; подвѣшеніе за ребро, вмѣстѣ съ колесованіемъ, употреблялось даже при усмиреніи пугачевщины: „при всѣхъ тѣхъ селеніяхъ, которыя бунтовали,—говорится въ циркулярѣ графа Панина,—поставить и впредь до указа не снимать по одной висѣлицѣ, по одному колесу, и по одному глаголю для вѣшанія за ребра“ (1).

25-го ноября 1741-го года взошла на престолъ Россійской имперіи дочь Царя-Преобразователя, императрица Елизавета Петровна. Извѣстны обстоятельства, при которыхъ совершилось это воцареніе. Извѣстный русскій историкъ второй половины прошлаго столѣтія, князь М. М. Щербатовъ, утверждаетъ, что Елизавета Петровна, отличавшаяся особенною набожностью, „идучи на сверженіе съ престола Іоанна III (Іоанна VI Антоновича), гдѣ крайняя ей опасность представлялась“, усердно молилась передъ этимъ Богу и дала обѣтъ во все свое царствованіе, если ей удастся взойти на престолъ, никого не лишать жизни. Современники тоже самое разсказывали въ началѣ XVII вѣка и про царя Бориса Годунова: говорили, будто Годуновъ, при восшествіи своемъ на престолъ, торжественно обѣщался въ теченіи пяти лѣтъ не утверждать ни одного смертнаго приговора (2).

---

(1) Сергѣевскій: «Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII в.», стр. 111, 123.

(2) Кн. Щербатовъ: «Размышленіе о смертной казни» (Чтенія Москов. Общ. Ист. и Древн. Росс., 1860, I; Бера: «Лѣтопись Московская» (въ «Сказа-

Какъ бы то ни было, но императрица Елизавета Петровна во все двадцатилѣтнее царствованіе свое проявляла полное отвращеніе къ смертной казни и сдѣлала весьма рѣшительные шаги къ пріостановкѣ дѣйствія ея въ Россіи, въ свое время заставившіе говорить о себѣ всю Европу. Такое направленіе мыслей императрицы имѣло случай проявиться уже въ первые дни ея царствованія: извѣстно, что Елизавета Петровна замѣнила ссылкою смертную казнь для всѣхъ противниковъ ея воцаренія, присужденныхъ къ колесованію, четвертованію и отсѣченію головъ.

Не прошло и трехъ лѣтъ по вступленіи Елизавета Петровны на престолъ, какъ появляется указъ, фактически пріостанавливающій дѣйствіе смертной казни въ Россіи. Этотъ знаменательный въ исторіи русскаго уголовнаго права актъ былъ изданъ 7 мая 1744-го года. „Усмотрѣно въ Правительствующемъ Сенатѣ,—объявляетъ этотъ указъ,—что въ губерніяхъ, и въ провинціяхъ, и въ городахъ, такожъ и въ войскѣ и въ прочихъ мѣстахъ Россійской Имперіи, смертныя казни и политическую смерть чинятъ не по надлежащимъ винамъ, а другимъ и безвинно“. Въ силу этого, указъ повелѣваетъ, „для лучшаго разсмотрѣнія“, присылать въ Сенатъ „обстоятельныя перечневыя выписки“, т. е. экстракты, изъ всѣхъ дѣлъ, по которымъ состоялись смертные приговоры, и до полученія изъ Сената соотвѣтственныхъ указовъ въ исполненіе этихъ приговоровъ не приводить, руководствуясь тѣмъ же правиломъ и на будущее время (1).

Существуютъ основанія полагать, что указъ 7 мая 1744-го года вызвалъ не малое недоумѣніе въ современномъ обществѣ, воспитанномъ на суровомъ режимѣ устрашительной уголовной системы первыхъ десятилѣтій XVIII-го столѣтія. Мѣстами новшество, вводимое этимъ указомъ, повлекло за собою даже неудовольствіе. Такъ было, напримѣръ, въ Остзейскомъ краѣ.

ніяхъ современниковъ о Димитріѣ Самозванцѣ», изд. Устрялова, 1859 г., стр. 18).

(1) Полное Собр. Зак., № 8944.

Ревельскіе ландраты и магистраты не только не исполняли указа 1744-го года, но даже рѣшаются ходатайствовать о дозволеніи имъ по прежнему казнить преступниковъ „по силѣ ихъ древнихъ правильныхъ поведеній“. По этому поводу состоялся новый указъ, отъ 5 августа 1746-го года, вторично предписывающій, чтобы нигдѣ въ Имперіи „колодникамъ экзекуціи безъ апробаціи Правительствующаго Сената не чинить, по силѣ вышеупомянутаго Ея Императорскаго Величества указа“ ([1]). Очевидно, что и въ Запорожскомъ войскѣ указъ 1744-го года породилъ недоразумѣнія, такъ какъ 13 марта 1749-го года издается указъ, подтверждающій, что бы и здѣсь смертныхъ приговоровъ „до указу“ въ исполненіе не приводили, но присылали тяжкихъ преступниковъ, для содержанія ихъ подъ стражею, въ Кіевъ, препровождая, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ Сенатъ экстракты „о винахъ“ ихъ ([2]). 25 мая 1753-го года появляется новый указъ, которымъ опять таки предписывается присылать въ Сенатъ экстракты изъ дѣлъ съ смертными приговорами, пріостанавливая исполненіе этихъ послѣднихъ ([3]).

Такимъ образомъ, въ теченіи цѣлаго десятилѣтія, систематически и настойчиво пріостанавливается повсемѣстно дѣйствіе смертной казни въ Россіи. Въ результатѣ оказалось то, что Сенатъ былъ заваленъ массою присланныхъ въ него экстрактовъ изъ дѣлъ о присужденіи смертной казни, остававшихся здѣсь, конечно по повелѣнію императрицы, безъ разсмотрѣнія, а тюрьмы были переполнены присужденными къ казни колодниками, цѣлыми годами содержавшимися здѣсь въ тщетномъ ожиданіи дальнѣйшаго Сенатскаго указа. И вотъ, 30-го сентября 1754-го года, появляется сенатскій указъ, въ которомъ еще разъ подтверждается, что бы „приговореннымъ къ смертной казни смертной экзекуціи до разсмотрѣнія и точ-

([1]) Полное Собр. Зак., № 9312.
([2]) Ibid., № 9586.
([3]) Ibid., № 10,101, также № 10,113.

наго о нихъ указа не чинить“, а для того, чтобы осужденные не оставались безнаказанными—предписывается, ссылая ихъ въ Рогервикъ и въ иныя мѣста, подвергать „жестокому“ наказанію кнутомъ, рвать ноздри и клеймить словомъ „воръ“ ([1]). Назначаемое этимъ указомъ „жестокое наказаніе кнутомъ“ было, весьма вѣроятно, опредѣленіемъ, о которое фактически разбивались благія намѣренія императрицы, какъ утверждаетъ это и князь М. М. Щербатовъ, заявляющій, что „кнутъ палача—горше четвертованія“; несомнѣнно, что далеко не всѣ осужденные выходили невредимыми изъ подъ кнута искуснаго и снабженнаго негласными инструкціями мастера заплечнаго дѣла....

Рядъ уже извѣстныхъ намъ указовъ, появившихся въ промежутокъ времени съ 1744-го по 1754-й годъ, вызвалъ въ свое время ходячее мнѣніе о томъ, будто въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны совершена была *отмѣна* въ Россіи смертной казни. Этого мнѣнія держался даже извѣстный государственный дѣятель, графъ Мордвиновъ, энергически ратовавшій противъ смертной казни въ 20-хъ годахъ текущаго столѣтія. Мнѣніе это должно быть признано, однако, совершенно невѣрнымъ. Изъ точнаго смысла указовъ 1744—1754 годовъ видно, что эти указы только временно *пріостанавливаютъ* дѣйствіе смертной казни—впредь „до указа“. Несомнѣнно, тѣмъ не менѣе, что императрица Елизавета Петровна дѣйствительно и вполнѣ искренне желала совершенной отмѣны смертной казни въ своемъ государствѣ и возлагала въ этомъ отношеніи извѣстнаго рода надежды на кодификаціонную коммиссію, дѣйствовавшую въ ея царствованіе.

Дѣло въ томъ, что въ 1754-мъ году организована была кодификаціонная коммиссія,—уже седьмая по счету отъ конца XVII-го вѣка,—на которую возложено было составленіе проекта новаго уложенія. Въ первое время работы коммиссіи пошли довольно быстро и къ апрѣлю 1755-го г. ею были

([1]) Полное Собр. Зак., № 10,306.

представлены въ Сенатъ двѣ части проекта — „судная“ и „криминальная“. Сенатъ одобрилъ эти работы и представилъ ихъ на утвержденіе государыни. Но тутъ произошло нѣчто совершенно неожиданное: императрица Елизавета Петровна отказалась дать имъ свое утвержденіе. Сперанскій, графъ Блудовъ, а за ними цѣлый рядъ нашихъ историковъ-юристовъ полагаютъ, что работы коммиссіи не получили Высочайшаго утвержденія потому, что въ „криминальной“ части ихъ была допущена ненавистная императрицѣ Елизаветѣ смертная казнь; профессоръ В. Н. Латкинъ, не соглашается, впрочемъ, съ этимъ мнѣніемъ, предполагая, что причина неутвержденія императрицею выработаннаго коммиссіею проекта лежитъ въ немъ самомъ—въ его неудовлетворительности.

Обращаясь къ этому проекту, мы, дѣйствительно, находимъ, что составители его не только не смягчили въ немъ суровости дѣйствовавшаго въ то время уголовнаго законодательства, но еще болѣе развиваютъ, пожалуй, систему его устрашительныхъ каръ, и въ этомъ отношеніи кореннымъ образомъ расходятся съ гуманными намѣреніями императрицы. Кромѣ обыкновенныхъ видовъ смертной казни,—отсѣченія головы и повѣшенія,—въ этомъ проектѣ санкціонируются: сожженіе, колесованіе, залитіе горла расплавленнымъ металломъ, повѣшеніе за ребро и даже вводится совершенно неслыханная на Руси форма смертной казни — разорваніе на части пятью лошадьми, назначаемое за тяжкія политическія преступленія. Проектъ весьма щедръ, вообще, въ назначеніи смертной казни: она опредѣляется за простую кражу на сумму свыше 40 рублей и за всякую третью кражу, за ввозъ мѣдныхъ денегъ изъ за-границы, вывозъ серебра и золота въ чужіе края, за лжесвидѣтельство, оскорбленіе дѣйствіемъ родителей, не говоря уже о болѣе важныхъ преступныхъ дѣяніяхъ (¹).

(¹) См. предисловіе Н. Д. Сергѣевскаго къ изданію А. А. Востокова: «Проекты уголовнаго Уложенія 1754—1766 годовъ (Спб. 1882 г.), стр. XI, а равно и самые проекты.

Послѣдующія занятія кодификаціонной коммиссіи шли весьма вяло, чтобы не сказать, что эта коммиссія, вплоть до 1761-го года—вовсе бездѣйствовала. Въ этомъ году, по иниціативѣ самой же коммиссіи, возбужденъ былъ вопросъ о привлеченіи къ участію въ кодификаціонныхъ работахъ депутатовъ отъ дворянства и купечества—и въ томъ же году, 27-го марта, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Алсуфьевымъ возвращены были въ коммиссію выработанныя ею еще къ 1755-му году проекты „судной" и „криминальной" частей уложенія, съ словеснымъ объявленіемъ о томъ, что императрица предписываетъ коммиссіи „въ ономъ новосочиняемомъ Уложеніи за подлежащія вины *смертныя казни не писать*" (¹).

25 декабря того же 1761 года императрица Елизавета Петровна скончалась, не осуществивъ, такимъ образомъ, своего гуманнаго намѣренія дать законодательную отмѣну смертной казни въ Россіи,—скончалась за три года до появленія въ свѣтъ знаменитаго сочиненія Беккаріа, въ которомъ она нашла бы авторитетную поддержку своимъ собственнымъ воззрѣніямъ на смертную казнь. Но уже самая пріостановка дѣйствія смертной казни въ это царствованіе—отводитъ послѣднему свѣтлое мѣсто въ исторіи русскаго уголовнаго права, такъ какъ въ это царствованіе зарождается въ нашемъ отечествѣ реакція противъ смертной казни и впервые открыто высказывается, съ высоты престола, осужденіе этому виду кары.

Быстро миновало кратковременное царствованіе Петра III,—настал во многихъ отношеніяхъ знаменательный вѣкъ императрицы Екатерины II. Въ области уголовнаго правосудія положеніе вещей оказалось и въ это царствованіе тоже самое, какое создано было елизаветинскими указами 1744—1754 годовъ: смертная казнь оставалась пріостановленною фактически, не будучи отмѣнена путемъ законодательнымъ. Суды по прежнему изрѣкаютъ смертные приговоры,

(¹) Латкинъ: «Законодательныя коммиссіи въ Россіи въ XVIII вѣкѣ», стр. 90, 95.

посылаютъ по дѣламъ этого рода экстракты въ Сенатъ, но не приводятъ приговоровъ въ исполненіе впредь до миѳическаго „указа“ изъ Сената; а Сенатъ кладетъ эти экстракты „подъ сукно“, не давая имъ дальнѣйшаго хода. Ясно, что вопросъ о смертной казни, достигшій апогея своего разрѣшенія въ положительномъ смыслѣ въ Воинскомъ Уставѣ 1716 г. и въ указной дѣятельности первой четверти XVIII вѣка—съ царствованія Елизаветы Петровны переживаетъ кризисъ, долженствующій разрѣшиться или въ ту или въ другую сторону.

На какую же сторону разрѣшенія этого вопроса склонялась сама императрица Екатерина? Отвѣтъ на этотъ вопросъ должны мы искать въ ея, надѣлавшемъ въ свое время столько шума, знаменитомъ Наказѣ, данномъ Коммиссіи депутатовъ, созванной императрицею въ 1767 году для новой, и счетомъ уже девятой, попытки сочиненія проекта новаго Уложенія.

Образовавъ новую законодательную коммиссію на широкихъ началахъ народнаго представительства, императрица Екатерина, желая дать депутатамъ этой коммиссіи базисъ, руководство, для предстоящей имъ сложной и многотрудной дѣятельности, къ которой большинство ихъ вовсе даже и не было надлежащимъ образомъ подготовлено—задумала написать для нихъ особый Наказъ, гдѣ были бы изложены и разъяснены общія понятія изъ области права и были бы указаны тѣ главнѣйшія начала, которыя императрица желала видѣть положенными въ основу предстоящихъ законодательныхъ работъ. Быстро закипѣла работа въ рукахъ дѣятельной и энергичной государыни—и 30 іюля 1767 года, въ самый день открытія коммиссіи, Наказъ депутатамъ для сочиненія проэкта новаго Уложенія былъ торжественно врученъ Екатериною генералъ-прокурору, князю Вяземскому. Не только самая идея Наказа, но и ея выполненіе—принадлежатъ всецѣло императрицѣ Екатеринѣ II, которая является его единственнымъ авторомъ. Мы имѣемъ указанія самой Екатерины на то, что мысль о составленіи Наказа зародилась въ ея недю-

жинномъ умѣ уже вскорѣ послѣ восшествія на престолъ (29 іюня 1762 г.). Въ ту пору своего царствованія, императрица Екатерина была ярою поклонницею современной гуманитарной западно-европейской философіи. Она считалась другомъ французскихъ энциклопедистовъ, со многими изъ которыхъ, въ особенности съ Даламберомъ, находилась въ близкой перепискѣ. Неудивительно, поэтому, что увлекшись ученіемъ современныхъ ей представителей либеральной мысли, она широкою рукою кладетъ это ученіе въ основу своего Наказа,— кладетъ его сюда на столько щедрою рукою, что этотъ Наказъ представляетъ собою, въ сущности, ничто иное, какъ выборку, и нерѣдко дословную, изъ извѣстнаго сочиненія Монтескье: „О духѣ законовъ“, а затѣмъ изъ гремѣвшаго въ ту пору по всему образованному міру трактата Беккаріа: „О преступленіяхъ и наказаніяхъ“ и изъ разсужденій Гельвеція: „О разумѣ“ и „О человѣкѣ“. Оказывается, что, изъ 526 статей Наказа, около половины заимствованы изъ Монтескье и до 100 статей изъ трактата Беккаріа (статьи 147—245 Наказа).

Весьма естественно, что императрицѣ Екатеринѣ невозможно было обойти въ своемъ Наказѣ такой жгучій вопросъ, какимъ представлялся въ то время вопросъ о смертной казни, какъ по неопредѣленности современной постановки его въ Россіи, такъ, въ особенности, въ виду шума и всеобщей сенсаціи, которыя повсемѣстно производило тогда только что возвѣщенное міру высоко-гуманное ученіе Беккаріа, радикальнымъ образомъ отвергнувшее и правомѣрность и цѣлесообразность этого вида уголовной кары. Мысли Екатерины II относительно смертной казни, изложенныя въ Наказѣ, носятъ на себѣ несомнѣнные слѣды вліянія ученія великаго итальянскаго публициста.

Какова цѣль наказанія?—вопрошаетъ Екатерина въ своемъ Наказѣ, и отвѣчаетъ: ни месть, ни устрашеніе. Цѣль наказанія—не „мучить тварь“, но отвратить гражданъ отъ проявленія злой воли; поэтому, говоритъ императрица, не должны быть допускаемы наказанія, жестокость которыхъ превышала

бы мѣру этой задачи. Наказаніе не должно казаться насиліемъ подъ личностью, а для этого оно должно удовлетворять слѣдующимъ существеннымъ условіямъ: народности, умѣренности, необходимости, уравнительности (соотвѣтственности преступленію) и должно быть ясно и точно указано въ законѣ. Наказъ рѣзко возстаетъ противъ жестокихъ устрашительныхъ наказаній; такія наказанія, говоритъ Екатерина, не достигаютъ цѣли: историческій опытъ показываетъ намъ, что очень нерѣдко особенно сильная преступность уживалась наряду съ самыми жестокими наказаніями. Поэтому, заключаетъ императрица, не столько кара совершонныхъ преступленій, сколько предупрежденіе благоразумными мѣрами самой возможности совершенія преступленій—должно прежде всего интересовать мудрое законодательство. Нормальную задачу наказанія Екатерина видитъ въ исправленіи преступника, и только въ крупныхъ преступленіяхъ допускаетъ она личный элементъ кары, въ смыслѣ насильственнаго воздѣйствія на самую злую волю преступника.

Переходя собственно къ смертной казни, Наказъ не отрицаетъ ее вполнѣ, но изъ всѣхъ относящихся сюда мыслей Екатерины ясно видно, что этотъ видъ наказанія ей не симпатиченъ. Общее впечатлѣніе, получаемое отъ этихъ мыслей, то, что императрица сама не усвоила себѣ въ этомъ отношеніи опредѣленнаго воззрѣнія, что она не рѣшается категорически высказаться по этому вопросу, что она колеблется, балансируетъ между абстрактною идеею неправомѣрности смертной казни, навѣянною ей ея западно-европейскими авторитетами, и сомнѣніемъ въ возможности дать этой идеѣ конкретное осуществленіе. 79 статья Наказа говоритъ, напримѣръ, что „гражданинъ бываетъ достоенъ смерти, когда онъ нарушилъ безопасность даже до того, что отнялъ у кого жизнь или предпріялъ отнять. Смертная казнь,—аргументируетъ Наказъ,—есть нѣкоторое лекарство больнаго общества“. Такимъ образомъ, императрица Екатерина, видя въ смертной казни „нѣкоторое лекарство больнаго общества“, какъ бы склоняется

къ возможности допустить ее не только за убійство, но и за покушеніе на него. Но этой статьѣ кореннымъ образомъ противорѣчитъ другая статья Наказа, 210-я, которая говоритъ, что смертная казнь можетъ быть допускаема только въ томъ случаѣ, если данное государство находится въ состояніи анархіи, когда злая воля грозитъ возмущеніемъ народному спокойствію; что смертная казнь можетъ быть, слѣдовательно, допущена лишь въ качествѣ самозащиты государства, когда оно находится въ состояніи борьбы, когда оказывается парализованною сила обыкновенныхъ законовъ. „При спокойнымъ царствованіи законовъ,—говоритъ Екатерина,—и подъ образомъ правленія, соединенными всего народа желаніями утвержденномъ, гдѣ вся власть въ рукахъ самодержца,—въ такомъ государствѣ не можетъ въ томъ быть никакой нужды, чтобъ отнимать жизнь у гражданина“. Въ этой статьѣ императрица Екатерина рѣшается, такимъ образомъ, допустить смертную казнь лишь въ видѣ мѣры исключительной, чрезвычайной, обусловливаемой анархическимъ состояніемъ борьбы государства съ подданными, отвергая правомѣрность ея при нормальномъ, спокойномъ развитіи государственной жизни. „Опыты свидѣтельствуютъ,—пишетъ Екатерина,—что частое употребленіе казней никогда людей не дѣлало лучшими“ (ст. 210); „Не чрезмѣрная жестокость и разрушеніе бытія человѣческаго производятъ великое дѣйствіе въ сердцахъ гражданъ, но непрерывное продолженіе наказанія. Смерть злодѣя слабѣе можетъ воздержать беззаконія, нежели долговременный и непрерывно пребывающій примѣръ человѣка, лишеннаго своей свободы.... Ужасъ, причиняемый воображеніемъ смерти,—продолжаетъ императрица,—можетъ быть гораздо силенъ, но забвенію, въ человѣкѣ природному, оный противостоять не можетъ“ (стт. 211 и 212). Императрица подкрѣпляетъ свою мысль ссылкою на примѣръ императрицы Елизаветы Петровны, пріостановившей въ своемъ государствѣ дѣйствіе смертной казни, и указываетъ, что „двадцать лѣтъ этого государствованія подаютъ отцамъ народовъ примѣръ къ подражанію изящнѣйшій, нежели самыя блиста-

тельныя завоеванія". Законы должны быть „духомъ милосердія исполнены",—вотъ идея, выраженная императрицею Екатериною и проникающая собою всю уголовную часть ея Наказа.

Извѣстно, что депутаты, вызванные императрицею отъ всѣхъ областей и отъ всѣхъ сословій для участія въ законодательныхъ работахъ коммиссіи 1767-го года, должны были привезти съ собою особые „наказы" отъ своихъ избирателей, въ которыхъ были бы изложены нужды и пожеланія, въ области законодательства, отдѣльныхъ областей и классовъ населенія. Эти наказы носятъ названіе „наказовъ депутатскихъ", въ отличіе отъ Наказа, даннаго коммиссіи императрицею, который часто носитъ, въ противоположность первымъ, наименованіе „Большаго Наказа". Намъ уже извѣстны воззрѣнія на карательную задачу государства, вообще, и на смертную казнь, въ частности, Большаго Наказа императрицы Екатерины II. Не безъинтереснымъ будетъ теперь сопоставить „pia desideria" въ области того же вопроса, выраженныя въ наказахъ депутатскихъ.

Грустное впечатлѣніе производитъ, вообще, чтеніе громаднаго большинства (не говоримъ о весьма немногихъ свѣтлыхъ исключеніяхъ) депутатскихъ наказовъ, въ особенности въ сравненіи съ Большимъ Наказомъ. Въ то самое время, когда императрица Екатерина подпимаетъ и развиваетъ въ этомъ послѣднемъ цѣлый рядъ вопросовъ государственныхъ, правовыхъ и общественныхъ, построенныхъ на почвѣ гуманитарной и освободительной философіи XVIII-го вѣка,—депутатскіе наказы предстаютъ передъ нами въ блескѣ полнаго отсутствія государственнаго сознанія, политической мысли, идеи общественной пользы, взамѣнъ которыхъ неприглядно выступаютъ узко-сословные интересы и непониманіе идеи общественнаго блага, сводящіе этихъ депутатовъ на уровень болѣе низкій того уровня, на которомъ стояли прежніе „всякихъ чиновъ люди Московскаго государства",—если мы примемъ, конечно, въ соображеніе измѣнившіяся условія эпохи.

Императрица должна была горько разочароваться въ лучшихъ надеждахъ первыхъ годовъ своего царствованія—и это разочарованіе не могло, конечно, не отразиться на дальнѣйшемъ правленіи ея: общество, въ общей своей массѣ, не оказалось на высотѣ тѣхъ намѣреній, съ которыми пошла къ нему на встрѣчу государыня, гордившаяся дружбою великихъ мыслителей своей эпохи, называвшая знаменитый трактатъ Монтескье—своимъ „молитвенникомъ". Екатерина уже очень скоро охладѣла къ дѣлу кодификаціонной коммиссіи 1767-го года, и самая коммиссія эта осталась безрезультатною, какъ оставались безрезультатными и предшествовавшія ей восемь законодательныхъ коммиссій.

Особенно рельефно сказывается это непримиримое противорѣчіе между Большимъ Наказомъ и депутатскими наказами въ области уголовнаго права. Екатерина II выступаетъ въ своемъ Наказѣ съ гуманными доктринами, внушенными ей сочиненіемъ безсмертнаго Беккаріа,—этого полубога мысли XVIII-го вѣка,—а депутатскіе наказы не хотятъ или не могутъ возвыситься выше устрашительной системы Уложенія 1649 г. и Воинскаго Устава 1716 г., съ ея леденящими кровь видами смертной казни, съ ея членовредительными карами,—раздробленіемъ членовъ, рваніемъ ноздрей, урѣзаніемъ ушей и языковъ,—съ ея застѣнками и адскими пытками.

Вопросовъ уголовнаго права касаются, преимущественно, дворянскіе наказы, т. е. наказы первенствующаго сословія, со стороны котораго императрица болѣе всего вправѣ была ожидать себѣ поддержки. Общая характеристическая черта этихъ наказовъ—это недовольство мягкостью современнаго уголовнаго законодательства и домогательство общаго повышенія уровня наказуемости. Наказы требуютъ, безъ всякаго стѣсненія, введенія самыхъ суровыхъ каръ, соединяя задачу устрашенія съ началомъ таліона, возмездія: „Для искорененія душегубства,—говоритъ, напримѣръ, опочковскій наказъ,—избѣжать не можно, дабы не узаконить жесточайшихъ и безпощадныхъ истязаній, равныхъ пагубнымъ симъ злодѣяніямъ".

Пытка играетъ первенствующую роль въ процессуальныхъ пожеланіяхъ наказовъ. Нѣкоторые наказы предупредительно рекомендуютъ даже самые виды устрашительныхъ наказаній, требуя смертной казни не только за убійство, но также за разбой, грабежъ, поджогъ, кражу, даже за корчемство и лихоимство. Пронскій наказъ требуетъ наказывать увѣчье—увѣчьемъ же: „Кто, напавъ, кого изувѣчитъ, да не повелѣно ли будетъ чинить и съ нимъ тоже, что онъ чинилъ"; курскій наказъ проситъ бить крестьянъ за второй побѣгъ кнутомъ и рѣзать имъ носы „до кости" и т. п. (1).

Мы уже знаемъ, что труды законодательной коммиссіи 1767-го года, съ грѣхомъ пополамъ протянувшіеся до самаго конца 1768-го года, остались безрезультатными: ни общаго уложенія, ни даже уголовнаго уложенія — въ царствованіе Екатерины II не появилось. Тѣмъ не менѣе, пріостановка дѣйствія смертной казни продолжала свою силу во все это царствованіе въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ была она опредѣлена при Елизаветѣ Петровнѣ. Екатерина II осталась вѣрна взгляду на смертную казнь, выраженному ею въ Большомъ Наказѣ, въ силу котораго этотъ видъ кары можетъ быть примѣняемъ лишь въ эпохи общественныхъ нестроеній, въ годины анархіи, и не долженъ допускаться при спокойномъ состояніи государства. Въ этомъ именно смыслѣ должны быть понимаемы случаи казней — Мировича, въ 1764-мъ г., убійцъ архіепископа Амвросія, во время чумнаго бунта 1771-го г., и Пугачева и его сообщниковъ, въ началѣ 1775-го г.; послѣдній въ царствованіе Екатерины II случай смертнаго приговора по обвиненію въ политическихъ преступленіяхъ, произнесенный надъ Радищевымъ, къ исполненію приведенъ не былъ, за помилованіемъ осужденнаго. Отъ глазъ исторіи не могутъ быть скрыты многія жестокости, допущенныя при усмиреніи пугачевщины и явно проникнутыя стремленіемъ къ

(1) Латкинъ: Законодательныя коммиссіи въ Россіи въ XVIII вѣкѣ», стр. 368 и слѣд.

удовлетворенію чувства мести, жаждою возмездія,—въ родѣ повѣшенія на крюкахъ за ребра и т. п.,—но отвѣтственность за эти неистовства, совершавшіяся въ глухой провинціи и врядъ ли даже извѣстныя Екатеринѣ, падаетъ на графа П. И. Панина, ближайшаго дѣятеля этихъ событій. По крайней мѣрѣ Сенатъ, послѣ казни Пугачева и его сообщниковъ, велѣлъ немедленно уничтожить всѣ орудія казни и по отношенію къ смертнымъ приговорамъ снова руководствоваться впредь указомъ отъ 30 сентября 1554-го года, пріостанавливающемъ, какъ мы это уже знаемъ, дѣйствіе смертной казни (¹).

Вопросъ о смертной казни продолжалъ оставаться въ прежнемъ неопредѣленномъ положеніи и въ царствованіе Павла I, и въ царствованіе Александра I. De jure—смертная казнь существовала и въ широкихъ размѣрахъ фигурировала въ памятникахъ законодательства; de facto — она остается безъ примѣненія по крайней мѣрѣ нормальными, гражданскими, судами. Не меньшая неопредѣленность во взглядахъ на вопросъ о существованіи или несуществованіи у насъ смертной казни замѣчается не только въ обществѣ, но даже и въ правящихъ сферахъ. Такъ, въ 1799-мъ году, самъ императоръ Павелъ Петровичъ, распространившій пріостановленіе дѣйствія смертной казни и на вновь присоединенныя къ Россіи области, утверждалъ, что „запрещеніе смертной казни въ имперіи Россійской существуетъ по силѣ общихъ государственныхъ узаконеній“, имѣя, очевидно, въ виду извѣстные елизаветинскіе указы 1744—1754 годовъ.

Между тѣмъ, правительство все еще продолжало прилагать заботы къ составленію новаго уложенія, въ которомъ могъ бы, наконецъ, получить то или другое разрѣшеніе назрѣвшій вопросъ о томъ: быть или не быть въ Россіи смертной казни и, если быть, то въ какихъ предѣлахъ?

Кодификаціонная коммиссія 1797 года, учрежденная императоромъ Павломъ I и счетомъ уже десятая, произвела

(²) Полное Собр. Зак., № 14,294 (п. п. 6 и 7).

только нѣкоторыя подготовительныя работы, даже и не подвергавшіяся разсмотрѣнію.

Болѣе твердую постановку, дававшую современникамъ надежду на благополучное разрѣшеніе безконечнаго вопроса о кодификаціи права, получила законодательная коммиссія, учрежденная въ 1804-хъ году императоромъ Александромъ Павловичемъ и въ 1810-мъ году причисленная, въ качествѣ особаго установленія, къ вновь учрежденному въ Россіи Государственному Совѣту. Съ 1804-го года по 1826-го годъ, т. е. въ теченіи 22-хъ лѣтъ, этой коммиссіи удалось составить нѣсколько частей проектовъ уложеній гражданскаго (три части матеріальнаго права и одна часть процессуальнаго), торговаго (одна часть) и уголовнаго (три части). Проектъ уголовнаго уложенія былъ изготовленъ къ 1813-мъ году и, внесенный въ департаментъ законовъ, разсматривался имъ въ теченіи 1813-го и 1814-го годовъ; проектъ этотъ былъ тогда же напечатанъ, но въ общее собраніе государственнаго совѣта внесенъ не былъ. Только въ 1824-мъ году поступилъ этотъ проектъ на окончательное разсмотрѣніе государственнаго совѣта, гдѣ обсуждался въ теченіи двухъ лѣтъ (1824 и 1825), хотя и безъ положительныхъ результатовъ, вплоть до кончины императора Александра I, вслѣдствіе которой дальнѣйшее разсмотрѣніе проекта было пріостановлено.

Обращаясь къ проекту уголовнаго уложенія 1813-года, мы находимъ, что онъ обнимаетъ собою три части всего предположеннаго уложенія: первая часть—основанія уголовнаго права, вторая часть—о наказаніяхъ за государственныя и общественныя преступленія, и третья часть—о наказаніяхъ за частныя преступленія.

Этотъ проектъ допустилъ примѣненіе смертной казни, хотя, конечно, и въ предѣлахъ несравненно болѣе ограниченныхъ, сравнительно съ остававшимся еще въ силѣ законодательствомъ второй половины XVII и первой четверти XVIII вѣковъ. Прежде всего, проектъ 1813-го года ограничиваетъ самые виды смертной казни, признавая только два вида ея:

повѣшеніе, называемое имъ казнью первой степени, и отсѣченіе головы, или казнь второй степени. Затѣмъ съуживается и самая сфера примѣненія смертной казни, ограничиваемая слѣдующими разрядами преступныхъ дѣяній:

I. Преступленія *противъ вѣры*. Здѣсь смертная казнь назначается за слѣдующія дѣянія: хулу на Господа Бога, Спасителя, Пресвятую Матерь его, честной крестъ и святыхъ угодниковъ. За всѣ эти преступленія опредѣляется казнь первой степени, т. е. повѣшеніе.

II. Преступленія *политическія*. Здѣсь предусматриваются: 1) Всякаго рода злоумышленіе и возстаніе или дѣломъ, или составленіемъ заговора, противъ жизни и здравія Ихъ Величествъ, Наслѣдника престола и особъ Императорской фамиліи, вообще (казнь первой степени—повѣшеніе). Въ преступленіяхъ этого рода караются также смертью и пособники (по второй степени—отсѣченіе головы). 2) Злоумышленіе на ниспроверженіе или перемѣну существующей Верховной власти, или противъ цѣлости государства, а равно поднятіе оружія противъ отечества; казнь первой степени—повѣшеніе. 3) Измѣнническая сдача непріятелю крѣпости, города, запасовъ и т. п.; и главные виновники, и пособники, и недоносители подвергаются казни второй степени—отсѣченію головы. 4) Сообщеніе чужимъ державамъ, ко вреду отечества, государственныхъ тайнъ; казнь второй степени—отсѣченіе головы. 5) Бунтъ и вооруженное сопротивленіе властямъ; казнь второй степени—отсѣченіе головы. 6) Измѣнническія сношенія съ чужимъ государствомъ; казнь второй степени—отсѣченіе головы.

III. Преступленія *противъ порядка управленія*. Сюда относится насильственное, соединенное со взломомъ, освобожденіе изъ тюрьмы преступника; за это преступленіе грозитъ казнь второй степени—отсѣченіе головы.

---

(1) Архивъ Государственнаго Совѣта, томъ IV: Царствованіе императора Александра I; часть 1, журналы по департаменту законовъ.

IV. Преступленія *противъ жизни.* Здѣсь наказуется смертною казнью убійство дѣтьми родителей. Степень казни не опредѣлена.

V. Преступленія *противъ собственности.* Въ этой рубрикѣ предусматриваются: 1) Поджогъ, послѣдствіемъ котораго явилось опустошеніе, смерть, или учиненненный съ цѣлью бунта; казнь второй степени—отсѣченіе головы. 2) Разбой съ поджогомъ и смертоубійствомъ; степень казни не опредѣляется.

Таковы предѣлы примѣненія смертной казни, допускаемые проектомъ уголовнаго уложенія 1813 года. Мы видимъ, что этотъ проектъ значительно смягчаетъ прежнюю сферу примѣненія ея какъ качественно, такъ и количественно; смягченіе это выражается также и въ томъ, что, по проекту, ни одинъ смертный приговоръ не можетъ быть приведенъ въ исполненіе безъ утвержденія его Высочайшею властью,—слѣдовательно, открывается широкое поле для осуществленія права помилованія. Тѣмъ не менѣе, при обсужденіи проекта въ 1824—1825 годахъ въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, допущеніе въ немъ смертной казни вызвало здѣсь серьезные протесты. Ярымъ противникомъ внесенія въ проектъ санкціи смертной казни выступилъ членъ государственнаго совѣта, извѣстный дѣятель той эпохи, адмиралъ графъ Н. С. Мордвиновъ.

Указавъ въ поданномъ имъ по этому поводу письменномъ мнѣніи на то, что уже 70 лѣтъ (1754 — 1824) истекло съ тѣхъ поръ, какъ „отмѣнена“ была въ Россіи смертная казнь, съ замѣною ея каторжными работами; что императрица Екатерина II высказываетъ въ своемъ Наказѣ взглядъ на смертную казнь, какъ на чрезвычайную мѣру уголовной кары; что и императоръ Павелъ I, распространившій запрещеніе смертной казни на всѣ, вновь присоединенныя къ государству, области, признавалъ, что запрещеніе въ Россіи смертной казни существуетъ „по силѣ общихъ государственныхъ узаконеній“, — Мордвиновъ восклицаетъ въ своей запискѣ: „Когда благодѣтельными самодержцами Россіи отмѣнена смертная

казнь, то возстановленіе ея въ вновь издаваемомъ уставѣ, при царствованіи Александра I, невольно приводитъ меня въ трепетъ и смущеніе!“ Мордвиновъ заявляетъ, что возстановленіе смертной казни въ Россіи еще могло бы найти себѣ оправданіе въ томъ случаѣ, если бы было доказано, что „россійскій народъ сдѣлался злоправнѣе и дерзновеннѣе на всякія преступленія“; но этого, говоритъ онъ, не замѣчается. „Знаменитѣйшіе по уголовной части писатели признали и доказали ненадобность и безполезность смертной казни,—продолжаетъ Мордвиновъ, — приводя всѣмъ другимъ народамъ въ изящный примѣръ тому Россію“. Продолжая свои доводы противъ смертной казни, Мордвиновъ ставитъ вопросъ и на нравственно-теологическую точку зрѣнія. „Имѣетъ ли человѣкъ право отнять у подобнаго себѣ то, чего, раскаявшись впослѣдствіе, онъ не въ силахъ ему возвратить?—вопрошаетъ онъ. Судья, постановляющій смертный приговоръ, невольно чувствуетъ душевное содраганіе: не есть ли это напоминаніе ему совѣстью о томъ, что онъ принимаетъ на себя ему непринадлежащее? Нравственный и всеобщій законъ, воспрещающій убивать безоружнаго, долженъ ли измѣниться въ своей правости въ примѣненіи къ обществу, а окованный, лишенный свободы, предаваемый смерти, по невозможности его быть далѣе вреднымъ —не есть ли жертва безполезная и невинная?“ Въ доказательство противности смертной казни этикѣ, Мордвиновъ приводитъ тотъ фактъ, что члены Святѣйшаго Синода отказались отъ подписи сентенціи смертной казни Мировичу и даже Пугачеву.

„Облечь кроткаго и человѣколюбиваго императора Александра I въ званіе возобновителя въ Россіи смертной казни— самое благоговѣніе мое, никогда въ сердцѣ моемъ къ особѣ Его Величества неумолчное, меня не допускаетъ!“—еще разъ восклицаетъ адмиралъ Мордвиновъ. Но какъ быть въ тѣхъ случаяхъ, — продолжаетъ онъ, — когда въ законодательствѣ явится необходимымъ предусмотрѣть мѣру наказанія за тяжкія государственныя преступленія, въ особенности непосред-

ственно направленныя противъ Верховной Власти, за бунтъ и возмущеніе народа? Мордвиновъ указываетъ здѣсь два выхода: или опредѣлить за эти преступленія высшія изъ имѣющихся въ лѣствицѣ наказаній кары,—кромѣ, однако же, смертной казни,—или, по примѣру двухъ прецедентовъ, имѣвшихъ мѣсто въ царствованіе императрицы Екатерины II, опредѣлить подсудность этихъ чрезвычайныхъ преступленій и чрезвычайнымъ судамъ, которые и могутъ назначить въ этихъ случаяхъ наказанія, выходящія изъ ряда общеузаконенныхъ. Но противъ внесенія смертной казни въ общую систему законодательства и противъ примѣненія ея общими, нормальными судебными учрежденіями—адмиралъ Мордвиновъ высказался въ 1824-мъ году, въ государственномъ совѣтѣ, самымъ категорическимъ образомъ (¹).

Такимъ образомъ и царствованіе императора Александра I, не смотря на серьезный характеръ предпринятыхъ въ его правленіе законодательныхъ работъ, не дало Россіи новаго уголовнаго уложенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ не распутало той неопредѣленности, какая продолжала уже въ продолженіи 80-ти лѣтъ господствовать у насъ въ вопросѣ о смертной казни. Эту неопредѣленность засталъ, при своемъ воцареніи, и императоръ Николай I Павловичъ. Вслѣдствіе извѣстныхъ всѣмъ обстоятельствъ, которыми сопровождалось восшествіе на престолъ Николая I, вопросъ о примѣненіи смертной казни роковымъ образомъ возсталъ уже въ первый годъ его царствованія—по дѣлу объ участникахъ въ событіяхъ 14 декабря 1825 года. Назначенная по этому дѣлу верховная коммиссія осудила къ смерти 36 декабристовъ, давъ 5 санкцій старинной казни четвертованіемъ и 31 санкцію отсѣченія головы. Императоръ утвердилъ только первые пять приговоровъ, замѣнивъ варварское четвертованіе—простымъ повѣшеніемъ. Это

(¹) См. «Мнѣнія адмирала Мордвинова о смертной казни» и «Дополнительныя статьи» къ нему, въ Чтеніяхъ Московск. Общ. Ист. и Древн. Росс., 1859, IV.

дало поводъ ожидать, что вновь вступившій на престолъ государь явится сторонникомъ если не полной отмѣны, то, по крайней мѣрѣ, законодательнаго ограниченія смертной казни, что и оправдалось на дѣлѣ.

Уже во второй мѣсяцъ своего царствованія, 31 января 1826 года, желая поставить на почву скорѣйшаго осуществленія, грозившій обратиться въ безконечный, вопросъ о составленіи новаго кодекса законовъ, императоръ Николай Павловичъ рѣшилъ взять это дѣло въ свое непосредственное вѣдѣніе и съ этою цѣлью повелѣлъ преобразовать существовавшую еще въ то время законодательную коммиссію во II-е отдѣленіе Собственной своей канцеляріи. Благодаря удачному подбору дѣятелей, призванныхъ къ новымъ кодификаціоннымъ работамъ, и умѣлой организаціи самыхъ работъ, дѣло кодификаціи быстро закипѣло и уже въ 1832 году изданы были и до настоящаго времени дѣйствующіе (конечно, съ вызванными условіями времени отмѣнами, измѣненіями и дополненіями) пятьнадцать томовъ *Свода Законовъ Россійской Имперіи*, обнародованнаго 31 января 1833 года и вступившаго въ обязательную силу съ 1 января 1835 года.

Сводъ Законовъ Россійской Имперіи 1832 года доводитъ примѣненіе смертной казни до минимума. Смертная казнь допускается здѣсь только за тяжкіе виды государственныхъ преступленій и то лишь при томъ условіи, если, по особой ихъ важности, они предаются верховному уголовному суду; обыкновенные суды и за невыходящія по своей важности изъ ряда вонъ государственныя преступленія—смертной казни налагать не могутъ, ограничиваясь присужденіемъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія, т. е. къ смерти политической, и къ ссылкѣ въ каторжныя работы. Затѣмъ,—въ силу закона отъ 20 октября 1832 года,—смертная казнь грозитъ за преступленія карантинныя, какъ преступныя дѣянія совершенно исключительнаго характера и крайне опасныя для всего общества. Таковы единственные случаи санкціи смертной казни, допускаемые Сводомъ Законовъ 1832 года.

Вскорѣ послѣ изданія Свода Законовъ, въ виду существенныхъ недостатковъ, обнаружившихся въ первой части X тома его, заключавшей въ себѣ законы уголовные, законодательство наше пришло къ мысли о необходимости составленія общаго Уложенія о наказаніяхъ. Для выполненія этой работы учрежденъ былъ особый комитетъ, душою и главнымъ руководителемъ трудовъ котораго явился графъ Д. Н. Блудовъ. Составленный этимъ комитетомъ проектъ, внесенный, при особой объяснительной запискѣ, въ 1844 году въ государственный совѣтъ—удостоился Высочайшаго утвержденія и, такимъ образомъ, возникло *Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1845 года*, являющееся, съ нѣкоторыми измѣненіями, дѣйствующимъ и въ наши дни русскимъ уголовнымъ законодательствомъ.

Въ комитетѣ, разрабатывавшемъ проектъ Уложенія, возникъ, въ числѣ многихъ другихъ существенныхъ вопросовъ, и вопросъ о смертной казни. „Нельзя не согласиться,—говоритъ графъ Блудовъ въ своей объяснительной запискѣ къ проекту Уложенія,—что сія казнь есть въ нѣкоторомъ смыслѣ *зло* уголовнаго законодательства, крайность, которую иные философы—моралисты *не совсѣмъ несправедливо* почитаютъ противною религіи" (¹). Исходя, однако же, изъ той точки зрѣнія, что „сіе зло *едва ли не необходимо*" и что, вопреки ходячему мнѣнію, смертная казнь за послѣднее столѣтіе законодательнымъ путемъ въ Россіи отмѣнена не была, составители проекта заключили, что этотъ видъ наказанія долженъ быть внесенъ въ проектъ Уложенія. Въ данномъ случаѣ любопытны та осторожность, тѣ оговорки, съ какими подходитъ графъ Блудовъ къ этому заключенію въ своей объяснительной запискѣ; очевидно, что полная вѣра въ правомѣрность смертной казни уже была подорвана въ сознаніи самихъ составителей проекта. Составители проекта предполагали назначить

(¹) Объяснительная записка гр. Блудова, въ изданіи: «Проектъ Уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ», Спб. 1871, стр. L.

въ проектѣ Уложенія смертную казнь за слѣдующія преступленія: 1) Важнѣйшія преступленія государственныя, 2) Умышленное убійство отца и матери и 3) Вторичное, уже послѣ осужденія, совершеніе лицами, присужденными къ каторгѣ, тяжкихъ преступленій, именно: убійства, зажигательства, разбоя и грабежа; сверхъ того оставлено назначеніе смертной казни за 4) Важнѣйшія карантинныя преступленія. Графъ Блудовъ не рѣшился, однако, внести въ проектъ третью изъ этихъ санкцій смертной казни (рецидивъ осужденныхъ къ каторгѣ) и оставилъ въ немъ смертную казнь только за: а) тяжкія государственныя преступленія, б) умышленное убійство отца и матери и в) важныя карантинныя преступленія; оправданіе назначенія смертной казни за убійство отца и матери графъ Блудовъ ищетъ въ примѣрѣ другихъ законодательствъ и, въ частности, ссылается на прусскіе законы, по которымъ отцеубійцу влекутъ по землѣ къ мѣсту казни и здѣсь колесуютъ (1).

Назначеніе смертной казни за убійство отца и матери въ Высочайше утвержденномъ въ 1845 году Уложеніи о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ санкціи не получило. Такимъ образомъ, въ Уложеніи 1845 года допущена смертная казнь только въ слѣдующихъ преступленіяхъ:

I. *Важнѣйшія государственныя преступленія*, именно: а) всякаго рода злоумышленія на жизнь, честь, свободу и верховныя права Государя Императора, Государыни Императрицы, Наслѣдника Цесаревича и другихъ особъ Императорскаго Дома, б) бунтъ, т. е. возстаніе скопомъ и заговоромъ противъ Верховной Власти, умыселъ низвергнуть существующее правительство или измѣнить существующій образъ правленія, равно какъ и приготовленія къ преступнымъ дѣяніямъ этого рода, и в) государственная измѣна, въ наиболѣе тяжкихъ случаяхъ ея.

II. *Важнѣйшія карантинныя преступленія*, совершаемыя во время эпидемій или соединенныя съ насильственными дѣй-

---

(1) Ibid., стр. LII—LIV. См. также статьи 971—975 проекта Уложенія.

ствіями по отношенію къ карантинной стражи и карантиннымъ учрежденіямъ.

Эти санкціи смертной казни сохранены и въ нынѣ дѣйствующемъ уголовномъ правѣ нашемъ.

И такъ, изъ опредѣленій относительно пріостановки дѣйствія смертной казни и изъ фактическаго ограниченія примѣненія ея, наблюдаемыхъ въ историческомъ развитіи русскаго уголовнаго права и уголовной практики за столѣтній промежутокъ времени отъ 1744 по 1845 годъ, мы могли бы, повидимому, вывести заключеніе, что отдѣльные случаи примѣненія этого вида наказанія—являлись крайне рѣдкими, единичными, извѣстными на перечетъ. Но такое заключеніе было бы слишкомъ оптимистическимъ. Дѣло въ томъ, что у насъ очень долго, на-ряду съ пріостановленною въ своемъ примѣненіи смертною казнью, существовали наказанія кнутомъ и шпицрутенами, которыя очень часто являлись, какъ мы не разъ уже указывали это, ничѣмъ инымъ, какъ мучительнымъ видомъ смертной казни. Старинный кнутъ нашихъ застѣнковъ и лобныхъ мѣстъ—это было нѣчто ужасное: „учиненъ тотъ кнутъ ременный, плетеный, толстый, на концѣ ввязанъ ремень толстый, шириною въ палецъ, а длиною будетъ съ 5 локтей,—говоритъ Котошихинъ, описывая это орудіе кары;—и какъ ударитъ по которому мѣсту по спинѣ, и на спинѣ станетъ такъ, слово въ слово, будто большой ремень вырѣзанъ ножемъ, мало не до кости“. „Кнутъ—пуще четвертованія“,—заявляетъ князь М. М. Щербатовъ, современникъ императрицы Екатерины II. А вотъ характеристика наказанія кнутомъ, которую представилъ уже извѣстный намъ противникъ смертной казни, адмиралъ Мордвиновъ, въ своемъ письменномъ мнѣніи по этому предмету, поданномъ имъ въ 1824 году въ общемъ собраніи государственнаго совѣта: „Съ того знаменитаго для правосудія и человѣчества времени, когда европейскіе народы отмѣнили пытки и истребили орудія ея,—одна Россія сохранила у себя кнутъ, коего одно наименованіе поражаетъ ужасомъ народъ россійскій и даетъ поводъ иностран-

цамъ заключать, что Россія находится еще въ дикомъ состояніи. Кнутъ — есть орудіе, которое раздираетъ человѣческое тѣло, отрываетъ мясо отъ костей, мечетъ по воздуху кровавыя брызги и потоками крови обливаетъ тѣло человѣка; мученіе, лютѣйшее всѣхъ другихъ извѣстныхъ. При кровавомъ зрѣлищѣ таковаго мученія, — продолжаетъ Мордвиновъ, — зрители приводимы бываютъ въ иступленное состояніе: каждый зритель видитъ лютость мученія и болѣзнуетъ о страждущемъ, себѣ подобномъ; при наказаніи кнутомъ многіе изъ зрителей плачутъ, многіе даютъ наказанному милостыню, трепещутъ, негодуютъ на жестокость мученія"…. До тѣхъ поръ, пока будетъ существовать кнутъ въ Россіи, говоритъ Мордвиновъ — „втунѣ мы заниматься будемъ уголовнымъ уставомъ; съ кнутомъ въ употребленіи напрасны будутъ уголовные законы, судейскіе приговоры и точность въ опредѣленіи наказанія: дѣйствіе законовъ и мѣра наказанія останутся всегда въ рукахъ и волѣ палача, который стами ударовъ можетъ сдѣлать наказаніе — легкимъ, десятью — жестокимъ и увѣчнымъ, *если не смертельнымъ*". Осужденные къ наказанію кнутомъ торгуются съ палачемъ изъ за бо́льшей или меньшей силы наказанія; бывали примѣры, по словамъ графа Мордвинова, что осужденные къ наказанію, чтобы не быть изувѣченными, платили палачу до 10 тысячь рублей (¹).... Государственный совѣтъ въ то время, почти единогласно, постановилъ замѣну наказанія кнутомъ — наказаніемъ плетьми, но эта замѣна не получили законодательной санкціи, какъ не получилъ ея и самый проектъ уголовнаго уложенія 1813 года. Только въ Уложеніи о наказаніяхъ 1845 года получила эта замѣна законодательное утвержденіе: кнутъ, какъ орудіе кары, навсегда уничтоженъ въ Россіи, съ замѣною его болѣе легкимъ наказаніемъ плетьми и съ назначеніемъ на каждый отдѣльный случай количества ударовъ (²). Правда, что еще въ 1802 и 1808 гг. было запре-

(¹) Мнѣніе адмирала Мордвинова о кнутѣ, какъ орудіи наказанія (Чтенія Москов. Общ. Ист. и Древн. Росс., 1859, IV).

(²) Объяснительная записка графа Блудова къ проекту Уложенія 1845 г., стр. LV—LVI.

щено употребленіе въ приговорахъ, при назначеніи наказанія кнутомъ, традиціонныхъ выраженій „жестоко", „нещадно"; а въ 1812-мъ велѣно точно обозначать въ приговорахъ количество ударовъ — тѣмъ не менѣе вплоть до 1845 года господствовали въ этомъ отношеніи неопредѣленность и полный произволъ.

Не менѣе страшнымъ орудіемъ кары являлись и шпицрутены, впервые введенныя у насъ Петромъ I. Это было наказаніе, предназначавшееся, собственно, для лицъ военнаго званія,—но оно примѣнялось и къ гражданскимъ преступникамъ, которыхъ, въ виду исключительности совершонныхъ ими дѣяній, велѣно было судить по законамъ военнымъ. Наказаніе шпицрутенами, всегда производившееся „сквозь строй", весьма нерѣдко бывало смертельнымъ, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда оно назначалось въ количествѣ 6-ти и даже 12-ти тысячъ ударовъ; часто, въ такихъ случаяхъ, экзекуція оканчивалась почти надъ полуживымъ тѣломъ наказываемаго. Многіе мѣстные старожилы помнятъ еще, какъ такимъ именно образомъ были на смерть загнаны въ Казани, въ 40-хъ годахъ, знаменитые волжскіе разбойники, Быковъ и Чайкинъ.

Только 17-го апрѣля 1863-го года обнародованы были три, одновременно вышедшіе, закона, явившіеся эрою въ исторіи русскихъ тѣлесныхъ наказаній. Этими тремя законами отмѣнено наказаніе плетьми и шпицрутенами для лицъ гражданскаго состоянія, для солдатъ и для матросовъ; плети сохранены лишь для наказанія, и то въ ограниченныхъ предѣлахъ, ссыльныхъ и каторжниковъ. Такимъ путемъ исчезъ изъ русской уголовной практики и тотъ замаскированный видъ смертной казни, какимъ являлись нерѣдко кнутъ и шпицрутены.

Извѣстно, что многія законодательства допускаютъ, кромѣ нормальной подсудности, каковою является у насъ, напримѣръ, подсудность на основаніи Судебныхъ уставовъ императора Александра II и Уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, еще подсудность чрезвычайную, вызываемую или

исключительностью положенія государства въ данный моментъ его жизни, или исключительностью тѣхъ или другихъ преступныхъ дѣяній. У насъ такою исключительною подсудностью является подсудность законамъ военно-полевымъ, отличающимся особенною строгостью и широкимъ примѣненіемъ смертной казни. И вотъ, тотъ же законъ 17-го апрѣля 1863-го года, который отмѣнилъ наказаніе шпицрутенами, предписываетъ судить въ исключительныхъ случаяхъ, по законамъ военнаго времени, лицъ, обвиняемыхъ въ наиболѣе тяжкихъ преступленіяхъ противъ дисциплины и общественной безопасности. Профессоръ А. Ѳ. Кистяковскій весьма мѣтко замѣчаетъ, что уже самый переходъ этотъ отъ наказанія шпицрутенами къ законамъ военнаго времени, преобладающею карательною санкціею которыхъ является смертная казнь, даетъ намъ основаніе сдѣлать выводъ, что въ шпицрутенахъ стараго времени — наша уголовная практика во многихъ случаяхъ видѣла именно симулированную смертную казнь. А по законамъ военнаго времени, смертная казнь грозитъ, кромѣ тягчайшихъ преступленій, предусмотрѣнныхъ и въ гражданскомъ Уложеніи о наказаніяхъ, также и за слѣдующія преступныя дѣянія, по общимъ законамъ карѣ этой не подлежащія: убійство, грабежъ, поджогъ, истребленіе лѣсовъ и жатвъ и изнасилованіе женщинъ.

Съ введеніемъ новыхъ судовъ на основаніи Судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года, ясно и точно опредѣлившихъ предѣлы компетентности судовъ гражданскаго вѣдомства, эти опредѣленія о подсудности по законамъ военнаго времени— потеряли для нихъ всякое практическое значеніе. Уложеніе о наказаніяхъ 1845-го года, съ его позднѣйшими изданіями— вотъ единственный уголовный кодексъ, извѣстный этимъ судамъ.

Такимъ образомъ, *важнѣйшія преступленія политическія* и, весьма рѣдкія, *тяжкія карантинныя преступленія*— такова сфера примѣненія смертной казни, допускаемая общимъ русскимъ законодательствомъ. Мы не беремъ въ разсчетъ за-

коновъ военныхъ: они, съ суровостью своихъ карательныхъ санкцій, вездѣ стоятъ особнякомъ отъ общей системы законодательства. Вызванные къ жизни особыми условіями военнаго строя жизни и военнаго режима — они сложатъ свою силу только въ то вожделѣнное время, когда исчезнетъ и та аномалія человѣческой культуры, которая извѣстна подъ наименованіемъ *войны*.

Если мы обратимся къ обще-гражданскимъ уголовнымъ кодексамъ главнѣйшихъ государствъ Западной Европы, то увидимъ, что смертная казнь санкціонируется ими въ слѣдующихъ преступныхъ дѣяніяхъ:

Во *Франціи*: государственныя преступленія, соединенныя съ убійствомъ или покушеніемъ на него, умышленное убійство, поджогъ жилыхъ зданій.

Въ *Англіи:* тяжкія государственныя преступленія, убійство умышленное и предумышленное.

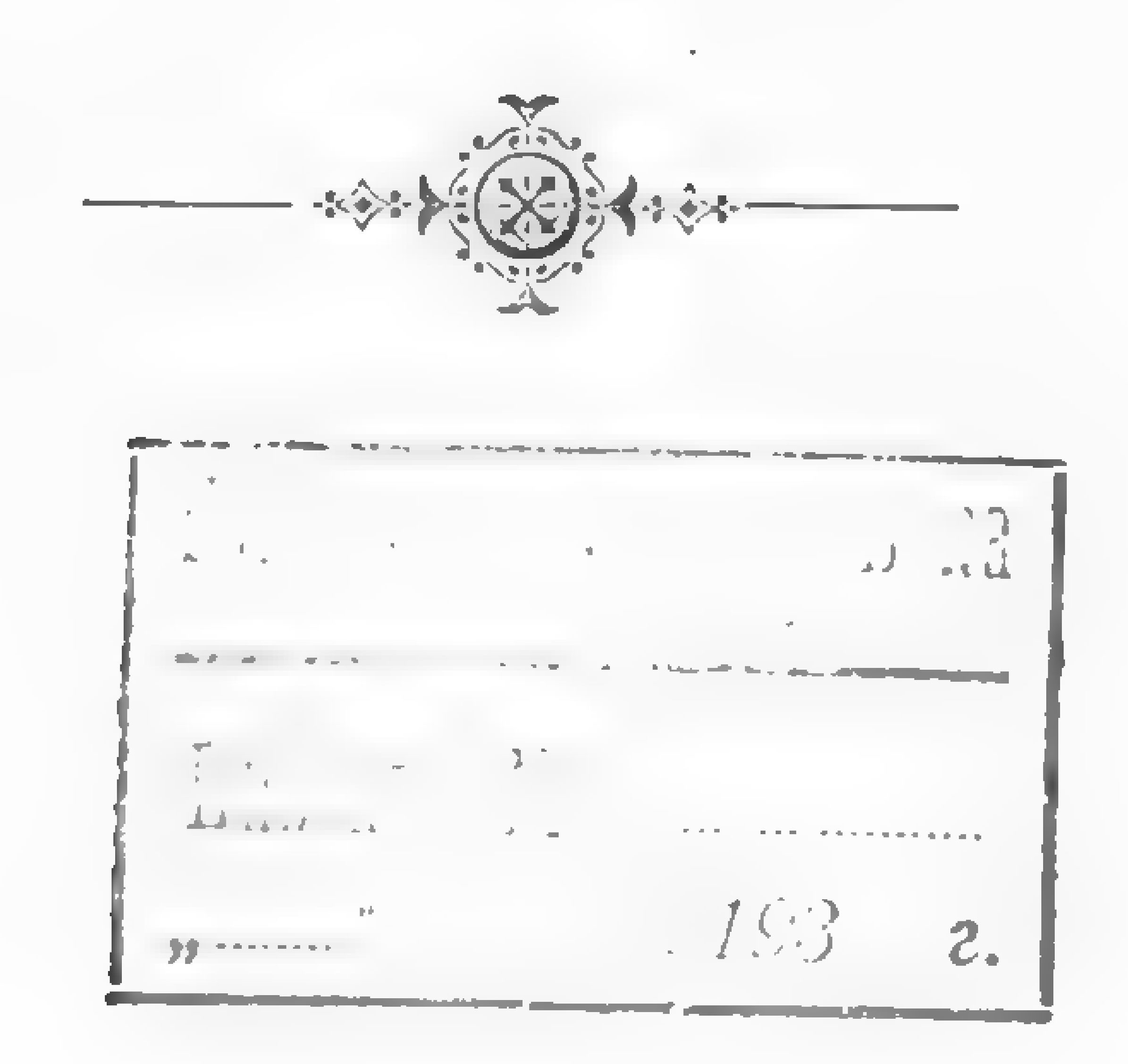
Въ *Пруссіи*: тяжкія государственныя преступленія, предумышленное убійство, важные случаи поджога жилыхъ зданій, причиненіе наводненій, потопленіе корабля, поврежденіе желѣзныхъ дорогъ, отравленіе водъ или съѣстныхъ припасовъ, послѣдствіемъ которыхъ была смерть.

Въ *Австріи*: важнѣйшія государственныя преступленія, убійство умышленное и предумышленное, поджогъ скопомъ или имѣвшій своимъ послѣдствіемъ смерть.

Мы были правы, такимъ образомъ, утверждая въ самомъ началѣ настоящей бесѣды нашей, что наше отечество, еще въ концѣ первой половины прошедшаго столѣтія вызвавшее удивленіе всей Европы пріостановленіемъ дѣйствія нормальной смертной казни и въ теченіи цѣлыхъ полутораста лѣтъ протестовавшее, въ лицѣ лучшихъ людей своихъ, противъ этого вида уголовной кары—и въ настоящее время идетъ, въ области вопроса о смертной казни, во главѣ великихъ культурныхъ державъ Европы. Это подтверждается и тѣмъ, что, какъ это прекрасно отмѣтилъ М. Ф. Владимірскій-Будановъ, „новое отраженіе старыхъ взглядовъ на преступленіе и нака-

заніе и усиленіе жестокости, явившееся въ Европѣ въ эпоху реакціи начала XIX-го вѣка,—не коснулись Россіи и не отразились ни въ Сводѣ Законовъ, ни въ Уложеніи о наказаніяхъ 1845 года“.

Все это заставляетъ насъ думать, что Россія идетъ по вѣрному пути къ окончательной отмѣнѣ у себя смертной казни. Будемъ же твердо вѣрить, что грядущее XX-ое столѣтіе, отъ котораго мы ждемъ чудесъ человѣческаго ума и человѣческой культуры, увѣнчаетъ историческое развитіе русскаго уголовнаго права знаменемъ, на которомъ явится начертаннымъ высоко-христіанскій завѣтъ, еще 800 лѣтъ тому назадъ преподанный потомству Владиміромъ Мономахомъ, этимъ лучшимъ земскимъ княземъ старинной Руси: „*Не казните ни праваго, ни виноватаго—не губите души христіанской!*“....

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ДРУГІЕ ОТДѢЛЬНО-ИЗДАННЫЕ ТРУДЫ

Н. П. ЗАГОСКИНА:

1. Уставныя грамоты XIV—XVI вв., съ сведеннымъ текстомъ ихъ и указателемъ къ нему. Два выпуска. Казань, 1875—1876 г. Ц. 1 р. 25 коп.

2. Очерки организаціи и происхожденія служилаго сословія въ до-Петровской Руси. Казань, 1876 г. Ц. 1 р. 20 к.

3. О правѣ владѣнія городскими дворами въ Московскомъ государствѣ. Казань, 1877 г. Ц. 40 к.

4. Методъ и средства сравнительнаго изученія древнѣйшаго обычнаго права Славянъ вообще и русскихъ въ особенности. Казань, 1877 г. Ц. 60 коп.

5. Исторія права Московскаго государства. Томъ I. Казань, 1877 г. Ц. 2 р. Тоже, томъ II, вып. I-ый. Казань, 1879 г. Ц. 1 р.

6. Столы Разряднаго Приказа по хранящимся въ Архивѣ Мин—ва Юстиціи книгамъ ихъ. Казань, 1879 г. Ц. 50 к.

7. Уложеніе царя и великаго князя Алексѣя Михайловича и земскій соборъ 1648—1649 года. Рѣчь. Казань, 1880 г. Ц. 50 к.

8. Верховники и шляхетство 1730-го года. Казань, 1881 г. Ц. 50 к.

9. Матеріалы историческіе и юридическіе района бывшаго Приказа Казанскаго Дворца. Томъ первый: Архивъ князя В. И. Баюшева. Казань, 1882 г. Ц. 1 р. 25 к.

10. Пятидесятилѣтіе оперы «Жизнь за Царя». Публичное чтеніе. Казань, 1887 г. Ц. 30 к.

11. Исторія русскаго права. Ея вспомогательныя знанія, источники и литература. (Библіографическій указатель). Казань, 1891 г. Ц. 3 р.

12. Врачи и врачебное дѣло въ старинной Россіи. Казань, 1891 г. Ц. 50 к.

